

Эстонские
ПАСТЫРИ И СТАРЦЫ

*Автор-составитель
Людмила Ильюнина*

Санкт-Петербург
2020

ББК 86.372

И48

***Одобрено Синодальным
информационным отделом Русской
Православной Церкви № 068
от 15 марта 2011 года***

И48 Эстонские пастыри и старцы.
Автор-составитель Л. А. Ильюнина.
СПб: Контраст, 2020. — 304 стр., илл.

*Приложение к журналу
«Православный летописец Санкт-Петербурга»*

© Ильюнина Л. А., 2020

Предисловие

В древние времена Эстонскую землю называли землей Марии, землей Богородицы. Пречистая Своими легкими стопами обошла холмы, озера и источники и явила Свою икону рядом с тем местом, на котором впоследствии был построен величественный Свято-Успенский Пюхтицкий монастырь. Ее молитвами на этой благословенной земле появились старцы, которые в советское время были утешителями и целителями многих верующих людей, не только из Эстонии, но и из разных концов тогда еще не разделенной большой страны.

При жизни эти пастыри Христовы не хотели, чтобы их именовали старцами, но все, что мы сейчас о них узнаем из воспоминаний самых разных людей, указывает на то, что они обладали духовными дарами, отличающими подлинных старцев: даром рассуждения (прозорливости), даром исцеления телесных и душевных недугов и подлинным смирением Христовым. Двое из них — протоиерей Петр Сергин и архимандрит Ермоген (Муртазов) — были духовниками Пюхтицкого монастыря, протоиерей Василий Борин служил

неподалеку от славной обители, протоиерей Вячеслав восстановил храм в шахтерском городке Кохтла-Ярве, а протоиерей Василий Лысак окормлял таллиннскую паству. Все названные батюшки, которым посвящена эта книга, были связаны духовным общением, хорошо знали друг друга.

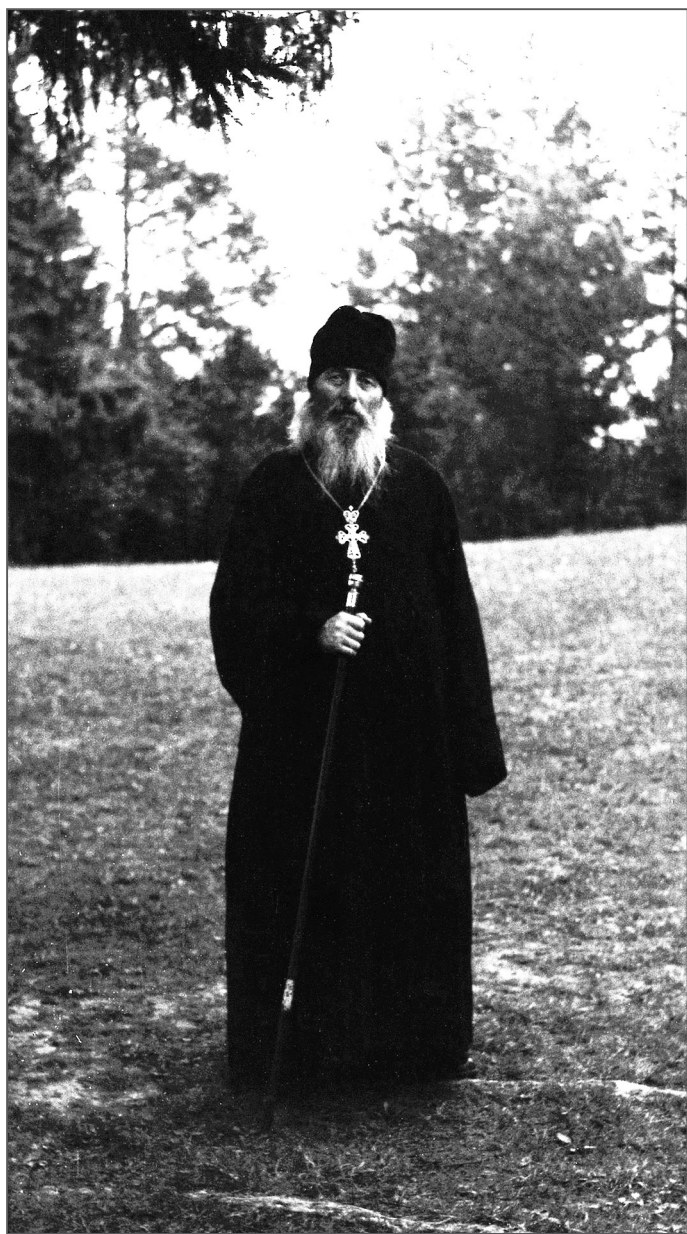
При разнице в возрасте, судьбах и характере объединяло их всех то, что они были сугубыми молитвенниками за народ. Именно поэтому Господь послал им Свои благодатные дары — они были подлинными пастырями, которые сопереживали каждому человеку, приходящему к ним, и вымаливали у Господа прощение и исцеление, даже от такого страшного недуга, как одержимость.

В книге, которую вы держите в руках, собраны воспоминания духовных чад о незабвенных для них наставниках, на основе этих воспоминаний составлены жизнеописания старцев земли Эстонской, к которым присовокупляются поучения и проповеди.

Протоиерей
ПЕТР СЕРЕГИН

Более 16 лет, с 1954 по 1971 год, духовником знаменитой Свято-Успенской Пюхтицкой обители был отец Петр Серегин.*

Родился батюшка в с. Шуты Пензенской губернии, в крестьянской семье, 21 августа 1895 года. Родители его были глубоко верующими людьми, и любовь ко храму он унаследовал от них. В юные годы читал духовную литературу, пел с отцом в церковном хоре. Учился в сельской школе, но в основном занимался самообразованием, и ему было предложено место волостного писаря.

В июне 1919 года священник Троицкой церкви отец Евграф благословил Петра организовать «Общество ревнителей православия». «Как я рад! Радостные чувства волнуют сердце», — восклицает в своем дневнике Петр. По промыслу Божию — в праздник свв. апп. Петра и Павла — состоялось открытие общества «Светильник», на которое возлагались задачи благотворительности, просвещения и благоустройства храма.

В 1921 году Петр был назначен псаломщиком и регентом в родной Троицкой церкви

* Автор-составитель Агриппина Малышева.

вместо почившего родителя Дмитрия Флоровича. Благодаря дарованным Богом способностям и любви к православному богослужению отец Петр организовал хор из сельских прихожан, в котором пело по праздникам до 40 человек.

Отец Евграф подал рапорт о рукоположении Петра в сан диакона. Об этом событии записано в дневнике: «Ходил в Пензу и был рукоположен Преосвященным Борисом в диакона за поздней литургией в Петропавловской церкви, в воскресенье 24 апреля. Слава Тебе, Господи!» С глубоким усердием три года служил отец Петр в сане диакона.

С юных лет Петр стал вести «дневник правдивый и открытый», анализируя внутреннее состояние своей души «для проверки совести». Из дневника видно, как в молодом человеке «является жажда перейти к посильному выполнению высокой цели жизни». Свое предназначение он понял и записал в дневнике 5 апреля 1919 года: «Спасение. Служение Православной Церкви. Семья».

И отныне каждый шаг, каждое движение мысли было освящено вечным светом Православной Истины. Немного спустя рождается вывод: «Все дарования и способности, всю жизнь, все силы отдать Церкви — самой верной сокровищнице и самому надежному хранилищу» (18 мая 1922 г.).

13 апреля 1925 года епископом Нижне-Ламовским Филиппом (Перовым), управляю-

Протоиерей П. Серегин

щим в то время Пензенской епархией, отец Петр был рукоположен во пресвитера к храму в соседней деревне Сьяново. В этот день он записал в дневник одно слово: «Свершилось!» Позднее он напишет: «Теперь я вступил на новый славный, ответственный путь — подвиг царственного священства... О, как я бесконечно счастлив, получив сей чудный

Беломорканал. 1931 г.

Божественный дар. По милости Его совершилось! Теперь, кажется, я сильнее чувствую, что не принадлежу ни миру, ни самому себе, но куплен сугубо дорогою ценою моим Господом. Господи, дай мне послужить Тебе в преподобии и правде» (17 мая 1925 г.).

С этого времени началась великая, самоотверженная пастырская деятельность

отца Петра. Запись из дневника в феврале 1926 года: «Священник должен быть молитвенник непрестанный, проповедник неутомимый, Таин Божиих строитель».

Наступили 30-е годы — годы репрессий.

Не минула служителя Церкви Христовой тюрьма. В 1932 году он был отправлен на строительство Беломорканала.

В 1941 году началась война, отец Петр был на фронте до самого 1945 года и был удостоен нескольких правительственных наград. Окончание войны отец Петр встретил в Будапеште и оттуда уже вернулся в Петрозаводск.

С 1946 года по благословению митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) отец Петр служил в Крестовоздвиженском соборе Петрозаводска. В марте 1948 года епископом Петрозаводским и Олонецким Нектарием (Григорьевым) назначен благочинным храмов Олонецкой епархии и настоятелем Крестовоздвиженского кафедрального собора Петрозаводска.

В эти годы отец Петр продолжал записывать свои размышления, в которых красной нитью проходила тема: *как спастись*. Многие его размышления являются как бы переводом высокодуховных истин на язык, доступный любому верующему человеку. Они как пособие для начинающих борьбу с собственными страстями.

«Всякое мое слово да будет обдуманно и растворено солью благоразумия», — было

записано в дневнике еще в 1922 году. Именно такое слово и слышали приходящие к нему.

На праздник Успения Божией Матери в 1954 году о. Петр получил указ Высокопреосвященного митрополита Григория о назначении духовником Пюхтицкого монастыря.

Из записок Л. С. Запариной «Непридуманные рассказы»: «В Пюхтицу отец Петр приехал ненастным осенним днем. Было 1 октября 1954 года. Только закончилась обедня.

К Святым воротам подъехала попутная машина, и из нее вышел человек, по виду — священник. Грузовик развернулся и уехал. Дул сильный ветер и гнал темные облака. Земля раскисла от частых дождей, и отец Петр шел осторожно, чтобы не оступиться. Подойдя к закрытым воротам монастыря, он поставил чемодан на землю, снял шляпу и опустился на колени прямо на холодную липкую грязь. Помолившись, отец Петр поднялся, отряхнул испачканную рясу и через калитку вошел в ограду.

Так началась его жизнь в Пюхтице. Было ему тогда 62 года, но по виду казалось меньше: сухощавый, прямой, выше среднего роста, очень крепкий, с красивыми чертами лица с пристально глядящими глазами. Волнистые волосы и темная еще борода росли вольно, не зная ножниц.

Образование отца Петра заключалось в трех классах начальной школы и заочно

пройденной семинарии. При богатых природных данных, глубоком и пытливом уме, цепкой памяти и исключительной работоспособности, — отец Петр сумел так обогатить свои знания, что в общении с ним совершенно не чувствовалась ограниченность его официального образования.

Это было время, когда обитель, как и вся страна, во всем терпела нужду. Послевоенные трудности обустройства обители, налаживание ее духовной жизни легли на плечи отца Петра. Став для насельниц и мирян незаменимым духовным руководителем — требовательным и понимающим, строгим и любящим — отец Петр прослужил в обители 16 лет.

Пюхтицкая обитель по своему уставу была общежительной, имела большое хозяйство и принимала множество паломников. Обитель владела 72 га земли, на которой выращивали свою пшеницу, рожь, овес, ячмень, картофель; имела огороды, большой скотный двор, более 20 коров, лошадей, кур; множество монастырских построек, начиная от собственной хлебопекарни и кончая большими кухонными погребами.

Поселили батюшку в гостинице, так как по бедности не могли предоставить ему отдельный домик и келию.

Десять лет отец Петр прослужил один. Служил ревностно, отдавая все силы. Трудно пришлось отцу Петру в Пюхтицком монастыре:

длинные ежедневные службы утром и вечером, полунощница, начинавшаяся в четыре часа утра, требы, окормление сестер и мирских, которых вначале было немного, но с закрытием Глинской пустыни и других монастырей их количество сильно увеличилось.

И как бы отец Петр ни уставал, после каждой литургии он по-прежнему говорил проповеди. Для каждой души батюшка находил полезное ко спасению слово. Часто батюшка спал сидя в кресле или вообще проводил ночи без сна и, не имея времени для подготовки к проповедям, всегда говорил то, что было у него на сердце, облагодатствованный священным прикосновением к богослужебным Божественным Таинствам. Ни один его совет не был им самим же не исполнен».

Особенно ценила отца Петра блаженная Екатерина. В общении с ним она отказывалась от своего обычного юродства и, как с человеком одного духа, могла беседовать с ним часами.

Из воспоминаний м. Серафимы (Демор):
«Отец Петр призывал всех обращать внимание на свой внутренний мир, на то, что происходит в глубине человеческого сердца и ума, которые должны гармонично соединяться в едином стремлении стать обителью Господа Бога. Подвиг внутреннего очищения и борьбы со своими страстями батюшка ставил выше внешней исправности и фарисейской праведности. Слово его могло лечить, но

иногда лекарство его оказывалось слишком горьким, — за обличительные проповеди некоторые сестры батюшку невзлюбили.

— Вы подумайте, все страсти да страсти! Ну какие могут быть страсти у монаха, оставившего мир?! Главное — трудиться в обители. Вот батюшка Иоанн Кронштадтский сказал о сестрах Пюхтицкого монастыря, что тяжелыми трудами войдут в Царствие Небесное...

Безыскусные и простоватые эти сестры не могли уразуметь, что самый тяжелый труд — это как раз труд внутреннего подвига через отсечение любимых привычек, навыков, желаний — не только в делах, но и в мыслях, чувствах, настроениях. Греховный ветхий человек в этих немудрых девах сопротивлялся спасительной правде слов батюшки и восставал против него же самого. Но даже они порою вынуждены бывали признать и делились откровенно с близкими себе по духу, что сегодня батюшка говорил проповедь точно про них...

Конечно, без большого искреннего желания, без решимости претерпеть крест борьбы со страстями и похотями до конца невозможно быть послушной и трудно подчиняться воле другого человека. Но это и есть монашеская школа — отсечение своего “я” по мере шествия и продвижения ко Христу. Конечно, не все способны идти путем полного послушания и отречения от своей воли, но по степени решимости и венчаются, и усваиваются Христу Его последователи.

Батюшка хорошо знал этот путь борьбы, прежде всего со своим греховным “я”, и предлагал пройти им вслед за собой. Те, кто воспользовался этим великим даром — иметь духовника, — ценили и любили своего пастыря и благодарили Бога за него».

Из книги Л.С. Запаринной: «Батюшка был очень требовательным и строгим, но прежде всего к себе. В начале своей жизни в Пюхтице он даже не поднимал белой шторы на своем окне, чтобы не отвлекаться от богомыслия. Спал в основном одетый, сидя на стуле, и иногда ночью со страшным грохотом падал с него сонный на пол.

Был неумолим в своих требованиях к вычитыванию молитвенных правил и соблюдению постов. Скоромную пищу в постные дни не разрешал даже больным. “Я не благословляю”, — скажет и строго замолчит.

От приезжих богомольцев требовал посещения всех церковных служб. “А то для чего же вы в монастырь приехали?” С годами стал мягче. А то помню, как одна старушка опоздала к общей исповеди и не слышала начала молитв перед нею, — узнав об этом, отец Петр отказал ей дать отпущение грехов: “Не опаздывайте. К поезду, когда куда-либо едете, торопитесь? А здесь дело важнее всякого поезда”.

Скромнен был в одежде, в еде, в быту. Если у него в комнате вдруг появлялся ковер,

С игуменьей Ангелиной

картина, удобное кресло, значит, это подарок духовных детей ко дню Ангела.

Молился подолгу, и когда говорил о молитве, то как о явлении таком же естественном и необходимом, как дыхание.

Помню, как он сказал: “Бог является Источником жизни и радости для человека тогда, когда этот человек всегда обращается к Нему и через молитву приобщается этого Источника жизни. Только такое исповедание Бога и нашей веры в Него живо и действенно. Поэтому и говорят, что молитва есть дыхание души. Если молитва погасла, то душа уже мертва и отчуждена от Бога — Источника жизни и радости”».

Л. Д. Запарина приводит рассказ одного из паломников: «...среди богомольцев разнесся слух, что отец Петр отчитывает “порченных”. Их стали привозить к нему, но вышло распоряжение, чтобы он этого не делал. Не знаю, имел ли он силу над нечистью или нет, только мне пришлось испытать следующее: как-то мы вдвоем с моим другом решили провести зиму в Пюхтице. Мы сняли комнату, и хотя она по местным бытовым условиям была весьма комфортабельной, мне комната сразу же не понравилась, и меня охватило в ней чувство тоски. Я не придавал этому значения, и мы поселились.

Вскоре мой приятель уехал по делам в Ленинград, а я остался один. Утром я не всегда посещал храм, но по вечерам простаивал в нем всю службу. Вот после одной из та-

ких служб я вернулся домой, зажег лампу-“молнию” (тогда электричества здесь еще не было), затопил печку, вскипятил чайник и расположился за столом с книгой.

Трещали дрова, за окном ярко сияла луна, на душе было хорошо. И вдруг, как острое жало, мысль не мысль, а будто кто-то шепнул: выйди на улицу и удавись. Я передернул плечами, на миг ужаснулся и продолжал чтение дальше. На второй вечер это явление повторилось, только в более острой и продолжительной форме, так что я долго не мог успокоиться. А на третий его сила была такой мощной, что на меня напал ужас и я почувствовал, что дальше этот натиск выдержать не могу. Едва дождавшись утра, я пошел к отцу Петру, но уже не застал его дома и оставил ему отчаянное письмо с просьбой помочь.

Наступивший вечер прошел спокойно, так же спокойны и безмятежны были последующие дни и ночи. Я совершенно забыл о страхованиях, и вдруг встретил в роце отца Петра. “Ну как?” — спросил он, пристально глядя на меня. Я недоуменно поднял плечи, начисто забыв все. Потом вспомнил и затряс его руку: “Спасибо, спасибо! Все прошло!” — “И не вернется”, — спокойно и значительно сказал отец Петр и пошел своей дорогой.

А на моего друга, который очень любил Пюхтицу, начал нападать страх даже в церкви. Ему казалось, что он вот-вот должен

увидеть нечто ужасное. Высказал о своем состоянии отцу Петру, тот поднял на него спокойные глаза:

— Вас отсюда гонят.

— Кто? — не понял друг.

— Бесы. Не уступайте им, молитесь.

Мой друг очень извелся в этой борьбе, но не уехал, а усердно молился, и все, слава Богу, прошло.

Через три года я узнал, что в этой комнате, где со мной происходили страхования, был убит выстрелом в окно человек, предавший и сам убивший несколько местных жителей. После убийства тело несколько дней пролежало в комнате».

Далее в книге «Непридуманные рассказы» приводится еще один рассказ того же паломника:

«Я не был в числе духовных чад батюшки, но, приезжая в Пюхтицу, всегда заходил побеседовать с ним и очень дорожил проведенным вместе временем. Обычно по приходе мы молились, потом приветствовали друг друга, а затем, зябко ежась в теплом подряснике и меховой безрукавке, отец Петр усаживался напротив меня, и начинался душевный разговор, которому мешала сильная жара в комнате, но батюшка, по всей видимости, не тяготился ею.

Один раз я спросил:

— Вы любите тепло?

— Очень.

— Как же вы выдерживаете в соборе службы? Там ледяной холод даже летом.

— Господь помогает, — улыбнулся отец Петр.

Один год я не был в Пюхтице, а приехав, зашел к отцу Петру.

— Ну, рассказывайте, как живете, — ласково встретил он меня.

— Очень плохо, болею, — с грустью ответил я.

— Радуйтесь, — произнес отец Петр.

— Чему радоваться?! Я ведь инвалидом стал.

— Это Господь печется о вашем спасении.

— Нет, батюшка, теперь путь спасения для меня закрыт.

— А в чем вы его видите?

— В помощи ближним. Но болезнь лишила меня этой возможности.

— Вы избрали для себя легкий путь спасения, а Господь посылает вам более трудный — путь смирения. Ведь ничто не смиряет нас так радикально, как болезнь. Не печальтесь о взятом от вас и принимайте посылаемое.

Тему нашего разговора отец Петр потом развил в своем слове, сказанном в храме после литургии: “Очень многие жалуются мне, что окружающая обстановка мешает делу их спасения. Хочется помолиться, богомыслием заняться, духовную книгу прочесть, а в семье или у соседей — гости, телевизор включен, музыка.

Как можно сосредоточиться, если в сердце одно раздражение на окружающих, где

же здесь спасение? А я вам скажу, что надо благословлять такие условия, потому что они закаляют наше сердце и приучают неустанно следить за собой”.

Говорить народу после литургии отец Петр поставил себе за правило. Не всегда его слова бывали одинаково интересны и били в цель, но всегда это был зов ко внутреннему совершенству. Мне запомнилось, как он сказал однажды: “Следите все время за сердцем: с Богом ли вы? Проверяйте себя! Берегитесь, когда мысли ваши блуждают, то забегают в прошлое, то строят какие-то воздушные замки или приводят воспоминания о причиненных вам кем-то обидах и воспаляют сердце. Как можно больше молитесь, но помните, что есть люди, которые много молятся, но кому они молятся? Не все молятся Богу, а молятся себе. Некоторые сетуют, что во время молитвы житейские мысли уносят ее от них. Это потому, что они слишком привержены житейскому, а не духовному. Надо изменять направление мыслей, и молитва останется с молящимся”.

Отцу Петру приходилось выслушивать много замечаний об утомительно длинных поминаниях живых и мертвых во время литургии. “А вы сами почему не молитесь в это время? — говорил батюшка упрекавшим. — Поминайте своих. Вспомянули — поминайте чужих. И чужих помянули — тогда творите молитву Иисусову, и благо вам будет”».

Он много писал о молитвенном состоянии человека, о путях достижения совершенства, и наиболее близким давал читать свои записи. Вот маленькая выдержка из них: «Мы часто бываем слишком снисходительны к себе в грехах, так называемых “малых” или “повседневных”. Не надо забывать, что почти всегда они являются многолетним навыком или признаком и проявлением застарелых страстей. Их сила и опасность обозначается только тогда, когда вступишь с ними в борьбу. Здесь небрежничать очень опасно».

Жил отец Петр в монастыре сначала один, изредка приезжали к нему дети с маленькими внучатами, потом к нему переехала супруга.

Бабушка была от природы очень кротким и смиренным человеком. Ее родной брат был священником, иерей Евфимий. В 30-х годах она, как жена священника была сослана в ссылку в Вологодскую область. Когда ее вывозили в ссылку дедушка был в отъезде по служебным делам. Узнав о ссылке своей супруги, отец Петр вместе со старшим сыном Василием поехали к матушке в Вологодскую область, но были сняты с поезда, как вспоминал дедушка, «людьми в кожаных куртках», и отправлены в тюрьму. Сына Василия милостью Божией быстро освободили, а отцу Петру был вынесен приговор Народным Судом Наровчатского Района Средне-Волжского Края 22 Июня 1932 года: «Ссылка в лагерь сроком на 3 года на строительство Беломо-

ро-Балтийского Канала в Карельской АССР». Перенеся там тяжелую болезнь, о своих страданиях он вспоминал: «.....Я в одном месте приходил на кухню с консервной баночкой, и, молча ждал у дверей, когда повар плеснет в нее чтонибудь...» Так Господь помогал своему исповеднику и не дал ему умереть голодной невыносимой смертью, что было не редко на ББК. Освобожден был отец Петр досрочно 16 декабря 1934 года, а 16 марта 1998 года отец Петр был посмертно реабилитирован на основании пункта «в» статьи 3 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

Бабушка, находясь в ссылке, несла свой крест, и для того чтобы прокормиться, ходила по деревням и за пропитание стирала людям их белье. В течении времени пока она была в ссылке, ее двух младших дочерей скрывали добрые люди, чтобы они не попали в детдом, что привело бы к распаду священнической семьи. В Пюхтицу она приехала несколько позже отца Петра, так как в то время в Петрозаводске помогала своим дочерям с детьми. В монастыре жили они с отцом Петром в домике князя Сергия Шаховского на горке. Бабушка скучала по своим внукам, так что стенка у ее кровати была вся оклеена их детскими рисунками. Ночами она сидя в кровати молилась, как свидетельствует одна из внучек, повторяя слова молитвы: «Пресвятая Богородице, спаси нас!». Так она жила

до конца своих дней. На отпевании отец Петр сказал о своей новопреставленной матушке теплые слова, раскрывающие жизнь скромной христианки: «Живя здесь, она была крайне благоразумна, терпелива. Последние годы я предлагал ей принять монашество, но она не согласилась. Не по тому, что она пренебрегала этим — нет, а просто она решила нести свой крест до конца. Крест был донесен до конца!»

Хозяйства она не вела по болезни, этим занимались духовно близкие отцу Петру женщины. Детей у отца Петра было четверо, внучек — десять, внуков — двое. Десять лет отец Петр прослужил в Пюхтице без помощника, а некоторые годы даже без отпуска, так как не хотел оставлять без себя монастырь. Под конец стал изнемогать: богомольцев все

больше, количество поминаний растет, требы увеличиваются, а он — один.

И болезни стали одолевать. Особенно страдал отец Петр от воспаления тройничного нерва, а в последние годы начало донимать сердце и ноги сделались непослушными.

Как правило, отец Петр никогда не выходил из храма один, обязательно появлялся какой-нибудь человек, а иногда двое или трое, которым срочно требовалось выяснить важное для них дело. Пока шли монастырским двором, к идущим успевал присоединиться еще кто-либо, за калиткой тоже ожидали желающие получить совет. «Ну, опять крестный ход», — пошутит кто-нибудь из монашек.

Отец Петр выслушивал всегда всех внимательно и обрывал только в тех случаях, если к нему обращались совсем с пустым разговором. Говорящего он не торопил, задавал вопросы. Сердился редко, а покрикивал еще реже. Когда наконец уходил один в дом, уже согнувшийся от усталости, то казалось, что сложенные на него горести он несет, не сбрасывая со своих плеч.

Мне рассказывали, что однажды в Печерский монастырь к покойному (а ныне прославленному) отцу Симеону приехала пюхтицкая монахиня для разрешения сложного вопроса. Выслушав ее, отец Симеон с упрёком сказал: «Зачем ко мне ездите, когда у вас есть такой священник, как отец Петр?»

Отец Петр прослужил в монастыре 16 лет. Матушка игуменья Рафаила, при которой отец Петр пришел в обитель, неоднократно говорила ему: «Батюшка, ведь вот вы же не монах, но как пришлись нам ко двору!» — выражая этим свою благодарность батюшке за самоотверженное служение и удовлетворенность им.

Пюхтицу часто посещал старый ленинградский ученый, влюбленный в науку и посвятивший ей всю свою жизнь. В откровенной беседе отец Петр посоветовал ему оставить научную деятельность и заняться подготовкой своей души к переходу в иной мир. Это предложение оскорбило ученого и оттолкнуло от отца Петра. «Это изувер, — говорил тот о нем, — темный фанатик четвертого века». Потребовались годы, для того чтобы на пороге своего 80-летия ученый понял, что отец Петр прав.

Домом на Княгининой горе, где между прочими жили оба священника, заведовала старая монахиня Н., Бог знает в силу каких причин возненавидевшая отца Петра. В глаза ему и за глаза она говорила о нем самые порочащие вещи, останавливала приходящих к нему на дом богомольцев, стыдила их, что они обращаются за советом к такому ужасному священнику, пугала Божией карой и очень часто добивалась того, что отвращала людей от отца Петра. Многие указывали батюшке на недопустимое поведение монахини, но он

отвечал: «Это такой крест, который мне по силам, есть куда тяжелее». И относился к ней с неизменным добродушием, которое приводило ее в ярость.

Здесь уместно вспомнить слова из беседы от 30 мая 1910 года прп. старца Варсонофия Оптинского: «Это враг научает злословить рабов Божиих, чтобы отвлечь от них людей. Действительно, врагу выгоднее всего, когда люди бегут от светильников Божиих и пребывают во тьме. Происки врага бывают и у нас в Оптиной. У отца Макария, несмотря на его прямо святую жизнь, было недоброжелателей из скитян.

Бывали такие случаи: приедут из Москвы богатые купцы на тройках (железных дорог тогда еще не было) к батюшке Макарию. Подъезжают к скиту и спрашивают:

— Где живет известный Макарий?

— У нас такого нет, — отвечают ему.

— Как же такого нет, а нас именно и послали к отцу Макарию.

— Макариев-то в монастыре много, которого же вам?

— Да это Оптинский скит?

— Оптин, Оптин!

— Ну как же, тогда нет сомнения, что здесь живет отец Макарий!

— Ах, вам, верно, иеромонаха Макария, есть, есть. Только зачем это вы к нему приехали, никакой пользы от него не получите. Не советуем к нему идти.

Озадаченные такими словами, купцы, выругавшись, поворачивают обратно.

Некоторые из иноков с негодованием передавали отцу Макарию о случившемся и говорили:

— Как вы, батюшка, подобных монахов терпите? Да их метлой надо гнать из монастыря. Если уж вам все равно, так обитель лишается помощи, ведь среди купцов были богатые фабриканты... Мы же живем милостыней.

— Успокойтесь, — отвечал обычно отец Макарий, — иноки тут ни при чем. Значит, не дорóга этим людям быть у меня; кого Бог посылает, тот меня найдет.

Сильно работает диавол, желая отвлечь людей от служения Богу, и в миру он достигает этого легко. В монастыре же ему труднее бороться, оттого дух злобы так ненавидит монастыри и всячески старается очернить их в глазах неопытных».

Что касается отца Петра, то гонения на него прекратились после вмешательства правящего архиерея (владыки Алексия, будущего Патриарха), после обращения к нему духовного сына батюшки отца Василия. Он посетовал владыке на притеснения отца Петра, и владыка своей властью все уладил.

Из книги Л. С. Запариной, рассказ паломника: «В течение своей жизни я посетил некоторые действующие монастыри, и у меня возникло сомнение: могут ли они при тех условиях, в которых теперь находятся, способствовать спасению людей, пришедших в них.

Я высказал свои соображения отцу Петру и получил убежденный ответ: “Монастырь — это передний край борьбы с врагом, это кузница, где выковываются человеческие души. Каким бы несовершенным ни был монастырь, он поможет человеку, если тот пришел в него ради любви ко Господу. Не надо забывать, что в монастырь идут лучшие люди

в мире. Но есть и исключения. Есть те, которые пришли ради самых низменных целей, или по непониманию монашества, или в состоянии временного подъема. Таких людей много, но в данном случае речь идет не о них, и тот, кто пришел в монастырь ради спасения души, не сольется с ними.

Вы знаете хорошо, что каждый человек терпит многочисленные нападения от беса, но особенно много усилий враг прилагает для борьбы с монашествующими, так как в миру бес увлекает человека какой-либо одной страстью и держит его на поводке, потому что мирской человек редко со своей страстью борется, а в монастыре идет горячая борьба со страстями, их стараются отсечь, и потому бес идет на различные уловки, зачинает ссоры, сплетни и т. п., чтобы внести разлад и уныние в сердца борющихся. Говорят, что в монастырях много плохих монахов, а откуда они пришли? Из мира. Но они пришли для того, чтобы стать лучше”».

Искреннее служение Господу с полной отдачей всех сил, душевных и телесных, мало-помалу истощало слабое здоровье батюшки, он стал заметно ослабевать. В 1970 году потребовалась срочная операция, после которой он уже не служил и был отправлен по состоянию здоровья за штат. Свое увольнение и разлуку с родной, Богом данной ему Пюхтицкой обителью отец Петр пережил внешне спокойно, с полной покорностью и преданно-

С дядей иереем Илией

стью воле Божией. Но те, кто близко знал батюшку, могли догадаться, что он пьет новую скорбную чашу, не имея возможности служить у Престола Божия.

Но так как скорби были обычными спутниками его жизни, отец Петр опять всецело предал себя Господу, говоря: «Вот в моей жизни начинается новый отрезок времени, новая страница». Как всегда, сетовал, что «надо нам понять, чего хочет от нас Господь, преподавая нам данный урок», да и сам старался усвоить новый урок Божий здесь, на покое.

Еще ранее кто-то из благодетелей приобрел для батюшки домик с небольшим участком земли в трех километрах от монастыря, где он и поселился. Близость к обители не только утешала отца Петра, но и была большой радостью для сестер, ибо давала им возможность хоть изредка посещать батюшку на его хуторе. Он не переставал опекать сестер до последних дней своей жизни.

Служение Богу и людям стало в это время еще более молитвенным, сосредоточенным. Основным делом в эти годы явились для отца Петра занятия Иисусовой молитвой и усвоение, водворение ее в сердце. При посещении батюшки на хуторе, при беседе с ним и даже при ответах его на вопросы было видно, что не это занимает целиком его внимание. Он был здесь и не здесь, погруженный во внутреннего своего человека.

Премудрым Промыслом Божиим отцу Петру были наконец дарованы тишина и покой сельской жизни, которыми он сумел в полной мере воспользоваться. Когда кто-то из приходивших к батюшке участливо спрашивал его, не скучает ли он, не имея возможности часто бывать в храме Божиим, он удивленно отвечал: «Не скучно ли?! Нет, нет! Я не имею понятия, что такое скука. Да и когда скучать? Нет для этого времени!»

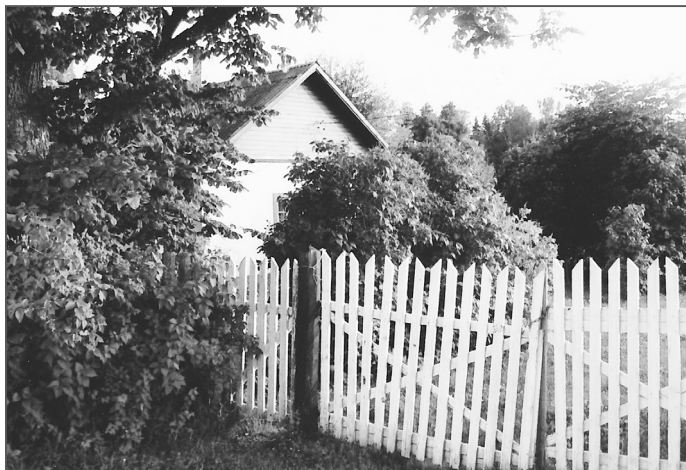
Чувствовалось, что его душа продолжает жить на всю глубину сердечную, еще более усовершенствуясь и возвышаясь в любви к Богу и людям.

Свое внутреннее состояние батюшка описал однажды в стихах:

Все в мире греха и печали
Отравлено ядом страстей,
А люди здесь счастья искали,
Искали сверженья цепей...

В одном утешенье нашел я:
В глубокой тиши, у икон,
И храм, и твердыня мне — келья,
Хранящая плач мой и стон.

Затухните, бурные страсти,
Затихни, седая волна,
Не нужно ни славы, ни власти, —
Душа сокрушенья полна.

Домик у дороги. Хуторок

Устал я. Душой одинокой
Христа я всем сердцем ищу,
Об этом одном я вздыхаю,
Об этом молюсь и грущу.

6.01.1954

На хуторе у батюшки всем хватало и места, и его доброго слова. Сюда могли прийти и монашествующие, и семейные, и выбирающие свой жизненный путь. Люди с высшим образованием и необразованные, и из духовного звания, и светские, и верующие, и иногда неверующие находили в нем удивительного по уму собеседника и советника.

А для духовных чад батюшки наступило счастливое время. Теперь приходиться к нему можно было и днем и ночью; его дверь открыта была для всех. Приезжали дети, внуки,

духовные чада. В летние месяцы собиралось столько народа, что жили не только в доме, но и в детской, в сараях. В пчеловодной сделали кровать с пологом, как раньше в деревне, чтобы пчелы не залетали. Спишь на свежем воздухе, и упоительно пахнет медом. Тишина, вокруг лишь лес шумит. А батюшкины внуки построили себе избушку в саду. Даже в дальних сараях жили люди.

На хуторе шумно, но любовь между нами.
И чувствует каждый, что батюшка с нами.

Осенью все шли копать картошку. А когда привозили дрова и пилили их, батюшка потихоньку выходил во двор и даже немножко пилил тоже, а потом говорил о себе: «И мы пахали», — так говорила муха, сидя на рогах вола в басне Крылова.

А как все переживали, когда батюшка болел! Сердце холодело в груди, молились, чтобы продлил Господь его жизнь.

Батюшка, родной,
Слабенький, больной...
Вы для нас еще дороже,
Когда вас болезнь тревожит,
Мы скорбим всем сердцем, всей душой...
Не болей, родной,
Старец дорогой!
Просим Бога со слезами:
«Не оставь нас сиротами,
Исцели...
Он трепетный служитель Твой».

1975 г.

В обед накрывали два стола, но с батюшкой все не помещались, садились во вторую очередь. За обедом он обязательно говорил слово и раздавал «капельку» из своего бокала. Вот какой стишок прочитал батюшка за обедом в назидание духовным чадам:

Воробей спросил синичку:
«Очень бы хотелось знать,
Почему на свете люди
Должны вечно хлопотать?»

А синичка отвечала:
«И я думаю порой,
Нет у них Отца на небе,
Что питает нас с тобой».

После обеда дело находилось всем: одни шли за грибами и ягодами, кто-то с удочкой на канаву недалеко от хутора ловить карасей для котла, кто-то помогал на огороде, рисовали, пели, ребята играли в теннис, катались на велосипедах. Кто постарше — переписывали батюшкины «сотни», помогали по хозяйству, ведь всех нужно было накормить...

Счастливая пора!
Здесь детство повторяется второе.
Под кровлею отца
Живем, блаженствуем в покое.
Молитвами его,
Отца и старца дорогого,
Не знаем мы тревог
И омута мирского.
Он старенький у нас...
Больные ноги он с трудом передвигает,
Но с палочкой в руках
Выходит в сад... И пчелок навещает.
Своею жизнью
Всем он радость доставляет
И скорбные сердца
Своей любовью утешает.

Особенно любили все бывать у батюшки на именинах. Сколько тут было радости! Сколько душевных бесед и утешения!

Начиная свою беседу с сестрами, батюшка обычно так обращался к ним: «Дорогие мои о Христе дети!» И каждая сестра в этот момент понимала, как она дорога батюшке

С сыном Василием

и как он хочет единою любовью собрать всех, как чад Божиих, в вечности. Слово его исходило от любящего сердца и попадало к любящим сердцам.

Сестры считали своим долгом обязательно утешить батюшку пением, пели церковные песнопения и псалмы. Особенно отец Петр любил псалом «Имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе, Боже...», содержание которого соответствовало устроению боголюбивой души его. Обязательно исполнялся и стих о прп. Серафиме Саровском («Вот он, блаженный пустынный...»).

На день Ангела батюшки собирались очень интересные люди. Рассказы о них дают более полное представление о нем как о духовнике. Батюшке мы верили бесконечно. У него был ответ на любой вопрос. Ответ был всегда единственно верный и неожиданный.

Сколько интересных людей увидели мы на хуторе и подружились! Приезжали из Питера, Москвы, Самары, Латвии, Бугуруслана, Вологодской области, Дагестана, Сухуми, Украины и др. О каждом из них можно писать отдельно, настолько это были интересные люди и судьбы. «Батюшка, мы вас очень любим», — твердили мы. «Вы меня любите, потому что я вас люблю...»

Батюшка был очень благодарным человеком. Во время уборки урожая ему приносили собранные овощи, он с благоговением брал в руки свеклу, целовал ее и благодарил Бога.

Духовное чадо отца Петра Тамара печатала на машинке его сотницы, принесла первую сотню, он крепко прижал тетрадь к своей груди и сказал: «Как я благодарен тебе, что ты продлеваешь мою жизнь, которая была нелегкой. Пиши, да и дыши» (ими).

«Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит», — часто говорил он.

«Вечное Царство Божие Небесное ты получить не можешь, если не будешь иметь его здесь, на земле, во временной жизни, в своем сердце».

«От любви получишь:

— покой

— радость

— свободу».

«Ну что ж, походи в виноватых. Гордому тяжело в виноватых ходить, а смиренному легко».

«Какие сами — такие и сани».

«Страсти нужно не питать, а изживать».

«Держись за последнее место и руками, и ногами, и зубами».

«Смиряться через отсутствие смирения».

«Среди молв стяжи безмолвие».

«Усердие — значит постоянство».

«Совести надо повиноваться, как воле Божией. Если ваша совесть противоречит заповеди, значит — ваша совесть сожжена».

«Не заботься о том, как к тебе относится человек, а заботься о том, как ты к нему относишься».

«Нужно разбирать, что дело, а что подделье».

«Внешние условия ни губят, ни спасают; все зависит от того, как человек исполняет заповеди и воспитывает себя, работает над своим сердцем».

м. Любовь, о. Пётр, м. Викторина, м. Зиновья, м. Паисия

«Всякий подвиг, предпринятый человеком, есть восхождение на крест».

«Даже малое удовольствие расслабляет сердце».

«Если будете стремиться к церковной службе, к духовной жизни — будете находиться под особым Промыслом Божиим, и верьте, что Господь всегда поможет, а на внешние неприятности не обращайте внимания».

«Дети мои, я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос...»

«Много у вас наставников о Христе, но мало отцов, а я родил вас благовествованием».

«Помни, что каждая минута — урок Божий, а люди ни при чем».

«Все мне дозволено, но не все должно мной владеть. В этом свобода».

С архиепископом Сергием (Голубцовыма)

Из наставлений отца Петра монахине Леониде:

«Сокращать общение даже со знакомыми лицами для охраны собственного благополучия в духовном отношении».

«Никакая наука не имеет цены, если она не имеет направления исполнения заповедей».

«Никакая добродетель не спасительна, если она не принесет в сердце смирения».

«Некоторые избегают гнева по гордости: “А что мне с ним связываться! Кто он по сравнению со мной!” С гневом борется, а превозношению служит, и этой страстью побеждается, не имея никакой пользы от своих усилий над искоренением гнева».

«Удаление в пустыню есть подавление соблазна внутри себя».

Со своей матушкой Анастасией

«Если у человека чистое сердце, то его ничто и никто не соблазнит».

Однажды за обедом батюшка удивил всех, сказав, что границу с Эстонией закроют, а потом опять откроют. В то время и разговоров даже не было ни о каких границах (середина 80-х годов прошлого века).

«Для человека необходимы: покой, радость, свобода. Покой, когда он не грешит, радость от молитвы, а свобода от гнева и страстей».

На хуторе батюшка прожил с 1971 года и до конца своей земной жизни. Он никогда ни с кем не обсуждал клевету, которую на него выливали ушатами, даже намеком.

Мать Серафима (Демор) рассказывала, что ей было жаль батюшку и она осудила обидчиков, батюшка прервал ее: «Замолчи!»

Можно было только догадываться, как ему было тяжело. Божественная литургия была его жизнью, его дыханием: 16 лет службы в монастыре утром и вечером.

На хуторе его посещало много людей. Время было советское, и нередко на хутор навещались представители власти для проверки документов.

День на хуторе начинался и заканчивался молитвой. Все собирались в большой столовой, которая была одновременно и кухней, и батюшкина келейница мать Сергия читала утренние и вечерние молитвы, затем все брали благословение.

После каждой трапезы батюшка всегда говорил слово, ежедневно, в течение многих лет жизни на хуторе, не считаясь со своим настроением и самочувствием. Застольные беседы записывала Люба (мать Леонида).

Когда к отцу Петру приходили посетители, он начинал беседу с тропаря Успению Божией Матери «В Рождестве девство сохранила еси, Богородице...»

А заканчивал беседу: «В молитвах неусыпающую Богородицу...»

Когда отец Петр служил в соборе, на службу он приходил очень рано и иногда долго ждал на морозе, когда откроют двери.

А помянников у него было великое множество. Для этих записок был приспособлен специальный портфель, подаренный батюшке монахиней Евстафией, и на нем была гра-

вировка: «Господь открыл вам сердца людей и дал чашу скорбей».

Никто из посетителей не уходил с хутора без чая и гостинцев, все были согреты заботой и любовью. В Великом посту у нас была возможность ходить в монастырь на службы утром и вечером. Все каникулы и отпуска проводили на хуторе. Батюшка так согревал наши сердца своей любовью, своими молитвами, что каждый месяц стремились к нему. Иногда ехали без билетов в тамбуре, иногда на третьей полке общего вагона. Батюшка напутствовал: «Приезжайте почаще, потом будете вспоминать это время». Как он был прав! Это было счастливейшее время. Он согревал своей любовью и разрешал любые вопросы.

У отца Петра был великий дар рассуждения, действенной молитвы, прозорливости. Качественно его сердца было трезвение. Никто не видел, когда он молится. Утром встаем, батюшка уже сидит в своем кресле, вечером засыпаем, а свет в келье еще горит.

Батюшка всегда был в бодрствовании, постоянно внутренне молился, пищу вкушал, что подадут, никого не осуждал, не раздражался, в людях видел образ Божий, даже тех, кто ему сильно досаждал, он продолжал любить. Все делал не торопясь, аккуратно, основательно.

Когда отец Петр жил в Пензенской губернии, шел он со своим маленьким сыном Василием, а бесноватые чуяли издали и

С отцом Михаилом Гундяевым

кричали: «Длинногривый идет, а с ним “карандашный огрызок”».

В Пюхтице, когда еще батюшка отчитывал, они кричали: «Петруха пюхтицкий оставит о себе след».

Надежда, батюшкина внучка, мать Сергия, келейница, и Люба (мать Леонида), регент, пели на кухне успенские песнопения. Батюшка вышел из кельи и обратился к Наде:

«Будешь регентом». — «Дедушка, ну какой из меня регент, я даже нотной грамоты не знаю». Он молча пошел в келью, они продолжали пение. Батюшка снова вышел и сказал: «Будешь регентом». Так и случилось, Надя окончила регентский класс в Санкт-Петербурге и регентирует уже много лет.

А вот как вспоминает свое первое знакомство с отцом Петром одна из его чад: «Первое знакомство с батюшкой произошло в 1966 году, было мне 17 лет, только что закончила школу, начиналась взрослая жизнь. На всю жизнь запомнились слова отца Петра: “Живи так, чтобы перед Богом было не грешно, и перед людьми не стыдно”».

Прожив несколько лет в обители и сохраняя в душе большое желание монашеского чина, отец Петр письменно просил своего духовника отца Иоанна Цветаева благословить его на монашеский подвиг. На это отец Иоанн ответил, что монашеские обеты только затрудняют духовничество в женской обители, и лучше стремиться к внутреннему монашеству, а пока отложить мысли об этом.

Через много лет, в глубокой старости, когда отец Петр уже не будет искать монашеского пострига, его, давно уже внутренне ставшего монахом, за святое послушание постригут и покроют черными ризами.

В своих воспоминаниях отец Кенсорин так говорит об отце Петре: «В первый раз я приехал в Пюхтицкий монастырь по благосло-

В келии

вению отца Иоанна (Крестьянкина), чтобы совершить постриг в монашество отца протоиерея Петра Серегина, служившего в монастыре много лет и жившего за монастырской оградой. Отец Петр тоже был великим старцем, — я постригал в монашество и его келейницу за несколько лет до его смерти».

Батюшке шел 87-й год, он слабел. Его беседы с посетителями касались вечности и загробной нашей участи. Было впечатление, что батюшка уже видит эту будущность, уже живет в ней. «Жизнь жительствоует», — каракулями писал он последние слова свои — рука уже не владела. Он уже уходил в другую, вечную жизнь.

08.08.82 вечером перед вечерней он говорил: «Я всю жизнь отдал Церкви и ближним, а теперь ухожу спокойно. Все отдал,

что было». «Служение обществу и ближним выше мученического подвига...»

15 августа 1982 года батюшки не стало. Светильник погас.

«С утра будь на молитве Серафимом, в делах — Херувимом, а обхождением — Ангелом». Листок с этими словами свт. Димитрия Ростовского лежит у батюшки на столе. Листок с последней записью: «Я живу, и вы будете жить. Жизнь жительствоует. Живу верою в Сына Божия».

Проводы отца Петра в иную жизнь, куда давно стремилась душа его, оставили в душе светлую скорбь и пасхальную радость одновременно. Похоронили отца Петра на монастырском кладбище.

Отец Владимир Залипский (настоятель кафедрального собора Таллинна) в последнем слове сказал: «...я знал батюшку 27 лет и могу сказать, что я никогда не был достоин общаться с ним. Еще мирянином я был у него. Он жил тогда в гостинице. Там у него была келья. Когда я пришел к нему (а это было впервые) и подошел к келье, дверь открылась и из нее вышла женщина, которая, видимо, была на приеме у отца Петра. У нее был очень серьезный вид. По-видимому, он напутствовал ее в большую и трудную жизнь. Вслед за ней в дверях показался отец Петр и, как бы заканчивая напутствие ей, сказал: “Полный покой в полном самоотвержении”. И хотя эти слова были сказаны не мне лично,

У свежей могилы батюшки

я запомнил их на всю жизнь. Это было первое впечатление.

Позднее я приезжал к нему исповедаться, и бывало так, что, после того как я исповедаюсь у него, он тут же исповедается у меня. Он пользовался случаем, что к нему пришел священник. Я знаю его давно и поэтому многое мог бы о нем сказать, но многое вы и сами знаете.

Батюшка был истинный пастырь Христов, носящий Его образ. Да, собственно, мы все, священники, носим образ Спасителя. Спаситель же говорит: “Пастырь добрый душу свою положит за овцы своя”.

И об отце Петре можно сказать, что он полагал душу свою за духовных чад. Но что значит полагать душу? Как к Спасителю приближались мытари и грешники слу-

*У дорогой могилки. Матушка Зиновия
и матушка Серафима*

шать Его, так и к отцу Петру имели доступ все мы, обремененные грехами. Всех, кто к нему приходил, он очень внимательно выслушивал, вразумлял. Все уходили от него утешенными. Он отдавал себя людям, не счи-

таясь со сном, отдыхом. И обратите внимание, как он нас всех собрал сегодня вокруг себя.

О батюшке можно действительно сказать, что он ходил пред Богом. Не думайте, что я говорю эти слова потому, что так полагается, когда провожают усопших. Нет. О нем некогда сказал человек, имя которого очень хорошо известно всей Русской Православной Церкви. Этот человек, который слов на ветер не бросал, сказал, что батюшка *истинный раб Божий*.

Батюшка говорил: “С тех пор как я стал священником, я не принадлежал себе. Господь говорил: *Не собирайте себе сокровища на земле, ибо где будет сокровище ваше, там и сердце ваше будет*”. Отец Петр был нестяжателен. Сокровищ-то у отца Петра не было, да и какие у него могли быть сокровища? Но он собрал себе сокровище на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут.

Он имел в себе молитву, смирение и любовь. Это не значит, что он много вычитывал молитв, хотя правило он прочитывал всегда, или что он долго служил. Он всегда был сосредоточен в себе и имел глубокую внутреннюю молитву. Я из своей жизни могу вспомнить такой случай, когда я был в трудном положении, даже опасном, и сообщил об этом батюшке. И, как мне рассказывали, когда батюшка узнал об этом, он не спал всю ночь, ходил по келии, временами хватался за голову, повто-

ряя: “Отец Владимир!” И продолжал молиться. Это о молитве. Смирение он имел, я не побоюсь сказать этого слова — хриstopодражательное.

Однажды его глубоко оскорбили в присутствии многих, не только как человека, но и недозволенно, как священника. Это было в храме. Насколько помню, кажется, это было вечером. Он ничего не ответил, а как-то склонился, ушел в алтарь и всю ночь молился и плакал. Нет, не от обиды, а за обидчика. Батюшка сам никому этого не рассказал бы, а почему это стало известно — потому что этот человек утром пришел к нему просить прощения, и не потому, что это положено по христианскому долгу, а искренне, от души.

О себе он рассказывал: “В молодости мама называла меня орлом. А кто я сейчас? Мокрая курица”. Не думайте, что это простые слова. Он был беспощаден к себе и очень милостив к людям.

Сейчас в монастыре хорошо. Много клириков, и есть кому подменить, и слава Богу. А было время — он много лет служил один. Не было ни помощника, ни дьякона. Он служил один и утром и вечером, без отдыха. Вставал он одним из первых, ложился одним из последних. Да и ложился ли вообще? Как мне говорили о нем, — сам он никогда бы о себе не сказал, — он в кровать не ложился. Спал сидя, да и спал ли? Собственно, речь сейчас не об этом. Хотя и это уже многое. Кровать его как

была с вечера заправлена, так и оставалась. Всякая нескромность, развязность и лицемерие в присутствии отца Петра исчезали естественным образом.

Был когда-то св. Марк Фраческий, который прожил 130 лет, из них 100 лет не видя лица человеческого. Однажды он сидел на горе, и приблизившийся к нему человек слышал, как св. Марк говорил себе: “Блажен ты, Марк, что не осквернился мирскими соблазнами. Блажен ум твой, Марк, что не осквернился помыслами, блаженны очи твои, Марк”, и т. д. И отец Петр по своей жизни близок к жизни прп. Марка, потому что не имел пристрастия ни к чему земному. Он достиг духовности. И я думаю, что и плоть его была духовна.

Отец Петр был действительно камень твердый, но не по сердцу, а по убеждениям, по преданности и вере. Он был верен Христу до смерти, как в Евангелии Господь говорит: “Будь верен Мне до смерти, и получишь нетленный венец”. Может быть, именно сейчас Господь на небесах венчает его нетленным венцом, который он заслужил, а не этими тленными цветочками, которые мы принесли ему».

Иеромонах Петр (Серегин) был похоронен на сестринском кладбище Пюхтицкого монастыря.

ПОУЧЕНИЯ, БЕСЕДЫ, ПРОПОВЕДИ

Страсти- спутники

Во всякое время греховных переживаний в человеке действует одна какая-нибудь главная действующая страсть и одновременно действуют, хотя и с меньшей силой, и другие спутники-страсти. В особенности часто бывает спутницей страстной бури гордость (превозношение) как беззаконная мать всех скорбей, порождающая их, и поэтому связана с ними и сопутствующая им. Если человек воспламенился гневом, здесь же и породившее его превозношение, сопровождающее гнев и питающееся от него. Позавидовал ли кто другому в его благополучии, тут же при зависти и печаль о том, что тот благополучнее того, завистливого. Воспламенен ли человек плотской страстью, одновременно у него могут возникнуть материальные корыстные желания, чтобы «соединить приятное с полезным»; а может быть, пробуждается и страсть тщеславия своей греховной, развращающей «победой». Главные возбужденные страсти и сопутствующие им часто взаимно меняются своим положением. Поэтому всякий Божий человек, ревнующий о своей чистоте

и спасении души, должен знать все страсти своей души, чтобы временное затухание которой-нибудь из них не посчитать в себе бесстрастием. А на примере фарисея видим, что страсти (гордость) сопутствуют даже добрым делам (посту, милостыне и ложной молитве) и питаются от них. Так лукавые враги иногда обольщают несмиранных и неразумных «подвижников». «Блюдайте, како опасно ходите» (Еф.5:15), предупреждает нас Апостол: наблюдайте за собой и поступайте осторожно.

О привязанностях

Много мы переживаем в своей жизни трудностей и забот. И большая часть из них ложится на нас от наших привязанностей к вещественному, временному, тленному и к людям. И знаем хорошо, что от этих привязанностей к людям, к обстановке, к вещам и вообще к условиям временной жизни мы переживаем большие трудности, но расстаться с этими привязанностями не хотим, потому что любим их. Ведь любить Бога и ближних с самоотвержением, с отвержением этих пристрастий трудно, для этого требуется бесстрастие, которое достигается с большим трудом. По лености мы и устремляемся на легкий и широкий путь пристрастий и не только любим их, но и оправдываем, поэтому они так и крепко держат нас в своих цепях. Но вот здесь-то, во временной

жизни, и трудно и греховно — приятно жить с пристрастиями. Но, помилуй Бог, умрем в пристрастиях, они составят нам «огнь вечный, уготованный диаволу и аггелам его» (Мф.25:41), которые изобретают эти сети пристрастий и вяжут ими нас. Не пора ли одуматься?

Плоды трудов

По лености ли или по детской нетерпеливости мы иногда хотим видеть плоды своих трудов на духовном поприще. А иногда и унываем, если не находим в себе желанных достижений. Желание видеть непосредственные результаты своих усилий неразумно. А, может быть, увидеть или подметить свои достижения и опасно, чтобы не впасть во вредное самомнение, а тем более в прелесть. Действительное духовное преуспеяние человека незаметно, как рост ребенка. А в чем должны проявиться плоды наших усилий — сокрыто в промысле Божиим. Может быть, мы получаем то, что не предполагаем, но что для нас крайне необходимо. В основном, нужно трудиться так, как исполняется необходимый долг; нужно поставить себя в «рабочее состояние», чтобы иметь благоволение Божие и благодать, а в чем она проявится — не испытывай. Терпеливо трудись, не унывай и не ищи результатов, ибо, когда и какие будут плоды — сокрыто в воле Божией.

Жизнь или мечта в жизни

«Хотел бы я жить хорошо, да нет для этого необходимых условий. Когда у меня будут лучшие, вот такие-то условия, я непременно это сделаю». Так мы часто обманываем себя, откладывая настоящую жизнь на «завтра». Для жизни необходимы два условия: сознание и сердце. А их мы всегда имеем, Бедная евангельская вдовица имела эти две лепты и немедленно вложила их в сокровищницу Божию и получила от Господа похвалу. Самое главное — не откладывать жизнь на будущее, которое не в нашей власти. Разбойник на кресте, не имея никаких «средств и условий» к жизни, спасся одним обращением ума и сердца ко Господу, а Иуда с полученным именем в виде тридцати сребреников и с какими-то связанными с ними «планами» не дожил до «завтра», потому что не приступил немедленно к покаянию. А средства к покаянию — сознание и сердце — он имел, но не воспользовался ими немедленно. Апостол Петр, после отречения от Христа, при пении петуха каждую ночь проливал покаянные слезы. Но эта каждая ночь покаяния была настоящей, а не будущей. Часто бывает, что будущее вверяется тому человеку, который желает и умеет пользоваться настоящим временем. У него есть, и еще дано будет. Правда, жизнь вечная — это будущее,

но и она начинается только действием в настоящее время умом и сердцем. И так у благоразумной души настоящее и будущее превращается в блаженную вечность. Помни это и при молитвословии: чтобы не потерять ни одной секунды, ни одного слова.

О молитве

Молитву *гасит* осуждение — плод превозношения и преддверие гнева. Оно связывает сердце и препятствует молитве. Самодовольство и похвала самому себе также *гасят* молитву.

Молитву *гасят* объедение, рассеянность в поведении, засорение сердца разными недуховными удовольствиями, леность и нерадение о самой молитве, небрежение во время молитвы и вообще — беспечность, бессмысленное поведение, осуждение.

Поверхностность и *торопливость* на молитве очень *вредна* и опасна. Небрежение *удаляет* страх Божий, доброе чувство к Богу — без которых молитва *невозможна*. Каждая фраза, каждое слово молитвенного обращения должны произноситься с предельным вниманием, с приложением всех сил, всем сердцем, всем помышлением, всею душою. Иначе обращение будет неполным, а молитвенная жертва порочной, не имеющей плода спасения.

Иногда бывает так, что человек во время молитвенного правила стоит и перебирает слова заученных молитв, а в это время в его ум врываются разные посторонние мысли о житейских делах и планах, воспоминания и заботы увлекают за собой сердце (чувство), и вместо молитвы он оказывается за занятием не только пустым, но и греховным. Конечно, это не молитва, а лицемерное празднословие перед Богом. Это бывает — от малодушного, неискреннего обращения к Богу. Становясь на молитву, такой человек не расстался со своими пристрастиями и житейской суетой и не хочет понять, к какому великому делу он приступает и к Кому обращается со своими молитвами.

Это бывает тогда, когда перед молитвословием мы *не имели* полной Решимости — *отложить* всякие житейские дела и заботы. Когда пристрастие к мирскому и тварному для нас — дороже Господа и Его Царства Небесного, в которое Он нас призывает, когда мы *ленивы* и к молитве приступаем неподготовленными, легкомысленно и небрежно.

Когда ум в молитве соединен с сердцем, бодрствует и следит за благоговением и чистотой сердца, лукавые духи не могут легко сеять свои пагубные плевелы в сердце человека или увлекать ум в парящие греховные мечтания, ибо тогда ум... сам молится вместе с ним.

Рассеянность есть *признак* нашей *душевной лени* и плод небрежения. Посторонние мысли приходят на молитве по разным причинам: или вспоминается то, что понравилось, что когда-то повлияло на сердце; или сердце привлекают мысли по его настроенности, или влечет сердце к греховным мечтаниям. Сердце собирает суету и беззакония и рождает праздные или греховные мысли.

Для молитвы, да и, пожалуй, для добрых дел *требуется* большая душевная сосредоточенность и постоянство. Ты *лишился* молитвы — через *нерадение* и небрежение, от которого *впал* в грех, убивший молитвенное дерзновение пред Богом.

Вспомни, с какого момента прекратилась молитва и какие были события, действия и переживания за это время. Уясни себе, что было особенно *противно* Богу в твоём поведении в этот период: движения гнева, пристрастия, злопамятство, обиды или движения каких-то других страстей. Найдя свои греховные ошибки, кайся в них и проси прощения (молись). Кайся и сожалею о лени, небрежении, нерадении, о нечистой совести и молись как можешь. Если еще нет молитвы, снова истязуй (испытывай) себя, стараясь вспомнить забытое в своём поведении, и опять молись о вразумлении, о помощи. Если нет молитвы, кайся в грехах забытых и неведомых, по неведению совершенных, и снова молись как можешь. Докучай Богу — проси молитву.

Иногда бывает трудно молиться, потому что со словами молитвенными и Священного Писания не согласуются ни качество сердца, ни частные желания и стремления. Кроме того, и враг не дремлет, а, как злая хищная птица, всегда стремится... отнять (или не допустить до внимания) слышимые и читаемые священные слова, предлагая нам приятность суетных воспоминаний, мыслей и желаний.

Для молитвы непрестанной требуются два условия: благоговение и постоянство.

Любовь к ближнему выражается во всех делах во благо ближних, и в делах милосердия и любви к ним, и в молитве за них. На тех же делах милосердия и на молитве восстанавливается и самое сердечное чувство любви. Если мы желаем, чтобы чувство любви и блаженства было в нас непрерывным и даже вечным, то и добрые дела наши по вере также должны быть непрерывными и молитва беспрестанной. Поэтому о непрерывной молитве мы читаем и часто беседуем.

В нашей *увлеченности* проявляются наши пристрастия и страсти. Увлекаясь чем-нибудь, мы уже служим иному богу, а Богу истинному сердцем не предстоим. Все наши ежедневные дела *могут* быть и должны быть *посвящены* Богу, ибо и в них почти всегда проявляется любовь к ближним по заповеди.

Разговоры наши также отвлекают нас от памяти Божией и от молитвы по причине нашей рассеянности. Если же, разговаривая с ближним, мы будем видеть в нем не предмет приятного развлечения или неудовольствия, а образ Божий, то это сообщит нашей беседе необходимую трезвость и воздержание. Если собеседник бывает с нами единоверным и единомысленным, это послужит нам к укреплению веры, любви и молитвы. Если бы говорящий с нами оказался оскудевшим в вере, и тогда мы должны обращаться с ним как с образом Божиим. В этом случае тайная молитва нам крайне необходима для укрепления в себе веры и для благотворного воздействия на собеседника. Сущность тайной непрестанной молитвы во время разговоров заключается в вере и любви сердца, изливающихся в словах беседы.

Нет молитвы в душе потому, что в сердце *нет* желания молиться. А желания молиться, стремления к богообщению *нет* потому, что сердце увлеклось чем-то тварным, недостойным, мирским.

Чем же? Исследуй сам. Вспомни, что сказал Господь: Кто любит отца или мать... сына или дочь более, нежели Меня, недостойн Меня (Мф. 10:37), то есть — *недостойн* присутствия Божия. Чему же ты «удостоил» себя? Присутствию вражью через суету или прилепление к чему-нибудь тварному? Проснись: без искренней молитвы — нет жизни.

Невидимая брань в том и состоит, что христианин *подавляет* в душе и теле своем греховные поползновения... молитвой и другими благодатными средствами: покаянием, причащением, воздержанием и прочими...

Различные грехи по-разному *действуют* на сердце человека. Грехи гордости, самомнения, недовольствия, гнева и им подобные — подавляют и исключают из сердца молитву. А грехи сласти, пристрастий, тщеславия отводят ум и сердце в греховные мечтания и — лишают душу молитвы...

В пути и за несложной работой, при свободном уме и при желании во всякое время можно каждый свой вздох посвятить Господу с молитвой Иисусовой: «Сыне Божий, помилуй мя грешного». Эта краткая молитва удобно сочетается с ритмом дыхания: первые два слова — вдох, последние три — выдох. Слова произносятся тайно — умом. Если хочешь пребывать в непрестанной радости, то постоянно помни о Боге, не согрешай и непрестанно с умилением молись Богу.

Человек сильнейшим оружием имени Иисуса Христа может *очистить* сердце от своих грехов и страстей. А если в сердце будет жертвенник — там будет и приемлющий дары.

Иоанн Лествичник так пишет: «Есть бес, который, как скоро мы на одр возляжем, к нам приходит и стрелы лукавых и нечистых помыслов на нас попускает, чтоб мы по лено-

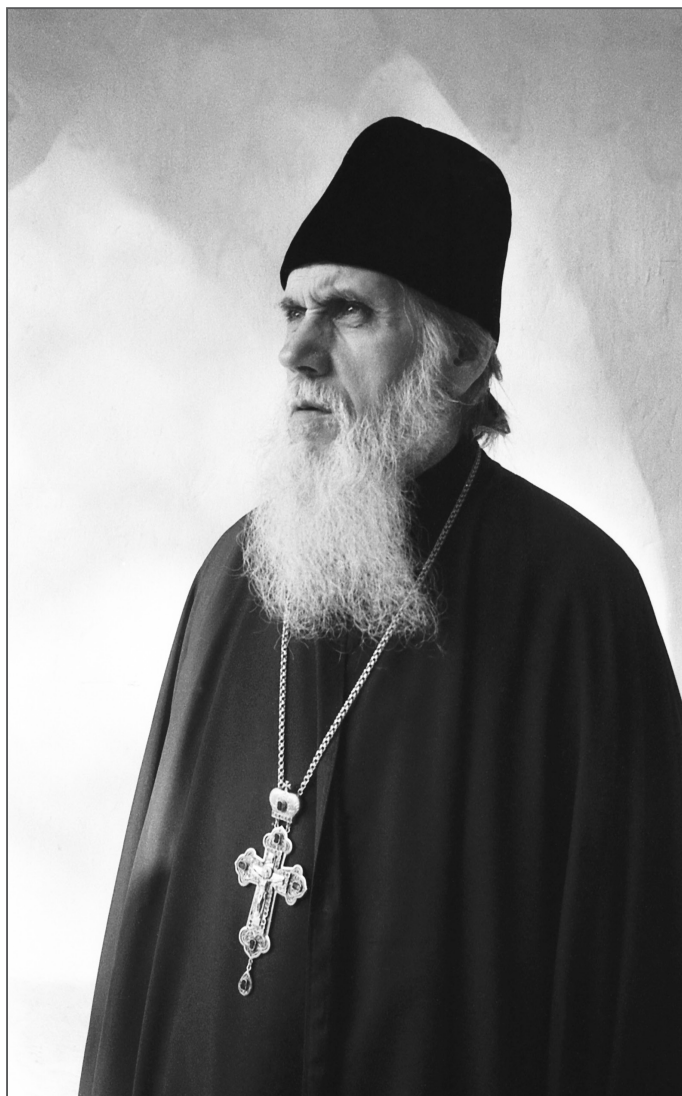
сти молитвенно против него в то время не вооружились, в скверных тех помыслах заснули и потом имели скверные сновидения».

Есть еще из духов злых предварительным называемый, который восставших от сна тотчас встречает и первые мысли старается осквернить. Освящай Господу начатки дня твоего, ибо, кому прежде принесешь их, того они в этот день и будут.

Схиархимандрит ТИХОН
(МУРТАЗОВ)

Преставление таковых для Церкви
Божией — непоколебимая твердыня,
для нас же, оставшихся —
утверждение истины.
Преподобный Феодор Студит

ДУХОВНЫЕ КОРНИ*

Род

Родиной батюшки Еρμοгена, в схиме Тихона, было Закамье. Здесь в XVII веке была сооружена Закамская оборонительная черта для защиты Руси от набегов остатков Золотой орды. На этой черте, на берегу реки Шешма, и была воздвигнута в 1652 году крепость Новошешминск, где поселились первые сто русских стрельцов. Среди этих поселенцев были и предки батюшки, происходившие из Смоленска. Часто приходилось воинам отражать набеги то Ногайской, то Киргизской орды. Здесь и родился будущий старец, который воздвиг духовный оборонительный рубеж, защищающий от нападения орд «мира, плоти и диавола» сотни, если не тысячи,

* Автор-составитель: настоятель храма Воздвижения Креста Господня д.Лукино Псковской епархии протоиерей Василий Полежаев.

Река Шеима

православных христиан с разных концов не только России, но и других стран.

Род старца — простой, незамысловатый, не блистающий мирскою ученостью, но крепкий верою и крестьянским трудом. Даже в именах их слышится что-то надежное, истонное. Отец — Иван, мать — Дарья, бабушка — Марфа. Для понимания духа, царившего в семье, характерен такой пример. У Марфы все дети умирали в младенчестве. В 1911 году у нее родился очередной ребенок и вскоре заболел оспой. И тогда мать, возложив все упование на Бога, совершила паломничество к чудотворной Сарсаской иконе Божией Матери «Скоропослушница». На святом источнике младенец получил исцеление. Это был отец будущего старца — Иван.

Детство

Иван и Дарья создали свою семью в 30-х годах. В 1933 году у Ивана Федоровича и Дарьи Матвеевны Муртазовых родился первый ребенок — дочка Анастасия, через 2 года, в 1935 году, — первый сын Александр (будущий старец), еще через год — снова сын Борис. С малых лет дети имели для себя образцом благочестие родителей, учились с молитвой обращаться к Богу. Батюшка рассказывал, что с раннего детства он знал наизусть «Отче наш», «Богородицу», «Верую», псалмы 50-й и 90-й. Каждый ребенок из этой благочестивой семьи в своей жизни возрастил с изобилием насажденные в детстве от благочестивых родителей благодатные ростки. Все они, посвятив себя Богу, стали монахами: монахиня Сергия, архимандрит Ермоген, в схиме Тихон, и иеродиакон Никон. И их богобоязненная мать преставилась ко Господу, приняв монашеский постриг с именем Магдалина. Но особо из всех детей еще с детства выделялся средний — Александр.

Семью Муртазовых коснулись все тяготы, которые нес в то время, как епитимию от Бога, русский народ. Иван и Дарья были трудолюбивые середняки, но их раскулачили и отобрали лошадь. Пришлось работать в колхозе. Выучился Иван на тракториста и добросовестно трудился на земле, да грянула война. Через 3 дня после начала войны Иван Федорович ушел на фронт. Александру было

Управление по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава

М В С С С С Р

Ф. № 4а

Знак. № 4142008

10.09.1946

1946 г.

И-Шешлинский

Известите гр. Муртазову Дарью Матвеевну

фамилия, имя, отчество)

проживающ.

Ново-Шешлинский

что военнослужащий Муртазов Иван Федорович

сержант

1911

на фронте, пропал без вести 6. ноябре 1941 г.

Начальник 420 отряда

Смирнов

Похоронка на Ивана Муртазова

тогда шесть лет. До конца своих дней он помнил, как отец уходил, а он «проводил его, держась за руку, до околицы». Последнее письмо пришло 15 августа 1941 года из Торопца. Больше не было никаких известий всю войну. Дарья с тремя малыми детьми бедствовала. В 1946 году местный военкомат обратился в Комиссариат Обороны с просьбой проверить, есть ли в списках Управления военнослужащих Муртазов Иван Федорович, и сообщить его жене, так как «семья находится в очень тяжелом положении и не имеет права на получение пенсии, ибо нет извещения о смерти, а пособия таковым не выплачивают». Ответ пришел 10 сентября 1946 года. Дарью Матвеевну известили, что ее муж

рядовой Иван Муртазов пропал без вести еще в ноябре 1941 года*.

Об этом времени пронзительно написал многие годы спустя Борис (тогда уже — иеродиакон Никон) в своем рассказе «Сосед»: «Теплым майским утром наконец кончилась долгая тяжелая война. По нашей улице шли поодиночке усталые, покрытые дорожной пылью солдаты. Они возвращались в свои родные дома, чтобы начать новую мирную жизнь. Но их, вернувшихся, было немного. Большинство ушедших на фронт домой не пришли. Не пришел и мой отец, погибший в городе Торопце под Великими Луками еще в начале войны. Даже после получения похоронки моей бабушке Марфе не верилось, что ее сына Вани нет в живых... Мать и бабушка ждали отца всю войну, не теряя надежды. В то майское утро, когда шли домой солдаты, я видел, как бабушка Марфа, припав к русской печке, горько плакала».

Жизнь вдовы с тремя детьми, конечно, была трудна. Дарья Матвеевна работала на разных местах, а дети старались ей помогать, и в первую очередь средний — Саша. Батюшка впоследствии говорил, что с детства привык к труду, умел обращаться и лошадью и с коровой. Брат Борис вскоре после войны заболел туберкулезом костей, и его, десятилетнего, вынуждены были поместить в противотуберкулезный санаторий, где он «пролежал

* ЦАМО, ф. 2105, оп. 58, д. 18004.

пять с половиной лет в гипсовой кровати». Сколько это скорби принесло матери, да и брату Александру, который стал главным помощником матери в тяжких трудах семьи без отца, с престарелой бабушкой и ребенком-инвалидом! Но все эти испытания не только не отдалили их от Бога, но, наоборот, еще больше приблизили.

Храм в Новошешминске был закрыт безбожной властью, и верующие собирались в доме одной старушки. «Там пели псалмы, читали духовные книги. Ходили по ночам, сидели до петухов. Саша внимательно слушал, что читали и пели, и сам читал»*. Когда Дарья Матвеевна работала в лесничестве, в домик лесника бегал звать верующих на молитву Александр. Так предзнаменовалось его будущее призвание — призывать народ Божий к покаянию и молитве.

В школу приходилось ходить пешком за пять километров. Директор школы говорила Дарье Матвеевне: «Как ты воспитала сына? У нас во всей школе нет такого ученика как твой Саша». И другие односельчане отмечали необычность этого мальчика. Младший брат вспоминал: «Защитить кого-то, помочь слабому — это всегда было по его части. Если кому-то из старушек пенсию надо было получить, а они, неграмотные, в бумагах не разбираются, он всегда побежит, сам все оформит, принесет. Доверие к нему было безоговорочное».

* Воспоминания иеродиакона Никона (Муртазова).

Дарья Матвеевна была очень строгой. Она требовала, «чтобы без ее разрешения ничего не брали и вообще во всем спрашивались ее. Саша был всегда смиренным и всегда послушным. Был как послушником у матери»*.

Смирение у Александра сочеталось со смелостью и отвагой. «Однажды, когда матери не было, — вспоминал иеродиакон Никон, — волк пробрался через ограду... Бабушка Марфа Васильевна выбежала, кидает в него поленьями, а он вцепился в нашу собаку зубами и пытается через забор с нею перепрыгнуть. Тогда Саша вышел с ружьем, прицелился — волк испугался и убежал. А у него-то даже патронов не было! Просто не растерялся, смело вышел на зверя». И в будущем сочетание в духовной жизни смирения и отваги сделали благодатию Божией батюшку Ермогена смелым защитником своих духовных чад от «мысленного волка» — диавола и страстей.

«Мысленный волк» не оставлял в покое и возраставшего воина Христова. Взросление, как известно, связано со многими искушениями. Мир сей тянет к себе земными сластями. *«От юности моя мнози борют мя страсти»*, — слышим мы на богослужении. Случилось, что и Александра потянуло к забавам сверстников. Решил как-то и он вместе со всеми пойти на танцы. Идти надо было через мостик. И тут ему встречается незнакомый старец в необычном одеянии с крестами

* Там же.

и с горечью говорит: «И ты, Александр, туда же?!» Вернулся юноша домой и никогда на танцы и прочие мирские увеселения в своей жизни не ходил. «Когда я приехал поступать в Московскую духовную академию в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, — вспоминал батюшка, — я увидел этого монаха на иконе! Это был преподобный Сергей Радонежский!»

ДУХОВНОЕ ВОЗРАСТАНИЕ

Духовные примеры в юности

Александр закончил семилетку и потом, отучившись еще два года, начал и сам работать, чтобы приносить «копеечку в дом». Потом армия, служба в Баку в зенитной артиллерии. «Когда меня призвали в армию, — говорил батюшка, — я не снимал и там креста». Во время службы в армии семья, чтобы была возможность быть при храме, переехала в Чистополь, где в 1943 году был возвращен верующим Преображенский кладбищенский храм. В нем прислуживали монахини из закрытого Успенского Чистопольского монастыря. Вместе с ними на клиросе пела и Дарья Матвеевна.

Семья Муртазовых, соединив свои скудные средства со средствами двух сестер Чистопольского монастыря (вероятно, инокинями) Анной Михайловной и Феодосией Павловной, «на паях» купили домик, где вместе

*Здание трапезной Успенского Чистопольского
монастыря, современный вид — дом культуры.
Фото А. Бокарева*

и жили, и молились. Пришедшего из армии Александра матушки вдохновили на учебу в Духовной семинарии и помогали ему подготовиться к поступлению. Жизнь со старицами-монахинями младший брат впоследствии так описал в своих рассказах:

«Звали сестер Анна Михайловна и Феодосия Павловна. Одна пела в церковном хоре, другая работала алтарницей. Какие это были добрые, кристальной чистоты люди, перенесшие все испытания скитальческой жизни — допросы, унижения, оскорбления и насмешки безбожной толпы! Но всегда с именем Божиим на устах протекали дни их жизни

в труде и молитве. Никакого стяжания земного они не имели, кроме стяжания Святого Духа. Жили бедно, только в воскресные дни, ради праздника, позволяли себе добавить в постный суп сырое яйцо. Но Анна Михайловна всегда говорила: “Беден только бес, а мы все богатые с Господом Иисусом Христом...” В церкви денег почти не давали, и сестрам приходилось подрабатывать негласно домашним трудом. Наша небольшая, с низким потолком комнатка на всю неделю до воскресенья превращалась в швейное ателье. Сестры стегали детские ватные одеяла... Я не помню случая, когда бы они ссорились между собой... Вечерние молитвы всегда читала Анна Михайловна. Молитвы она знала наизусть, поэтому свет выключался. Но и в лунном свете я видел, как на некоторых словах молитв у Анны Михайловны из-под очков текли слезы, а голос дрожал... В комнате сестер было много икон, но отдельно на стене висел большой портрет Иоанна Кронштадтского, писанный одной монахиней. Св. Иоанна Кронштадтского особо почитали монахини и послушницы Чистопольского женского монастыря, у Анны Михайловны был даже его дневник... В последние годы своей жизни Анна Михайловна тяжело болела. Белокровие и другие немощи свели ее в могилу. А незадолго до кончины настоятель чистопольской церкви архимандрит Сильвестр постриг ее в мантию с наречением нового имени Ангелина.

Она умерла накануне праздника Вознесения Господня... Она всех жалела и любила — людей, животных, птиц, и когда мать Ангелину хоронили, голуби стайкой провожали ее гроб до могилы, отдавая последнюю благодарную дань своей кормилице».

Чистопольские старицы оказали сильное благотворное влияние на формирование будущего старца-духовника отца Ермогена.

Семинария

В 1957 году Александр Муртазов поступил в Саратовскую духовную семинарию. В этом же году ректором семинарии был назначен архимандрит (в дальнейшем — архиепископ) Феодосий (Погорский). Батюшка Ермоген часто рассказывал о его необычной жизненной судьбе:

«Владыка Феодосий славился у нас в семинарии как яркий проповедник. Он ранее жил в Чернигове, со старцем Лаврентием, ныне канонизированным. В войну его контузило под Курском. Положили его в гроб, закопали. И в гробу он очнулся и взмолился: «Господи, если Ты оставишь мне жизнь, я посвящу себя Тебе!» А ребяташки собирали в лесу патроны после боя. Краешек портянки торчал из-под прибитой крышки гроба и был виден среди холмика могильного. Дети и потянули за этот краешек. Чудо! Дети позвали стариков, и те его раскопали. Как Лазаря четырехдневного.

Владыка Палладий и архим. Феодосий

Закончил Духовную академию в Питере. Жена и дети от него отказались».

Многие преподаватели семинарии стали впоследствии известными архиереями. Так, в 1959–1960 годах помощником инспектора и преподавателем Саратовской духовной семинарии был иеромонах Иоанн (Снычев), который скончался в 1995 году в сане митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Много и других достойных лиц были связаны

Преподаватели Саратовской семинарии

с этой семинарией. Семинарист Александр застал еще на саратовской кафедре известного архипастыря и духовного писателя митрополита Вениамина (Федченкова) и даже был его иподьяконом.

Учился Александр отлично и, как человек серьезный и ответственный, был назначен помощником эконома семинарии. Молодого семинариста больше занимало духовное, чем мирское. Показательно, что когда Александр приезжал на каникулы, он вел с младшим братом доверительные беседы о жизни для спасения души, о духовных подвигах, о святости.

За духовным наставлением Александр в то время ездил в Казань к блаженной старице Анне. Это была прозорливая старица, Хри-

Последний ректор довоенной Саратовской духовной семинарии

ста ради юродивая. «Как блаженная Ксения Петербургская», — говорил о ней батюшка. Иеродиакон Никон так описывал блаженную Анну: «Это была старушка, ходившая в безрукавке, сшитой из лоскутков, с нечесаной головой, со страшным колтуном волос, но ясными голубыми глазами... Ходила всегда с палкой, как юродивая, всегда шумела, ругалась... Она раскрывала мысленную брань человека, отгоняя палкой бесов. В этой непрерывной борьбе проходила вся ее жизнь, лишенная всяких земных удовольствий и почестей». Блаженная мало с кем была близка, а Александра духовно полюбила. Когда она перед кончиной слегла, она только его допускала себя переворачивать на постели. «Ей был открыт день исхода из сей жизни.

*Домовой храм саратовской семинарии в конце 40-х
— начале 50-х гг. XX века*

Накануне она просила положить ее с кровати на лавку и читать молитвы. Глядя в окно, она последний раз запела слабым старческим голосом: *“Чертог Твой вижу, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь...”* После чего тихо и мирно предала дух свой Господу»*.

Первые годы священства

На последнем курсе семинарии в 1960 году ректор благословил выпускника Александра Муртазова принять сан. Для этого надо было или вступить в брак, или принять монашество. В это время блаженная Анна тяжело болела, и получить от нее ответ было невозможно. В Чистополе Александр исповедовался у настоятеля местного храма протоиерея

* Воспоминания иеродиакона Никона (Муртазова).

Иоанна Лизунова. Он благословил Александра вступить в брак с певчей храма Верой. Повенчались. В 1961 году Александр закончил семинарию. Рукополагал выпускника архиепископ (впоследствии митрополит) Палладий (Шерстенников). Восемь лет лагерей за Христа в послужном списке этого архипастыря. Владыка направил отца Александра священником в город Мамадыш.

В первый же год семейной жизни на приходе выяснилось, что жена и ее мать в прошлом принадлежали к «обновленческой церкви». Да и сам отец Иоанн был из покаявшихся обновленцев.* Начались серьезные разногласия. К тому же с отцом Александром стали происходить странные вещи. Он стал стремительно терять физические и душевные силы, до полного изнеможения. Вскоре Господь открыл, что жена и теща занимались колдовством. Молодой иерей Александр осознал, что такие важные вопросы, как выбор между браком и монашеством, надо было решать не спеша, с советом благодатного духовного наставника — старца. Это послужило уроком ему на всю жизнь. Практически до конца дней батюшка Ермоген, даже когда уже окормлял огромное число верующих, всегда и сам находился в послушании у какого-нибудь опытного духовного старца. Он, говоря о важности

* В 1930 году единственный действующий кладбищенский храм Чистополя был захвачен обновленцами, а затем закрыт.

Батюшка после окончания Академии

духовного руководства, часто приводил в пример свой печальный опыт поспешного решения и его горьких плодов.

Блаженная Анна отошла ко Господу, и отец Александр принялся за поиски духовного руководителя. Он спрашивал совета, как поступить в сложившейся семейной ситуации, у известных старцев того времени. Более всего его сердце прилепилось к ныне прославленному в лике святых преподобному Кукше Одесскому. Окормление у отца Кукши принесло громадную пользу молодому иерею. Батюшка Ермоген часто вспоминал о нем, передавал его суждения по разным вопросам, говорил о том, что он очень многое предсказал и о его личной жизни, и о

грядущих событиях в мире вообще. И старец Кукша, и другие старцы того времени, с кем ему довелось тогда встречаться, благословили его поступать в Московскую духовную академию, а закончив ее, разойтись со своей женой и принять монашество.

Учеба в Московской духовной академии

В 1962 году иерей Александр поступил в Московскую духовную академию. Ректором тогда был протоиерей Константин Ружицкий. Батюшка Ермоген так рассказывал о нем: «Это был “старинный человек”, родом из Киева. С ним произошла удивительная история в войну. Кто-то показал немцам, что он якобы имеет связь с партизанами. Немцы схватили его, увезли в комендатуру, а оттуда — далеко в лес, и оставили там. Он никуда не побежал, а сел на поваленное дерево и стал молиться. А немцы оставили засаду, и если бы он побежал, они убили бы его. Но он молился, предавая жизнь свою в руки Божии. Немцы вернулись, забрали его с этого дерева, вывезли из леса и отпустили».

Нравственное богословие тогда преподавал в академии не просто профессор, а благодатный старец, архимандрит Тихон (Агриков). Как вспоминал про него отец Ермоген, «святой, прозорливый старец, образец жертвенной любви». Старец Тихон (Агриков) был

*Протоиерей Константин Ружицкий,
ректор Московской духовной академии до 1964 г.*

духовником семинарии и академии. У него исповедовался и иерей Александр Муртазов, которому старец Тихон, согласно с другими старцами, посоветовал после окончания академии развестись и принять монашество.

В это же время, с 1965 года, духовником монашеской братии Троице-Сергиевой Лавры стал наш всероссийский старец архимандрит Кирилл (Павлов). Батюшка Ермоген

знал лично старца Кирилла. И отец Кирилл всегда помнил о нем и советовал некоторым священникам обращаться за духовным кормлением к отцу Еρμοгену.

Промыслительно, что среди однокурсников отца Александра оказался Николай Савин, будущий митрополит Евсевий, рука об руку с которым батюшке впоследствии пришлось возрождать монашескую жизнь в Псковском Снетогорском монастыре.

Во время учебы в Московской духовной академии мать батюшки с братом и сестрой переехали на жительство в Печоры. Дом им помог купить знаменитый печерский наместник архимандрит Алипий (Воронов). Туда на каникулы стал ездить иерей Александр. Это был золотой век Псково-Печерского монастыря, когда под крыло архимандрита Алипия собралась целая плеяда старцев. Особо батюшка вспоминал валаамских старцев Михаила и Николая, архимандрита Пимена с Кавказских гор, схиигумена Савву (Остапенко). Все это внесло свой вклад в формирование духовного облика молодого священника. Тогда же отец Александр познакомился с иеросхимонахом Сампсоном (Сиверсом), который стал духовником батюшки и оставил большой след в его жизни.

Годы, проведенные под покровом преподобного Сергия Радонежского, навсегда остались в сердце батюшки. Когда отцу Еρμοгену впоследствии приходилось окормлять

учащихся, он делился своим опытом, вынесенным из периода учебы в Московской духовной академии. Так, он рассказывал, что, добросовестно уча все билеты к экзамену, он особо хорошо готовил восьмой билет. Перед экзаменом усердно молился преподобному Сергию, и все время учебы всегда на экзаменах вынимал восьмой билет. Нам известен случай, когда его духовному чаду, воспользовавшемуся его советом буквально, за его веру духовнику также все время учебы доставался один и тот же билет.

Но вот учеба подошла к концу. Иерей Александр с отличием защитил диплом кандидата богословия на тему: «Пастырское служение святителя Ермогена, Патриарха Московского».

ДУХОВНОЕ ВОЗМУЖАНИЕ

Пюхтицы

После окончания академии 30-летний иерей Александр был направлен на служение в Эстонию в прославленный Пюхтицкий монастырь. Вместе с ним переехали в Пюхтицы и его мама с братом.

27 лет служил там батюшка. Это было время, когда и сформировался известный старец-духовник — архимандрит Ермоген. В то время в Пюхтицах служил старец-исповедник отец Петр Серегин. К нему отец Алек-

сандр ездил еще во время учебы в академии. Тогда же подвизалась в Пюхтицах ныне прославленная в лике святых блаженная старица Екатерина. Святая старица видела духовным зрением, что вместе с отцом Петром служит Божественную литургию святой праведный Иоанн Кронштадтский. Про отца Петра она говорила: «Какой это великий светильник!» Вот такие примеры видел перед собой молодой иерей. Впоследствии он говорил: «Я видел, как отец Петр себя вел, и от него взял навыки». Но при этом батюшка Ермоген смиренно умалчивал о преодоленном искушении в общении с отцом Петром. Вот как об это рассказывают очевидцы:

«В 1965 году в Пюхтицы вторым священником назначили отца Александра Муртазова. Но отец Петр был очень предан храму, в нем жила жадность к служению, и видно было, что прибытие второго священника обрадовало его мало. Ему хотелось все, от большого до малого, по ревности к Богу делать самому, а тут надо было уступать равную часть другому, тоже ревностному, горячему и вдобавок молодому. Видно было, что отец Петр очень страдал, он часто бывал несправедлив и незаслуженно холоден к своему смиренному помощнику, но тот терпел безропотно, и дело окончилось взаимным миром»*.

После того как отец Петр (Серегин) в 1970 году ушел на покой за штат, крестная

* Се аз и дети мои. С. 88–89.

О. Ермоген и старец Петр

ноша духовника женского монастыря легла на 35-летнего отца Александра. Огромную помощь молодому священнику оказывал его духовный отец старец Сампсон (Сиверс). «Какие бы ни возникали у нас (в монастыре) вопросы, а было их много, часто и жизненно важные, он всегда старался помочь, — вспоминал батюшка Ермоген, — поскольку я, можно сказать, был малоопытным, начинающим священником, желторотиком». Укрепляло батюшку тесное духовное общение с подвизавшимися в тех местах блаженными Мишей и Лидой. Показателен рассказ пюхтицкой монахини Исихоры о том, как батюшка приходил на скотный двор монастыря исповедовать прячущегося в подвале блаженного Мишу: «Батюшка спускался к нему прямо в подвал и выходил со словами:

«Это не я его исповедовал, это он меня исповедовал».

В то время правящим архиереем в Эстонии был будущий Святейший Патриарх Алексий II. Со временем, когда отец Александр духовно окреп, владыка кроме богослужения и духовничества в Пюхтицком монастыре возложил на него обязанности благочинного Наровского округа, в который входило более десяти приходов.

В обязанности благочинного входило в том числе и подыскание кандидатов в священники для храмов, где их не было. Из того времени батюшка делился следующим опытом. В один из храмов благочиния требовался священник. К батюшке приходило много людей на исповедь, и он посчитал, что один из них вполне подходит для рукоположения, о чем и доложил владыке Алексию. Тот, доверяя своему благочинному и пюхтицкому духовнику, согласился, но конкретно даты хиротонии не назначил. Отец благочинный, заботясь о том, чтобы храм Божий не оставался без службы, при каждой встрече напоминал владыке о кандидате в священники. Но владыка, соглашаясь, все время забывал об этом. В конце концов как бы через силу владыка Алексий рукоположил этого человека. Вначале все шло хорошо, но вскоре ново рукоположенный священник стал меняться в худшую сторону, и его пришлось отправлять за штат. Батюшка Ермоген всегда помнил

об этом и говорил, что в вопросах, кого рукополагать в священный сан, а кого нет, Бог открывает архиерею, и потому не надо на него «давить» и добиваться своего.

В 1978 году владыка Алексей постриг отца Александра в монашество с именем Ермоген в честь св. Патриарха Ермогена. Принимать от пострига батюшку специально приехал в Пюхтицы архимандрит Иоанн (Крестьянкин), который и стал его духовником после кончины в 1979 году старца Сампсона. Постриг был 4/17 марта. Это день памяти преподобного Герасима Иорданского и благоверного князя Даниила Московского. Тогда никто не обратил внимания, что в тот же день празднуется память не очень известного за пределами Псковщины преподобномученика Иоасафа Снетогорского. Только когда батюшка стал духовником Снетогорского монастыря, promыслительность этих событий стала явной.

О том, каким был батюшка Ермоген как духовник монашествующих, свидетельствует одна из Пюхтицких сестер. Он «помогал преодолевать трудности монастырской жизни, — говорит монахиня Исидора, — помогал не поблажками, а мудрыми советами. Мы жили тогда, — продолжает сестра, — по шесть человек в келье, из одной чашки ели, очень много работали и как-то всем были довольны. Монастырь был для нас всегда родным домом, семьей, где мать Варвара всем была матерью, а батюшка Ермоген — отцом».

Батюшка Ермоген с родными в Пюхтицах

Служба в Пюхтицах была ежедневной, паломников приезжало огромное количество со всей страны. Батюшка общался с военными, «умел просто говорить с людьми»^{*} и многих из них привел к вере, крестил их целыми семьями. Он даже составил специальный

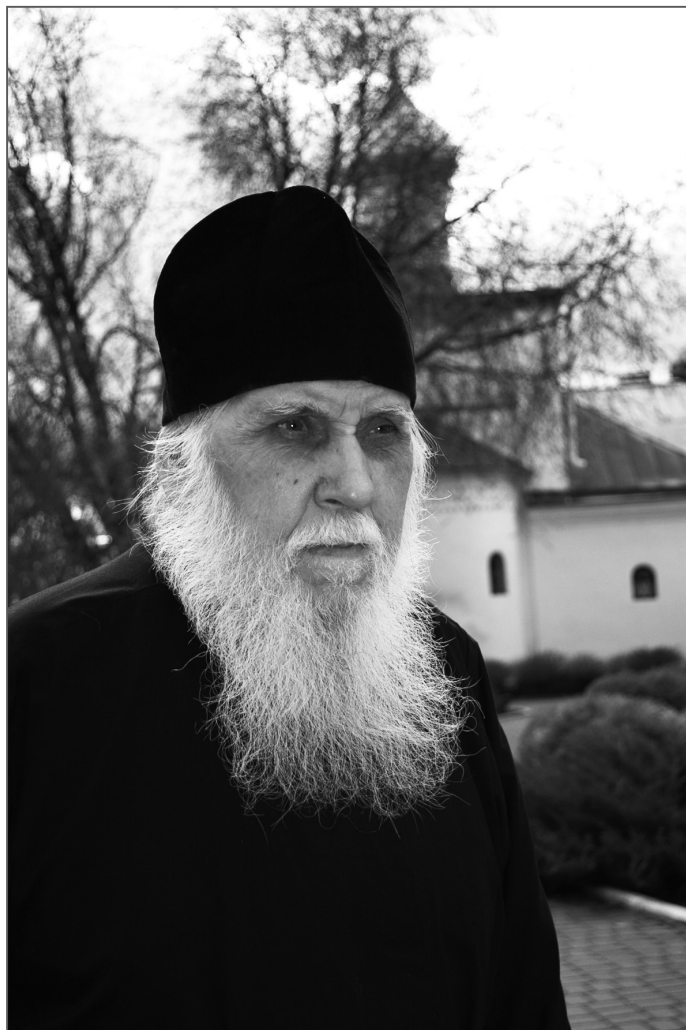
^{*} Воспоминания монахини Исидоры (Носовой).

военный катехизис для военнослужащих и раздавал его.

Внутренняя жизнь батюшки Ермогена всегда оставалась прикровенной от любопытных взоров. Но иногда, желая принести пользу своим духовным чадам, он невольно нечто раскрывал из своего духовного опыта. Так, например, он говорил (не навязывая другим, а предлагая испробовать), что сам брался за борьбу со страстями, так сказать, по очереди. Брался за ту страсть, которая сейчас ему более всего мешает в духовной жизни, и концентрировался в борьбе с ней до полного, если то угодно Богу, искоренения ее, или максимального ослабления. Далее переходил к следующей и к следующей...

Духовно возмужавшего пастыря Господь сподобил Своих благодатных даров исцеления и прозорливости. Так, «молитвами отца Ермогена исцелилась от рака эстонка Вивея. Она приняла крещение». Из многих свидетельств прозорливости батюшки можно привести такое. «Приехала к батюшке девушка 28-летняя, жалуется, что молится о том, чтобы Господь послал ей мужа, а толку нет. Отец Ермоген говорит ей: “Ты иди на источник, помолись. Кто тебе икону подарит, тот и есть твой жених”. Она пошла на источник, и вскоре пришел молодой человек и икону ей подарил. Потом они поженились, он стал батюшкой, а она — матушкой, и деток им Господь послал*».

* Воспоминания монахини Исидоры (Носовой)..

ДУХОВНЫЕ ПЛОДЫ

Снетогорский монастырь

В 1992 году батюшка был вынужден покинуть Пюхтицы. Отделение Прибалтики от России и распространение некоторых несовместимых с православием европейских «стандартов» не оставило отца Ермогена равнодушным. «Уже становилось понятно, какая там жизнь в Эстонии при современной демократии начнется». «Я объяснял людям, что происходит, — рассказывал позже батюшка, — и многим это не нравилось». Когда стал вопрос о принятии гражданства, отец Ермоген по благословению Святейшего Патриарха Алексия и своего духовника архимандрита Иоанна (Крестьянкина) переехал в Россию. Два года он жил в Печерах и смиренно служил в Варваринском храме вторым священником. В 1993 году на Псковскую кафедру был назначен архиепископ Евсевий (Савин) — сокурсник батюшки по Московской духовной академии. В начале 1994 года в праздник преподобного Серафима Саровского владыка предложил отцу Ермогену стать духовником возрождающегося Снетогорского монастыря. С игуменией монастыря Людмилой (Ваниной), как и с владыкой, батюшка был знаком ранее.

«Когда меня в 1994 году приняли в Снетогорский монастырь, — вспоминал батюшка, — он весь был разрушен. Здесь воинская часть была, дом отдыха, детский санаторий

и т. д. А от святыни живого места не оставалось». Можно сказать, что почти целиком хозяйственное возрождение обители и восстановление храма совершилось трудами батюшки и его духовных чад с разных концов страны. Но при этом стройку отец Ермоген никогда не считал главным делом: «Как только советская власть сменилась, чем все были заняты? Строить начали, жизнь на новых началах обустраивать. Есть Евангелие Марфы и Марии. Марфа символизирует все те внешние дела, которые мы творим. А Мария — сидела у ног Иисуса. Избрала, как сказано по-церковнославянски, “единое на потребу”. Конечно, слава Богу, что мы восстанавливаем монастыри да храмы, но Мариино дело должно первенствовать. Оно первостепенно».

В Снетогорский монастырь к батюшке Ермогену и игумении Людмиле потянулись ищущие монашеского жития сестры. Монастырь стал самым большим женским монастырем Псковщины, в нем спасались около ста сестер. «Служение духовника в женском монастыре, — говорил батюшка, — особенно таком большом, как Пюхтицкий, да и потом в Снетогорском, — конечно, не из легких. У нас владыка Таллиннский и Эстонский Роман (Танг) говорил: “В женском монастыре одна большая игуменья и сто маленьких”. Каждую надо понять, к каждой найти свой подход».

Снетогорские сестры вспоминают: «Мы никогда не слышали от него окрика, обидных слов, перечня наших обязанностей, а тем более унижения». В ответ на высказанные ему проблемы он делился каким-нибудь воспоминанием или рассказывал о старцах, встреченных на его пути, и становилось все ясным. «Уходишь от батюшки — и уныние отошло, и страх Божий усилился».

Батюшка был духовником не только Снетогорского монастыря, но и выросших из него, как из некоего духовного рассадника, других обителей Псковщины. Из них самые известные: Спасо-Елеазаровский и Свято-Троицкий Творожковский. Множество монахинь окормлялись у батюшки и из других монастырей России, Греции, со Святой земли.

Духовникам женских общин батюшка передавал свой бесценный опыт. Он учил, что нужно быть внимательным и собранным, не допуская страстного элемента во взаимоотношениях с сестрами. Его собственная постоянная внутренняя собранность внешне иногда выглядела как строгость, но сестры и многочисленные чада и паломники ощущали подлинную духовную его любовь к людям и спешили к нему со всех сторон, где бы он ни появился.

Отец Ермоген и митрополит Евсевий

Пастырь пастырей

Батюшка был духовником очень многих священников, причем не только из России, но и из-за рубежа. Среди его духовных чад были и архиереи. О нем знали и в Греции, и в Америке, и на Синае, и на Святой Горе Афон. По благословению отца Ермогена и под его непосредственным духовным руководством строились и восстанавливались многие храмы, возрождалась приходская жизнь. Таким образом старец через своих духовных чад — священников окормлял и их паству. Показательно, что духовник епархиального священства Псковской епархии протоиерей Михаил Мельник сам был духовным чадом отца Ермогена. Отец Михаил отмечает такую

Отец Ермоген, владыка Прокл и отец Гурий

характерную черту духовного руководства батюшки: «Он не епитимии раздавал, а сам на себя за других молитвенные подвиги возлагал, вымаливал оступившихся». Отец Ермоген был милостив к чадам, но строг к себе, вел настоящую подвижническую жизнь: мало спал, много молился. Прежде чем кого-нибудь принять на духовный совет, всегда молился, особенно важным полагал читать

Евангелие, чтобы давать совет не просто от своего рассуждения и опыта, но по Божественному просвещению. Но при этом ничего не навязывал и никогда не говорил: «Через меня открывается воля Божия» и тому подобное.

Многих священников батюшка уберег от поспешных действий, провидя их пагубные последствия. Многих уже споткнувшихся и заблудившихся он возвратил на прямой непрелестный путь подлинного Православия. Батюшка видел и не скрывал многочисленные проблемы нашей Церкви, о чем болел всей душой. Но, ко всему относясь духовно, старец считал, что болезни Церкви земной лечит особым промыслительным действием Сам Глава Церкви — Христос. К Нему и надо обращаться с сердечной просьбой об этом. Таким образом, батюшка чрезмерных ревнителей церковных устоев удерживал от раскола, а чрезмерных ревнителей «исправлений» — от впадения в модернистское обновленчество. Если, конечно, мотивом таких чрезмерностей были добрые побуждения о благе Церкви Христовой.

Духовное руководство священством старец осуществлял очень тактично, уважительно, но не потакая страстям. Часто, когда священник впервые приходил к нему для духовного совета, батюшка испытывал, есть ли воля Божия наставлять его. Испытывал тем, что создавал препятствия, долго не принимал, как бы «отгонял». Иногда приходилось приезжать за сотни километров и, так

и не поговорив со старцем, уезжать «не солоно хлебавши». Не все это выдерживали. Но если священник смирялся и терпел, батюшка с любовью принимал такого как свое чадо и уже все свои силы отдавал, чтобы наставить его на путь Божий. «Едешь, трясешься: как же такое сказать?! — вспоминает протоиерей Дионисий Астахов, — а приедешь, батюшка так мог тебя расположить, даже шуткой какой-то, что ты и сам не замечаешь, как все ему выложишь, — такой груз с души снимется! Слава Богу! Как на крыльях выпорхнешь от него».

Духовное руководство батюшки было очень ценно также тем, что через него передавался духовный опыт многих подвижников — архиереев, старцев, духовников, блаженных — предыдущего поколения, зачатую еще дореволюционных времен. Старец был знаком почти со всеми современными ему подвижниками благочестия. Кроме уже упомянутых выше можно назвать святителя Зиновия (Мажугу) и других глинских старцев, архимандрита Серафима (Тяпочкина), схиархимандрита Григория (Давыдова) и многих других. Очень точно сказал один священник: «Архимандрит Ермоген был для всех нас человеком, который связывает поколения. Он знал очень многих из тех, кто сам прошел ссылки и лагеря, общался с ныне уже прославленными подвижниками. В его опыте русская церковная традиция не прерыва-

лась, и он приобщал к ней нас — поколения новых и новых христиан».

Батюшка окормлял сотни, если не тысячи благочестивых мирян. Нам известны случаи, когда через него люди освобождались от наркомании и алкоголизма, когда, «уловив в сети» пастырской любви одну душу, он в конце концов приводил ко Христу всю семью с многочисленными сродниками.

Его духовные дары — исцеляющей душевные и телесные недуги молитвы, духовного рассуждения и прозорливости, благодатного наставления и утешения, — которые начали проявляться еще в Пюхтицах, возросли и умножились. Отдельная тема — батюшкино милосердие. Он всегда кому-то помогал, кого-то опекал.

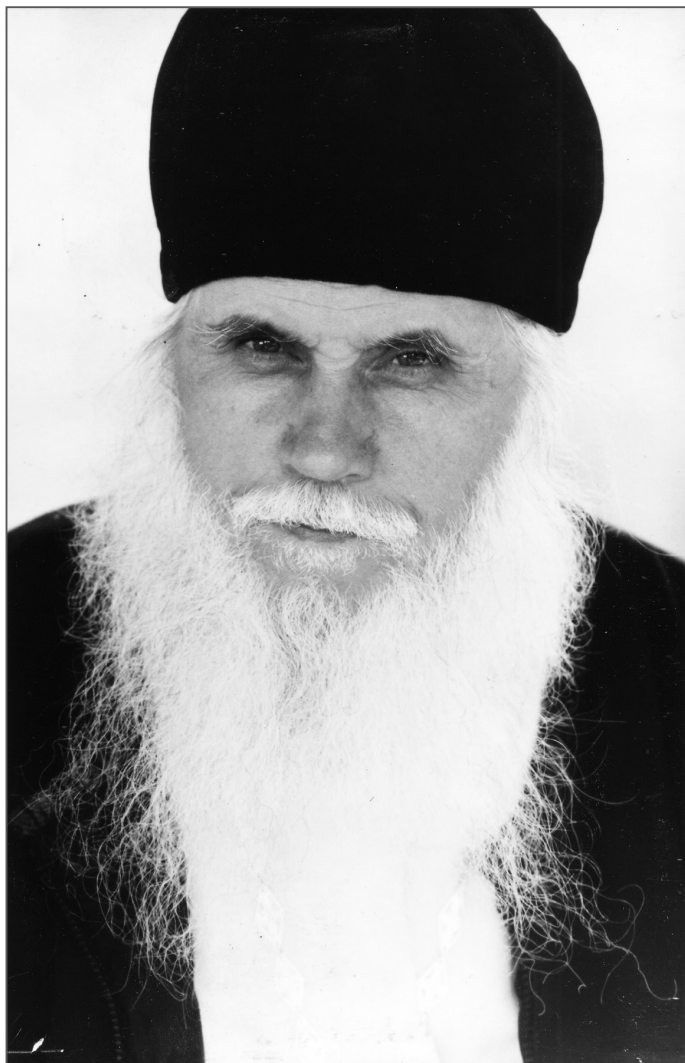
Святые отцы учат: «Всякое добро, не огражденное смирением, незрело и непрочно»*. И батюшка, насколько это было возможно, скрывал свои духовные дары и дела милосердия. Например, одно из самых крупных денежных пожертвований на строительство храма святой великомученицы Параскевы в д. Поречье Великолукского района сделал батюшка Еρμοген. Но сделал это через другое лицо, и до сих пор об этом почти никто не знает. Смирение его проявлялось и в том, что до конца дней сам батюшка был послушником кого-нибудь из старцев.

* Преподобный Феодор Студит.

Блаженная кончина

Двадцать четыре года трудов по возрождению монастырей, приходов, налаживанию монашеской жизни, окормлению сестер разных обителей и множества паломников со всей России и из-за рубежа сделали батюшку тем благодатным старцем, которым мы его знали в последние годы. Он перенес тяжелые заболевания. Однажды он был настолько близок к смерти, что его постригли в тайную схиму с именем Тихон, в честь святителя Тихона Задонского. Но Господь продлил его годы жизни на земле для душевной пользы огромного числа духовных чад.

После 80-летнего юбилея отец Ермоген часто повторял псаломские слова: *«Дни лет наших, в нихже семьдесят лет, аще же в силах, осьмьдесят лет»* (Пс. 89:10). Он знал, что его земная жизнь завершится на 83-м году. Это ему предрекала одесская блаженная старица Онуфрия. Батюшка готовился предстать пред Господом, но оставался на своем порученном Богом посту духовника до последних дней: вразумлял, утешал, молился... Страдания, которые он претерпел в последние дни перед кончиной, были мученическими. Ими Господь не только его душу очистил для Вечности «как золото в горниле», но и облегчил греховное бремя его оставляемых в юдоли земной духовных чад. Батюшка начал свой восход от земли на Небо накануне праздника Всех святых, в земле Псковской

просиявших. Сороковой день по кончине выпал на праздник глубоко почитавшегося им преподобного Сергия Радонежского. Для нас, его духовных чад, это несомненный знак от духовного отца, что и там, перед Престолом Божиим, он не перестанет о нас молиться, вразумлять нас и утешать.

В жизнеописании использованы:

1. Неопубликованные личные воспоминания автора и других духовных чад архимандрита Ермогена, в схиме Тихона.
2. Беседы с архимандритом Ермогеном и воспоминания о нем, опубликованные в книге: Архимандрит Ермоген (Муртазов)/ Автор-составитель Людмила Ильюнина. СПб., 2018.
3. Публикации Ольги Орловой «Церковь будет существовать до конца времен, и врата ада не одолеют ее» и «Лучше согрешить любовью, чем строгостью» на сайте Православие.ру.
4. Издание Снетогорского монастыря «Светлой памяти архимандрита Ермогена (Муртазова) в схиме Тихона». Псков, 2018.
5. Се аз и дети мои. Автор-составитель А. Малышева. СПб., 2017.
6. Архивные материалы.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДУХОВНЫХ ЧАД

Монахиня Исидора (Носова)

Об отце Ермогене

Часто я вспоминаю об отце Ермогене и о том, как он в мои молодые годы в Пюхтицах помогал преодолевать трудности монастырской жизни. Но помогал не поблажками, а прозорливыми советами. Расскажу о нескольких случаях.

Однажды батюшка сказал мне: «Читай историческую литературу, опыта наберешься. Это лучше, чем якобы духовная литература, из которой можно нахватать всяких ересей. Пойдешь к Чаше, и все эти еретические мысли начнут в голове крутиться...»

А у нас в то время в монастыре появились послушницы школьного возраста, нужно было для них книги брать в местной библиотеке. Я взяла книгу о Викторе Кингисепе, в честь которого назван город неподалеку от Пюхтиц. И прочла в этой книге об одном эпизоде из его жизни, когда его арестовали, не имея улик, и оставили одного в комнате на первом этаже с открытым окном, а в столе, ящик которого он открыл, был пистолет. Все располагало к побегу. Но он понял, что что-то

тут не так, и не тронулся с места. Это была провокация. Следовательно, явившись через десять минут, сказал: «Ты что, трус?» — «Нет, я прозорливец», — пошутил Виктор.

И вскоре в моей жизни сложилась такая ситуация, когда испытывалась моя честность. Когда все миновало, отец Ермоген спросил меня: «Как ты все это выдержала?» — «Так вы же благословили меня читать историческую литературу».

Бывало и такое, когда мне было особенно тяжело — нужно было выполнять одновременно несколько физически выматывающих послушаний, отец Ермоген вдруг неожиданно появлялся на скотном и говорил: «Ничего, выдержишь». И молился, конечно.

Еще расскажу о том, как он помог определиться одному человеку. Теперь это отец Филарет в Троице-Сергиевой Лавре, а тогда он работал в угрозыске и был некрещеным. Но случилась беда: у него погибли старшие товарищи. Причем один из них поехал на задание, добровольно заменив его. От этого потрясения он не мог никак излечиться, только в монастыре становилось полегче. Я с ним как-то разговорила и, узнав, что он некрещеный, сказала, что ему нужно креститься. А он говорит: «Мне сначала во всем разобраться нужно. Начитаться как следует нужной литературы». Вижу, что мне его не убедить, и говорю: «Пойдем к батюшке, к отцу Ермогену». Пришли, и батюшка ему только

одну фразу сказал: «Крестись быстрее. Вот ты читаешь, а благодати-то у тебя нет. Что ты там можешь понимать?» Вскоре он крестился. А отец Ермоген прозрел его монашеский путь и послал в Печоры к старцу Иоанну (Крестьянкину), духовным чадом и постриженником (отец Иоанн специально приезжал в Пюхтицы постригать в монашество тогда белого священника отца Александра) которого он был.

Старец Иоанн, завидев будущего отца Филарета, сразу сказал: «Ты — наш». И отец Ермоген после этого написал характеристику в Духовную семинарию, пометив: «Как сказал архимандрит Иоанн, сей раб Божий с монашеским уклоном». Мы потом на вооружение взяли это выражение — «с монашеским уклоном».

Отец Ермоген очень любил блаженных. Например, он говорил о блаженном Мише, который иногда жил у нас на скотном: «Сестры, вы внимательно относитесь к тому, что говорит и делает Миша. Если он ругается, значит, кого-то из вас ругают или будут ругать, будьте готовы. Если он, например, падает на землю — это значит, что кто-то пал духовно и он на это указывает».

Так же и к блаженной Лиде он относился, старался ей дать денежку, потому что знал, что она странствует. А однажды мы с ним шли от почты к монастырю, а навстречу нам блаженная Лидия, и лицо у нее все в синяках.

И батюшка сказал: «Вот она показывает — у меня душа так же избита, вся в синяках, как ее лицо...»

Вообще вся семья Муртазовых необыкновенная — ведь все монахами стали. И мама их, и сестра, и брат отец Никон, которого все в монастыре очень любили. Он хоть и инвалид с детства, но всегда был таким тружеником. И иконы писал, и реставрировал, и на клиросе пел, и дух нам всем поднимал своими шутками. Мы называли его «брат Борис» (тогда он еще не был в постриге), и сейчас вспоминаем добрым словом и на молитве.

Отдельно скажу о блаженном Михаиле, который иногда в монастыре появлялся. О его прошлой жизни мы ничего не знали, знали только, что родом он из Чебоксар. А однажды он сказал, что был сиротой и сидел за печкой, и Божья Мать к нему приходила. Догадывались мы, что был он образованным человеком, потому что часто поражал своими знаниями из разных областей науки. Хотя и говорил гугниво, так что не все можно было понять.

Матушка игуменья не благословляла его оставлять в монастыре, говорила, что хотя ей и жалко бездомного Мишу, но ведет он себя так, что много смущения приносит. Но нам — сестрам, которые жили и трудились за оградой монастыря на скотном дворе, как говорила старшая мать Иона, «молитвы Миши были вместо монастырских стен и сто-

рожевых собак». Да и очень жалко нам было Мишу, и мы его прятали в подполе. Там среди сложенных продуктов и вещей он и жил. Холода он не боялся, а паутины и духоты тем более. Сюда приходил исповедовать и причащать Мишу духовник монастыря отец Ермоген (Муртазов). Батюшка спускался к нему прямо в подвал и выходил со словами: «Это не я его исповедовал, это он меня исповедовал. Ему все открыто».

Отец Ермоген очень почитал Мишу. Мы были свидетелями того, как по его благословению получил помощь от блаженного Михаила известный наш композитор Арво Пярт — в крещении Арефа.

У него очень болел сын, и отец Ермоген, духовник Арефы, сказал: «Иди на скотный к Мише, попроси, чтобы он помолился». И вот однажды мы видим, что к нам по дороге идет господин в белом костюме, с шарфом на шее. Подошел к скотному и спрашивает: «Здесь Миша?» Мы ему показали, где тот скрывался, открыли дверцу в подвал, а Миша как начал оттуда кричать: «Это кто пришел? Изменник Родины» (потом мы только поняли, что Пярта так в советское время стали называть, когда он уехал за границу). И еще как-то его ругал. Постоял-постоял Арефа, послушал все это и ушел. А вскоре уехал из монастыря домой в Таллинн.

И тут наш Миша вдруг стал в дорогу собираться. Сел на автобус и поехал в Таллинн.

И там, в большом городе, сам нашел, где живет семья Пярта. Как он так мог? Только откровением Божиим. Пришел в квартиру, позвонил, когда открыли, сразу прошел к постели больного сына Арефы, перекрестил его, помолился, сказал: «Ты поправишься. Только потом купите много детских вещей и отдайте многодетной семье в Пюхтицах». И с этими словами ушел. Мальчик поправился, Арефа накупил много детских вещей и привез к нам на скотный, мы их спрятали — кому отдавать не знаем.

А потом мы узнали, что недалеко в поселке живет многодетная семья. Мы все им и отдали, и оказалось, что Миша уже однажды этой семье помог. Жили они бедно, да еще и зарплату задерживали часто. И вот случилось так, что осталось у них только три литра простокваши и немного картошки. А на работе сказали, что зарплату опять задерживают. И вот появляется Миша: «Хозяйка, дай три литра простоквиши». Сначала она расстроилась, детям хотела испечь что-то. А потом дала ему эти три литра простокваши. Он взял, на стол деньги бросил и побежал. И этих денег ей хватило до следующей зарплаты.

Миша часто и нас о чем-то предупреждал. Однажды он стал страшно ругаться на наших сестер на скотном дворе. Они даже рассердились: «Как это так! Ты в монастыре — и так ругаешься!» Прошло какое-то время, и появился на скотном лесничий и стал ругаться

точно такими же словами, как и Миша. Но они не испугались и выгнали его.

Ко мне Миша хорошо относился, не ругал. Но однажды вдруг стал ругаться на меня. И вскоре появились «ветеринары», что котов отлавливают. Засунули наших котов в мешок, а я его потихоньку развязала, и они все разбежались, а потом на меня ругались теми же словами, что и Миша. Я это сразу вспомнила.

Когда Миша в последний раз уезжал из Пюхтиц, он все время повторял: «Слышишь, как Божья Матерь на источнике плачет?» И вскоре он принял мучительную кончину. Миша приехал в Псково-Печерский монастырь и забрался там в какой-то шкаф. А монахи или трудники (потом их из монастыря выгнали) сбросили этот шкаф с горы в овраг. Миша весь был переломан и вскоре скончался. Его безымянная могила находится в Печорах.

Одновременно с Мишей в монастыре появлялась блаженная Лида. Она всегда ходила с большими сумками, набитыми книгами. Светлая такая была, с большой русской косой. В холода ходила совсем раздетая. Ее почитал и любил Святейший Патриарх Алексий, когда он еще был митрополитом Таллиннским. Он благословлял ее привечать, кормить, а она в трапезную заходить не хотела, так он говорил: «Ну, вы ей маленький столик в прихожей поставьте, пусть она хоть здесь поест». И отец Ермоген ее почитал и жалел, помог ее потом в дом престарелых пристроить.

Боялся, что она в своих странствиях где-нибудь замерзнет.

Вообще мы счастливые — каких людей мы знали! Настоящих подвижников.

К отцу Ермогену вообще большие люди за советом ездили. Например, он рассказал мне историю, связанную с Юрием Владимировичем Андроповым. У него жена была верующая, через нее многие ходатайствовали об открытии храмов, и первые монастыри именно при Андропове стали открывать. А потом мне пришлось вести экскурсию по монастырю сыну Юрия Владимировича, который был послом в Греции. И в это время пришло известие, что эстонцы сносят памятник на могиле советского летчика неподалеку от монастыря, и тогда сын Андропова (имя не помню) сказал: «Поставьте крест. Против креста не пойдут». И тут я вспомнила, что отец Ермоген мне недавно рассказывал о его отце, как будто знал, какая мне предстоит встреча, и я ему говорю: «Я знаю, что ваш отец помогал». И он тогда прослезился и сказал: «Благодарю за добрую память об отце. Я приехал сюда, чтобы подать за него на вечное поминание в монастыре».

Еще расскажу об одном страшном искушении, которое пережил батюшка Ермоген в Пюхтицах. У нас появился шофер Сергей Яковлевич. И вот однажды, — что ему в голову стукнуло, не знаю (он вообще был нервный и глухой, потому что во время войны на

«Катюшах» служил), — он пришел на исповедь к отцу Ермогену и вдруг стал орать на него на весь храм. По ходу службы батюшке нужно было уже уходить в алтарь, он взял крест и Евангелие и ушел в алтарь, а тот стал еще больше орать: «Вот, он меня испугался!» И когда отец Ермоген вышел с Чашей, то он, сжав кулаки, бросился на него, но сестры повисли у него на руках со всех сторон, не пустили. Потом приехала милиция и стали разбираться (хотя батюшка был против), отправили в психбольницу, признали вменяемым, но потом выпустили его и он вернулся. Батюшки Ермогена уже в монастыре не было, он был на Псковщине, но я знаю, что этому Сергею Яковлевичу он присылал копеечку, чтобы его поддержать. Но потом я поняла, что этот Сергей Яковлевич был непростой человек. У меня был такой случай: приехал в нам семинарист на каникулы, и нужно было ему возвращаться, а денег нет. Нам тогда выдавали на праздник по 25 крон, и мне мать Гликерия, с которой мы жили, говорит: «Иди в магазин, купи масло». И дала денег. И я решила: «Все ему отдам, а масло на кухне попрошу». Иду, планы строю, а на дороге стоит Сергей Яковлевич и кричит мне: «Иди сюда, я тебя чем-то угощу». Я говорю: «Ничего мне не нужно». — «Я тебе что сказал, иди сюда!» Подбежал и сует мне деньги, и именно ту сумму, которую я от матери Гликерии хотела утаить. Я опять отказываюсь, а он го-

ворит: «Если ты сейчас не возьмешь, видишь магазин открытый, я пойду сейчас и напьюсь. А ты лучше масла купи».

И после того, как отец Ермоген уже уехал из Эстонии, он один раз приезжал проводить монастырь, нашел Сергея Яковлевича, который в это время уже жил в Йыхве, и примирился с ним. И на следующий день Сергей Яковлевич умер, как будто ждал батюшку. Хотя они и так уже примирились в письмах, но важно было лично встретиться. Батюшка любил таких особых людей, да и всех любил, как и наша матушка Варвара. Они всех эстонцев знали, которые вокруг монастыря на хуторах жили, старались со всеми дружить. Матушка, например, в праздники собирала подарочки и посылала меня как посыльную с

подарочками по хуторам. Отец Ермоген смеялся: «Ну, ты своему имени (Лидия) соответствуешь, бегаешь везде».

Молитвами отца Ермогена исцелилась от рака эстонка Вивея, она приняла крещение и соборовалась. Батюшка умел просто говорить с людьми, и матушка Варвара, например, если едет в больницу в Таллинн, обязательно возьмет кого-то из местных, кто болеет.

Как мы вспоминаем эти времена... Мы жили тогда по шесть человек в келье, а не по одному (как сейчас), из одной чашки ели, очень много работали и как-то всем были довольны. Монастырь для нас был всегда родным домом, семьей, где мать Варвара всем была матерью, а батюшка Ермоген — отцом.

ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ ЧУГРИЙ

Мой духовный отец

Благодарю Господа, благодарю Матерь Божию за то, что даровали мне такого замечательного духовного отца — архимандрита Ермогена (Муртазова), в схиме Тихона.

В 1981 году я, грешный, встретился в Пюхтицах с батюшкой. В это время я по службе был переведен в пограничную воинскую часть в Эстонию, она находилась в 20 километрах от монастыря. Встреча с монастырем всего меня перевернула. Мне было тогда 29 лет, я был крещеный, но в церковь не ходил,

не исповедовался, не причащался. А отец Ермоген, как будто рентген, просвечивал тебя насквозь. После того как он своими особыми пронзительными глазами посмотрел на меня, я уже не мог жить без него, без Пюхтиц. Уже через три дня после первой встречи я купил цветы к иконе Божией Матери и поехал в Пюхтицы. Матушка игуменья Варвара, как и в первый раз, очень радушно меня приняла. А отец Ермоген мне сказал: «Надо окунуться в источнике. И еще на службу приехать». И это было не приказом, а благодатным приглашением. Хотя была холодная зима, я послушался, пошел на источник, окунулся и потом стал постоянно ездить в монастырь. И там я еще встречался с матушкой Людмилой, теперешней настоятельницей монастыря св. прав. Иоанна Кронштадтского на Карповке, с инокиней Лидией (матушкой Исидорой теперешней). Благодарю их за их доброту ко мне, грешному.

Потом я стал возить солдат и семьи военнослужащих в монастырь, и многие из них крестились. Потом я возил их на исповедь и причастие. Кроме отца Ермогена военных окормляли отец Димитрий (который продолжает служить в Пюхтицах) и отец Сергей (нынешний митрополит Барнаульский), но отец Ермоген в первую очередь.

Батюшка много предсказывал. Он освящал мою заставу дважды и при этом говорил: «Это здание разберут и это разберут». А я на

заставе занимался стройкой, для улучшения быта пограничников мы старались построить что-то новое. Но батюшка сам захотел второй раз освятить заставу после новой стройки в конце 1980-х годов и тогда сказал слова о том, что эти здания долго не простоят. И еще благословлял при стройке класть в фундамент псалом «Живый в помощи Вышнего». И еще сказал: «А забор останется». Когда мы ушли с заставы в 1992 году, эстонцы все здания снесли, остался только забор.

В 1985 году в Пюхтицы приезжал старец Николай Гурьянов. Меня пригласила матушка игумения Варвара. Старец меня спросил: «Как вы тут поживаете?» Я сказал: «Хорошо, после Киргизии, где раньше служил, тут так хорошо. Три годика я потрудился, часть привел в порядок, депутатом меня выбрали, жена работает в профилактории, дети в школу ходят. Я бы хотел тут навсегда остаться жить». А старец и говорит: «Нет, в 1992 году, во второй половине года, ты отсюда уедешь». А я, грешный, даже обиделся: как такое может быть? Я тут так потрудился! Но потом отец Ермоген подтвердил слова старца, и сам он, когда я его спрашивал, и даже когда не спрашивал, говорил: «Да, ты покинешь Эстонию в начале 1990-х годов».

Батюшка освящал и здание профилактория, где моя жена была зам. главного врача. Освящали тайно, ночью. Очень многое связывало нашу семью с 1981 года и до последних его дней с батюшкой. Молитвы отца

Ермогена спасали от многих неприятностей и даже от смерти. Когда у меня случилось обострение аппендицита, оказалось, что операцию мне делал пьяный хирург, чудо, что все прошло благополучно. Батюшка Ермоген даже послал в больницу двух послушниц, чтобы они рядом со мной помолились и все было хорошо. Такая отеческая забота!

Еще об одном предсказании я помню — в 1984 году батюшка венчал нас с женой, в это время приехал мой брат с женой и их он венчал. Венчались на кладбище в Никольском храме. Матушка Варвара после венчания пригласила нас к себе на чай, пришел отец Ермоген и вдруг говорит мне: «Вася, а ведь твой брат долго не проживет». Я испугался: «Как так, он же молодой, на восемь лет младше меня?» — «Да нет, он с женой долго не проживет. Разойдутся они». И действительно, через несколько лет они разошлись. Так и с моей дочкой случилось. Она собиралась замуж за военного. Батюшка посмотрел на всех нас и говорит: «Вижу, что вы все хотите этого брака, но они долго не проживут». И правда, родился ребенок, и они через пять лет разошлись.

Батюшка определил дальнейшую мою судьбу после отделения Эстонии от России. Когда нашу часть переводили, мне предложили три должности, и все очень хорошие. В том числе и Украину. Сам я с Украины, и это, казалось, было бы неплохо. Я приехал к батюшке с вопросом, что мне выбрать. Он

сказал: «Три дня держи пост и молись (сказал, какие молитвы читать). Через три дня приезжай, причастись, вместе помолимся, и Господь откроет». Через три дня, после литургии и причастия, он повел меня в Никольский храм на кладбище, завел в алтарь и вынес Евангелие. В книге лежали четыре записки, я вытаскиваю записку, и на ней написано: «Куда Господь пошлет». На трех остальных записках были написаны те три места, которые мне предлагали. И батюшка сказал: «Ну вот, жди, куда Господь пошлет». И вскоре нашу часть перевели в Псковскую область в Самолву — на родину старца Николая Гурьянова. А вскоре и батюшка Ермоген переехал на Псковщину. Более того, когда мы переезжали, я полностью одну машину военную загрузил вещами отца Ермогена, и они у меня в части какое-то время стояли, а потом я их перевозил в Печоры, где батюшка сначала служил в храме св. Варвары и жил в своем домике. Потом архимандрита Ермогена перевели в псковский Снетогорский монастырь, и так мы оказались с ним рядом.

Когда я в первый раз приехал к батюшке на исповедь, он меня спросил: «Ты не жалеешь?» А надо сказать, что мы приехали в очень трудные условия, пришлось заставу приводить в порядок. Но я ответил: «Нет, батюшка, не жалею, на все воля Божия».

Вспомню об одном чуде Божиим (я это воспринимаю как чудо и милость ко мне,

грешному), которое произошло после того, как я сдал часть эстонским властям. Когда комиссия из Таллинна все у меня приняла, они захотели в бане помыться, а мне так не хотелось с ними идти в баню, и так на душе было тяжело, и я вдруг говорю им: «А я вам еще один объект не показал». — «А где это?» — «Тут недалеко, Пюхтицы». Мы приехали, я их сначала повел на источник, а был уже ноябрь месяц, снежок уже выпал, вечер, смеркалось. Я говорю: «Делай как я», окунулся в источник, и они вслед за мной. А среди них был и начальник департамента охраны границы из Таллинна. И вот подъехали мы к монастырю, а там отца Ермогена провожают в Россию. Икона Успения Божией Матери была открыта (стекло киота открыто), я приложился к иконе, кто-то из эстонцев тоже приложился. Батюшка меня благословил в дорогу, и на душе стало так мирно, хорошо. Так я покидал Эстонию с благословением Божией Матери и отца духовного.

Но главное — потом, когда я через пять лет приехал в Пюхтицы, матушка игуменья Варвара мне сказала: «А ведь они и потом не раз к нам приезжали. У нас очень хорошие отношения установились с эстонскими пограничниками». Такая промыслительная была поездка по молитвам отца Ермогена.

С архимандритом Ермогеном мы вместе съездили в Пюхтицу через пять лет после его отъезда из монастыря. Батюшка поехал именно на Прощеное воскресенье, чтобы по-

просить прощения у матушки Варвары (она переживала из-за его отъезда) и у всех сестер. Надо сказать, что матушка Варвара принимала моего духовного отца, как архиерея — с такими почестями и с такой любовью. Все пять лет батюшка молился, и по его молитвам произошло полное примирение со всеми. Матушка Варвара потом ко мне два раза приезжала на Самолву.

К отцу Ермогену, — я свидетель, — в непростое время конца 1980-х — начала 1990-х годов приезжали за советом многие «власть имущие» люди из Москвы, из Петербурга, ну и из Таллинна, конечно. Это были и военные из Министерства обороны, и депутаты, руководители разного ранга. Многие из них были верующими, исповедовались и причащались у батюшки. Иногда, чтобы не афишировать цель своей поездки в Эстонию, они как будто по делам службы приезжали к нам в воинскую часть, я их отвозил в Пюхтицы и потом на военной машине забирал их и привозил к поезду. Различные патриотические организации окормлялись у отца Ермогена, и за всех он молился, не только за отдельных людей, но и за всю Россию и за весь мир.

Все, кто с ним встречался, не могли забыть первого впечатления от встречи с Божьим, светлым-светлым человеком. Расскажу еще об одном случае преображения человека от встречи с батюшкой Ермогеном. К нам в воинскую часть приехала комиссия из Москвы,

мне позвонил начальник части и говорит: «Свози их в монастырь, нужно переключиться. Пусть они у тебя сутки проведут». Я повез их в монастырь. И руководитель этой комиссии после экскурсии по монастырю попросил о принятии крещения. В это время только что построили на «горке» крестильный храм св. Иоанна Крестителя. Отец Ермоген его крестил. Он думал, что эта командировка его последняя, он собирался уходить в запас, но после этого прослужил еще пять лет и получил звание генерала. И потом к отцу Ермогену он ездил еще не один раз.

Но надо сказать, что высокопоставленные люди приезжали к архимандриту Ермогену и на Псковщину, в Снетогорский монастырь, и они помогли восстановить монастырь, который до того, как батюшка там появился, был в плачевном состоянии. С матушкой игуменией Людмилой они были единоплеменными. На Псковщине батюшка был духовником трех монастырей: кроме Снетогорского, он окормлял сестер Елеазаровского и Творожковского монастырей. А меня тоже благословил помогать, работать в этих монастырях (и отказаться от выгодных, денежных должностей).

Запомнилась встреча отца Ермогена с членом нашего правительства Ольгой Голодец. Меня попросили ее сопровождать. Батюшка в это время плохо себя чувствовал, я приехал к нему и говорю: «Батюшка, через два часа едет такая-то и такая-то, надо бы ее при-

нять». Батюшка помолился. Надо сказать, что он всегда молился, прежде чем кого-то принять. И потом говорит: «Хорошо. Когда они приедут?» — «Через два часа». — «Лучше через три». Я позвонил тем, кто организовывал поездку, и они тоже сказали, что через три часа даже лучше. Батюшка их встретил, поговорил, проводил до ворот. И, прощаясь, раба Божия Ольга говорит мне: «Я такого человека никогда в жизни не видела! Это же не глаза, это рентген какой-то, он все видит насквозь!» У меня даже слезы на глазах появились: «Вы многого еще не знаете». И сейчас я многого еще не рассказал, вспомнил только то, что по горячим следам вспомнилось.

Я навсегда запомню батюшкин прощальный взгляд. Мы приехали в день Ангела, 25 мая, в Снетогорский монастырь его поздравить. Было много людей, он, конечно, очень устал. Я провожал его до входа в его келейный корпус. Я оглянулся и увидел, что он стоит в дверях и так смотрит на меня, как будто прощается. И через час, когда мы были в пути, нам уже позвонили и сказали, что батюшку увезли в больницу...

Вечная память архимандриту Еρμοгену, в схиме Тихону. Он был наш Ангел, его молитва уходила напрямую к Престолу Божию. И он молился за всю нашу страну. Верим, что он не оставит нас своей молитвой и в нынешние непростые времена.

Бог хранит нас для того, чтобы мы хранили истину Православия!

В какие времена нам Господь отпустил жить

Господь отпустил нам жить в удивительное время, которое можно назвать вторым крещением Руси. Миллионы людей ищут и находят дорогу в Церковь! Господь всех приемлет. Всем желает спасения. Как говорится в святом Евангелии: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11:28).

И «научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 11:29). Единственный покой и в этой жизни, и в будущей — это наш Учитель и Господь Иисус Христос.

Но нас всех разделяет грех. Он как стена между человеком и человеком, между человеком и Богом. Поэтому каждый, кто приходит как чадо в Церковь к своему Небесному Отцу, должен прежде всего распознать в себе грех, осознать его, раскаяться и примириться с Богом, с людьми, со своей собственной совестью.

А после, познав евангельские заповеди, стараться уже жить не по своей собственной греховной воле, а по воле Божией. Говорит же Священное Писание: «Близ Господь всем призывающим Его» (Пс. 144:18).

Православная Церковь единственная в мире сохраняет апостольскую истину неповрежденной до наших времен. «Церковь есть столп и утверждение истины» (1 Тим. 3:15). В нее Господь вложил все для нашего спасения.

Надо только прислушаться к себе: насколько мы все нуждаемся в Истине! «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6), — сказал про Себя Господь. Все мы нуждаемся в Боге! «Мною аще кто внидет, спасется, и внидет и изыдет, и пажить обрящет» (Ин. 10:9). Пажить вечную.

Мы, духовники, стараемся помочь каждому приходящему к Богу — всем, кто желает спасения. А спасение собственной души имеет первостепенное значение, особенно важно о нем задуматься тем, кто только начинает свой путь воцерковления.

Примеры для подражания

За свою тысячелетнюю историю наша Русская Православная Церковь явила миру больше святых, чем какая либо другая поместная Церковь. Среди русских угодников Божиих испокон века изобиловали и святители, и преподобные, и юродивые... Однако мучеников у нас было мало...

Правда, самыми первыми канонизированными русскими святыми стали как раз невинно убиенные князья-страстотерпцы Борис и

Глеб. Но дополнили их число потом совсем немногие, их можно перечислить по пальцам. Мучеников на Руси было совсем мало.

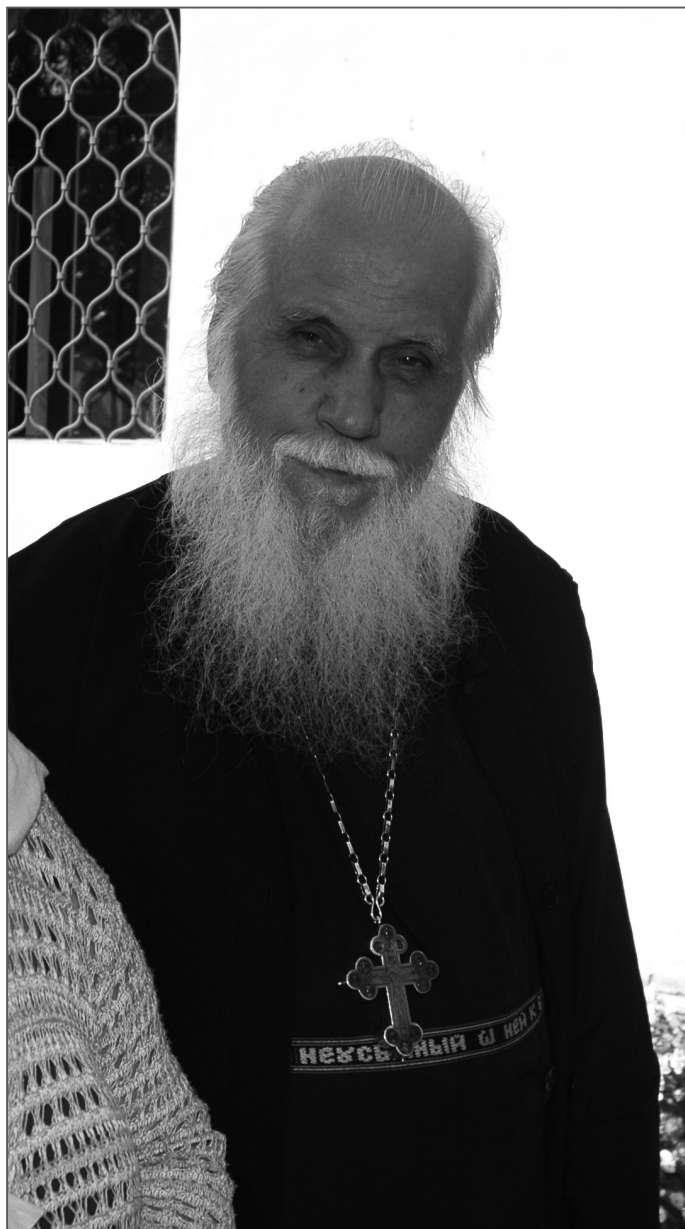
Но вот за период, начиная с 1917 года, когда началось советское иго, и поныне Церковь наша явила сонм новомучеников! Почти тысячу умученных за Христа в советские гонения сразу прославил Архиерейский собор 2000 года, а потом их количество увеличилось почти вдвое и все еще прирастает... И прославлены новомученики и исповедники Церкви Русской целым сонмом: явленные и не явленные, но ведомые Богу.

По их святым молитвам в России вновь стали открываться храмы и монастыри. Жизнь народная входит уже в свое единое спасительное русло — и это отрадно.

Все они, угодники Божии, показали нам образ благочестия, чистоты, нравственности. Поэтому каждый из них — пример для нашего им подражания. Как апостол Павел говорит: «Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13:7).

Успеть покаяться

Новомученики выдержали экзамен верности Богу в нечеловеческих условиях. А те, кто не выдержал испытаний в те страшные годы, кто поддался inferнальным веяниям

времени и участвовал в разрушении храмов, глумился, убивал, хулил Бога, навлекли на себя и свое потомство проклятие.

Правда, некоторые успевали все-таки покаяться...

Есть такой рассказ: коммунисты-богоборцы, закрывая храм, решили в первую очередь снять крест с купола... Но никто не решался. Вдруг кто-то вызвался из толпы. Быстренько взобрался на купол, уже спилил крест и хотел было его сбросить — да сам полетел вниз, едва сумев схватиться за какую-то травинку на крыше храма... Висит и не падает... Вызывали пожарную вышку, чтобы его снять оттуда. А он болтается там между небом и землей и понимает, что это чудо! Согласно физическим законам этот стебелек его не удержал бы... Внизу все тоже смотрят и изумляются:

— Бог его спас!

Человек этот раскаялся, пришел в церковь и на исповеди рассказал:

— Вот такой грех я дерзнул совершить... А Господь меня помиловал!

Всеякими путями Всемилостивый Бог людей спасает. Надо только каяться, исповедоваться. Сейчас приходят в храм уже даже третьи-четвертые поколения тех, чьи деды-прадеды некогда кощунствовали. В большом требнике есть специальные молитовки, чтобы снять проклятие с целого рода.

Иначе люди страдают и не понимают почему...

Покаяние должно быть деятельным

Одно время ко мне из Нижнего Новгорода ездила семья: мать Агния, а у нее два брата были, и оба бесноватые. Но сами по себе, по характеру, это очень хорошие люди были. Особенно страдал от одержимости младший брат Алеша. Он и пил беспробудно, и под машину попадал, и в драке его ножом как-то порезали — это бес его всюду науськивал и бросал. И вот мать Агния приезжала к нам в Пюхтицкий монастырь, где я тогда был духовником, и рассказывала, как она за него переживает.

— Батюшка, — так жалобно спросит, — как же мне ему помочь?

А у меня был знакомый отец Феодосий — он прожил, кстати, 120 лет. Подвизался на севере. В свое время он, как, можно сказать, и все верующие, был приговорен к расстрелу. Да только у палачей просто руки не поднялись: они как увидели его — это уже тогда был точно Ангел Божий! Да еще, как поговорили с ним: «Какая же, — думают, — на нем вина может быть?! Нет на нем никакой вины!» Так и написали ему квиток: приговор приведен в исполнение.

Один из НКВДшников взял его к себе домой, и отец Феодосий жил у него на даче, трудился. Дожил так до нашего времени, а это уже 1990-е годы были. Мы с ним вели переписку. У нас была связным такая Марья Григорьевна. Она ездила к нему. Каждый раз вернется и свидетельствует:

— Да он святой! Прозорливый!

С ней мы передавали записочки отцу Феодосию, о ком помолиться. А однажды туда имя Алексея вписали... С него тут же, как с гуся, всякая нечистота сошла.

— Что же я делал?! Не понимаю! — вдруг сказал тогда он, явно вернувшись в разум.

Но вся эта грязь еще больше перешла на другого брата — Костю. Тогда уже он стал особенно страдать от всех этих бесовских козней, сильно его крутило...

— Что же делать? — передали мы вопрос отцу Феодосию.

И он открыл:

— Виноват во всем этом ваш папа.

— А в чем он виноват? — спрашивают.

— После Отечественной войны он шел из Арзамаса к себе домой. Дорогой нашел большую сумму денег. А потерял их человек, который от безысходности корову-кормилицу продал! Он очень долго потом искал, где обронил эти деньги. Там какая-то уж очень острая жизненная ситуация была... И он потом долго проклинал того, по чьей вине этих денег лишился. Нечестно отец поступил, утаив находку.

Потом, когда уже отец покаялся, вспомнив, что действительно такое было, он всячески пытался и спустя годы загладить свой грех. Помогал храмам. Потому что грех стяжания, несправедливого присвоения, тогда только прощается, когда человек возвращает все обратно в полной мере.

А если украл да обидел кого чем, то Закхей, принятый и похваленный Господом, и вовсе, как сказано, «вчетверо воздал» (см. Лк. 19:8). Сколько где украли — столько туда и надо вернуть, а по усердию и больше. Только после этого покаяние при открытии всего на исповеди станет действительным. А если человек просто сказал на исповеди, что украл, но ничего не вернул, его грех остается на нем.

Вот и в рассказанном случае только после деятельного покаяния, когда отец все осознал, исповедовал и исправил, его семья стала исцеляться, дела поправились.

Очень много таких историй мне за свою жизнь слышать приходилось.

Не проклиняйте!

В тех семьях, где родители не венчаны, враг особенно сильно воюет, разоряя заповедь о почитании родителей (см. Исх. 20: 12), а их в свою очередь подстрекает далее на проклятия детей...

Известен случай, который произошел в Архангельской области, на севере. Мальчик лет 13 с дедом, как правило, пас стадо коров. Чем-то он в то утро досадил матери, и она прокляла его:

— Будь ты проклят за то, что не слушаешься.

Он, как всегда, пошел на пастбище, дед куда-то отлучился, а к мальчишке приступил демон и говорит:

— Мать сегодня отдала тебя мне. Отныне ты — мой! И я буду поступать с тобой так, как мне надлежит.

Снял с него крест и взял к себе в команду, к бесам: чего они там только не вытворяли...

А отрок был найден якобы мертвым, для видимости вместо него бесы подсунули деревянную шпалу с его портретом, и такое наваждение на всех навели, что всем казалось, будто в гробу этот отрок.

Стали всей деревней его хоронить, да только лошадям везти эту шпалу было тяжело.

Явился он потом своей матери во сне:

— Мама, я жив. Так как ты изрекла на меня проклятие, я теперь не свой... Но я жив. Ты должна за меня молиться.

Она обратилась к священнику, и они стали молиться. Тогда сын периодами уже являлся, но в нечистых местах: в бане и т. д. Прошел год или полтора, когда грех она отмолила, демон выкинул сына на то же место, откуда взял:

— Я теперь не имею права тебя держать у себя!

Проклятый вернулся к своим родным и рассказал, какими грязными делами они занимались и как это страшно: где-то они дом подожгли, в другом месте еще зло такое, что и пересказывать не хочется, учинили...

Надо быть очень осторожными в отношении гнилых слов, а тем более проклятий.

Познайте Истину

После насаждаемого десятилетиями госатеизма сложно было сразу ввести преподавание в школах Закона Божия. Но все-таки ради детей надо было постараться! В Грузии, знаю, ввели в свое время Закон Божий в школах, и преступности у них стало меньше, и с нравственностью куда как лучше дело обстоять стало. В храмы около 60 % грузин каждое воскресенье ходит. А у нас сколько процентов из тех, кто даже называет себя «православными»?

«Куй железо, пока горячо». На исходе советской власти души людские устали от той идеологии, которую им подсовывали вместо веры... Начали бы тогда, хотя бы в 1990-е годы, Закон Божий в школах преподавать, — так бы и через детей родители познали Истину и почувствовали, как им самим от этого хорошо...

Тогда еще люди чище были, страх Божий при советской власти уже потеряли, но развратили их уже последние десятилетия вседозволенности, тогда уже и вовсе по своим прихотям жить стали. Вся эта либеральная пропаганда еще больше отдалила потерявших веру от богоустановленных норм жизни. Сейчас уже очень трудно людей ко спасению направить.

Человек наделен свободной волей, но одно дело, когда с детства тебе прививают вкус ко всему здоровому и спасительному, а другое — когда сызмальства травят и развращают.

Такому человеку потом очень трудно себя восстановить.

Помните, при Хрущеве ввели «сухой закон» — запретили водку продавать. Но люди настолько уже привыкли к выпивке, что не могли уже дальше без этой вонючей водички жить. Причем, когда была свободная продажа, они брали себе одну бутылочку, и им было достаточно. А когда запретили, то стали ящиками закупать... Приволокут ящик, и на месяц, а то на неделю хватало.

Так же и при отмене советской идеологии: не обрета еще истинной веры, люди пустились во все тяжкие: экстрасенсы, гороскопы, секты... Такое засилье бесовщины началось! Почему не поторопились с введением Закона Божия в школах? Скольких бы людей спасти удалось! А сейчас аборт да аборт — смерти детей, а с этими бедными женщинами что будет?

Чего ждать земле, залитой кровью младенцев? Есть грехи, которые смываются только кровью.

Все те несчастья и нестроения, которые еще грядут, только с Божией помощью преодолеть можно.

Чего ждет от нас Господь*

Но все-таки Россия не потеряет свое значение в мировом масштабе. Потому что Запад уже давно весь развращен. А Россия была

* <http://www.pravoslavie.ru/113646.html>

святой, святой она и останется. Все те пороки, которые насаждались нашему народу с Запада, будут нашим народом осознаны. Люди в них покаются. По-настоящему покаются!

Потому что нас хранит Бог для того, чтобы мы хранили истину Православия!

Достаточно изучить учение Святой Церкви! Да ты лишь заинтересуйся основами православного вероучения — и Бог сразу же пойдет тебе навстречу! Только призови — и придет на помощь! «Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его во истине» (Пс. 144:18).

Господь и Сам еще призовет наш народ к покаянию. Мы не падаем духом. Христос восстановит во всей чистоте и славе нашу Святую Русь. Только устроит все Своим путем. Каким? Некоторым святым старцам это открыто. А для всех это станет явно тогда, когда сами уже все своими собственными глазами увидите...

Сейчас уже многие процессы подспудно происходят. Я встречался с такими старцами, которые говорили, что дальше будет. И это вполне согласно с тем, о чем и раньше нас в лице святых ныне уже даже прославленные отцы предупреждали.

О духовном мире

Господь преобразился на горе Фавор перед Своими страданиями, для того чтобы укрепить апостолов в живой вере. Он показал им

Свою славу, для того чтобы они после страшных поруганий, страданий Господа и распятия Его не поколебались, не отпали окончательно от веры.

Так и с нами, христианами, бывает. Мы не знаем, что нас ждет в этой жизни. Но часто перед искушениями Господь благодатно утверждает человека. И когда уже это искушение приходит, то человеку бывает легче через него перешагнуть, потому что он духовно укреплен. Это христианское понятие.

В утешение-подкрепление бывают явления Божией Матери. Например, в Почаевской Лавре, там в 1950-е годы было 200 человек монахов, и перед хрущевским гонением было явление Божией Матери. Она стояла в воздухе 40 минут, и видели это многие братия монастыря. В Грушево на Западной Украине было такое же явление. Тогда у нас с западенцами было все еще неплохо. И вот перед началом разлада Божия Матерь явилась над храмом. Это было в 1990-е годы, Божия Матерь несколько раз являлась, народ туда ехал. Также и в Иерусалиме Божия Матерь являлась ночью в арабском квартале накануне израильской «семидневной войны», после которой территория Израиля сильно увеличилась. В настоящее время было еще явление Божией Матери в Индии, и сейчас мы узнали, что там началось гонение на христиан, там разрушают церкви и мучают верующих.

Я знал в Псково-Печерском монастыре подвижника архимандрита Никиту. Перед тем как он получил травму, которая привела к смерти, ему явились псково-печерские преподобные. Он шел служить панихиду в пещерах и вдруг увидел, как ожили преподобные на фреске у входа в пещеры и встали рядом с ним. Старец сначала оробел, потом поклонился преподобным, и они ему поклонились. После того как он послужил панихиду в пещерах и вернулся в свою келью, по обыкновению убрался в своей келье и пошел выбрасывать мусор, он попал в яму, получил серьезные переломы, и через неделю скончался в больнице. Это была мученическая смерть. И ему в подкрепление явились святые. Настоятель Псково-Печерского монастыря отец Алипий рассказал об этом на погребении старца Никиты.

Но бывают и обратные случаи, когда человек получает не подкрепление, а наоборот, терпит Божье отступление или наказание. Бывает и родовое проклятие от Бога. Я знал одну матушку, у которой один за другим трагически погибли семь братьев. За что, спросите. Оказалось, что их дед вместе с друзьями однажды убил невинную девушку. А грех родителей, если он не раскаян, наказывается до четвертого колена. Как помочь таким людям? Надо исповедоваться не только за себя, но и за предков своих. К сожалению, многие современные священнослужители не понимают

таких вещей. Надо найти такого священника, кто примет эту исповедь. Человеку надо осознать, что его личный грех часто имеет корень в наследственности. У нас три поколения воспитывали в безбожии, поэтому иногда человеку так трудно прорваться к Богу.

Мне приходилось не раз принимать исповедь детей за родителей и родителей за детей, причем и за живущих, и за умерших. Бывает, зовут принять исповедь у глухонемого или парализованного человека. Как его причащать, если он исповедоваться не может? Я спрашиваю жену или мужа: как человек молился, как постился, какими грехами согрешал, изменял ли супругу, честно ли работал, не хулил ли веру? И после таких расспросов читаешь над человеком разрешительную молитву.

Так поступать надо и в отношении умерших. Есть свидетельства из того мира, что умершим полезно, когда их родные приносят за них покаяние. Но не только на словах, но и на деле, стараясь жить свято.

Пока не свершился Страшный суд, не все еще потеряно. Все находится в движении. В духовной жизни все живо, все едино: «Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых». Конечно, такое общение поверх границ земного бытия доступно лишь старческому деланию, не всякий священник должен и может взваливать на себя этот крест. Тут необходимо особое благословение.

Нужно различать назначение старца и духовника. Старец от Духа действует, а духовник в первую очередь должен исполнять букву закона. Он — только свидетель. Когда человек кается, ему должно только помогать, а не выпытывать. Если грех еще не раскаян до конца, а священник начнет расспрашивать о подробностях, особенно касающихся плоти, то он сам может рано или поздно свалиться в яму. Так что во всем надо следовать правилу: «Блюдайте, како опасно ходите». Потому что даже подвижник, даже старец высочайшей духовной жизни не должен для человека занимать место Христа. Так под видом добра может прокрасться великое зло.

Никогда не нужно отчаиваться, не нужно опускать руки. Необходимо надеяться и помнить, что до последнего Суда еще есть время исправиться.

О монашестве

Монах, в переводе с греческого, одинокий человек; инок — человек, ведущий иной, духовный образ жизни, который не измеряется нашими человеческими понятиями, мирской человек и не может этого вместить. Основоположниками монашества являются Господь наш Иисус Христос и Божия Матерь. Богородицу называют Приснодева: Она Дева до брака, Дева во время ношения Сына Божия и после Его Рождества Дева. В иконографии

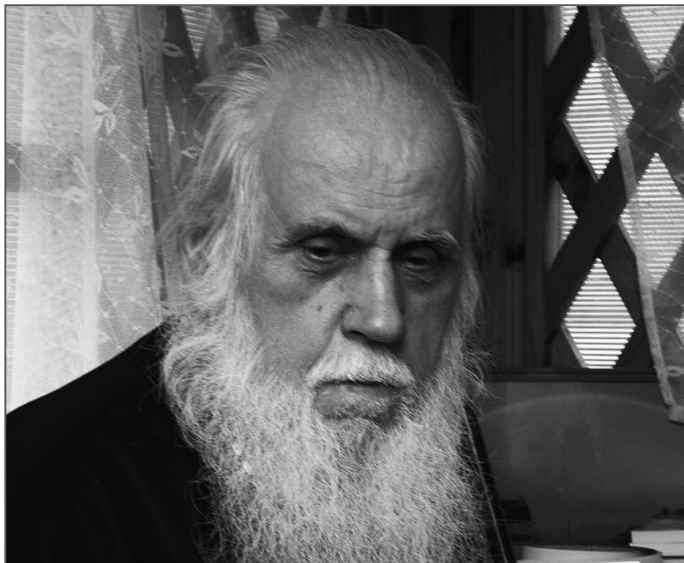
это выражается на Ее иконах тремя звездочками — на плечах Божией Матери и на челе. Она первая дала обет монашества. У Господа в евангельском учении нет специальной заповеди, чтобы быть монахами, но Он дает это как совет. Также и святой апостол Павел говорит: лучше было бы, как я есть. Оженившийся печется о мирском, а неженатый — о Господнем. Како угодно Господу.

В Евангелии передается беседа апостолов со Спасителем, где Господь говорит о скопцах от чрева матери, об оскропленных людьми, «и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами Царства ради Небесного». Царство Божие — это Царство любви, Царство святости. Оно начинается с Таинств Крещения, Миропомазания, Покаяния, Бракосочетания и др. Через эти тайны нам дается сила свыше, и задача наша пользоваться этими Таинствами, чтобы Дух Божий жил в нашем сердце, и умело беречь внутренний мир с Богом и людьми.

Первое монашество — это апостолы, жены-мироносицы, преданные Господу, которые сопровождали Господа, Мария Магдалина и другие. После смерти Господа, Воскресения и Вознесения апостолы, по Его слову, в котором Господь обещал ниспослать на них Духа Святаго: «Я вместо Себя пошлю Духа Святаго, Который будет в вас и будущее возвестит вам», — не уходили из Иерусалима. Они молились в своей горнице десять дней, ожидая, после чего облеклись силой свыше и полу-

чили благодать Святого Духа. После Святой Пятидесятницы они и пошли с проповедью Евангелия по Иерусалиму и всей земле. Апостолам Господь сказал: «Научите вся языки, крестяща во Имя Отца и Сына и Святого Духа. Соблюдайте то, чему Я вас научил. Я с вами во все дни жизни вашей. Вам дано знать тайны Царствия Небесного, а прочим — в притчах». Апостолы являлись носителями тайны Царствия Божия, этой благодати, а другим, обыкновенно спасающимся, достаточно соблюсти заповеди. Всю полноту внутреннего делания благодати, как пользоваться ею, чтобы врачевать свои души — эти тайны дано знать апостолам. Монашествующие являются продолжателями делания тайны Царствия Божия.

Мы знаем из истории Церкви, что от Вознесения Господа с первого века и далее три века до Константина Великого был мученический период. Христиан мучили, избивали, и кровь христианская лилась рекой. Мученик есть свидетель страданий Господа, который своей кровью запечатлел свое вероисповедание. Первые христиане свидетельствовали о Христе, и при истязаниях и пытках совершались чудеса, иначе невозможно было грубого язычника словесно убедить, только такими великими чудесами, страданиями, которые проявлялись в пытках через твердость веры. И римское язычество приходило к вере Христовой. Поэтому историк Тертуллиан писал: «Кровь мучеников была семенем христианства».

Когда Константин Великий издал Миланский эдикт о свободном вероисповедании христианской веры и христианство стало государственной религией, в Церковь пошли люди с разными языческими убеждениями, вследствие этого некоторые умы неординарно воспринимали христианство. Начались недомыслия, несогласия, возникали вероучительные споры, что заставило собрать Вселенские Соборы и разрешить все недоразумения по вере, установив догматы — систематизированные истины вероучения, открытые навсегда всему человечеству, чтобы было единогласие в основах веры. Православное вероучение потому и называется так — «правильно славящее Господа».

Мученический период, который длился три века, перешел в бескровное мученичество хранения чистоты веры, истины монашеством. Монашеский род явился продолжателем тайного делания, и монашествующие продолжили апостольский подвиг. Монашество продолжило кровный подвиг мученичества бескровным подвигом, полностью отдаваясь исполнению воли Божией, чтобы очистить себя от всякой скверны плоти и духа и стяжать в своем сердце Царство Божие. Для сохранения чистоты веры явились такие люди, подвижники, монашествующие, как Антоний Великий, Макарий Великий, Евфимий Великий и другие, которые уходили в пустыню, чтобы найти полное единение с Богом, исполнение воли Божией во всей чистоте первохристианской традиции, когда было у первых христиан первого века едино сердце, едина душа и един дух. Они уходили в пустыню, отдаваясь полностью на служение Богу, руководимые жертвенной любовью ко Господу нашему Иисусу Христу и святым угодникам с Пречистой Божией Матерью, стараясь достигнуть духовных высот и оставив по себе аскетический опыт, которым пользуется Церковь во все времена и доныне для нашего спасения и назидания.

Пустынножители получили в уединении богатый опыт в том, как правильно соединяться с Богом, и опыт личного спасения души. Они ушли на молитву, на подвиги в пустыню и подвизались в посте и молитве, по-

этому сподобились благодати Божией, стали как земные Ангелы в своих подвижнических трудах. Оставили после себя много сочинений, трудов, которыми мы до сих пор пользуемся, чтобы победить или врачевать тот или иной грех, с которым мы боремся и который мешает нам на спасительном пути в достижении Царства Небесного.

Все монашество делится на два класса: пустынножители-анахореты и общежительное монашество. Антоний Великий является начальником восточного пустынножительства, на Западе не развилось пустынножительство в той степени, как, например, на Востоке. Начальником общежительного монашества является преподобный Пахомий Великий. Все монастырское делание определялось не своей волей, а по указанию Божьему и Его Ангелов. И тот и другой вид монашества оправдал себя в жизни Церкви и оставил нам богатое наследство трудов аскетики.

Призвание к монашеству, на монашеский подвиг имеет три причины, признанные Церковью. Первая — горение, жертвенная любовь к Богу, когда человек отдается полностью служению Господу. Вторая — пример подвигов близких подвижников святой жизни, духовных старцев. Третья — через жизненные неудачи, семейные скорби. Монашествующие принимают три подвига, несут три обета: целомудрие, послушание и нестяжание.

Целомудрие — целостное состояние служения Господу, когда «возлюбиши Господа всем сердцем, всей душою, всем разумением своим, всей крепостию своею» — целостно, полностью возлюбить Бога. Обет безбрачия, целомудрия — не только физическое требование, но, что важнее, духовное состояние девства, которое не разрешает разжигания мысленных страстей: если кто воззрит на жену с вожделением, говорит Господь, тот является прелюбодеем в своем сердце. Грех прощается тогда, когда грех возненавидят. Пока есть мысли о грехе, есть и грех, значит, есть большая любовь ко греху, чем ко Христу. Когда нас искушают помыслы, мы часто говорим: бес нас искушает, но надо и самому трезвиться.

Бесы — явление не философское, а настоящее, реальное, и единственный способ борьбы с ними — молитва, пост, смирение, как было с Макарием Великим, которому бес сказал: «Я не имею до тебя доступа, потому что у тебя есть смирение». Когда начинается духовная жизнь в монашестве, надо начинать ее с исповедания помыслов. Как в Оптиной пустыни старцами было заведено не только исповедовать проявляющиеся, заметные помыслы — гнев, страсть блуда и т. п., а исповедовать все, и тогда духовный руководитель, старец определял навязчивые помыслы, которые мешают ясности мысли, мешают молитве. Навязчивые помыслы от-

гонять молитвой, не вступая с ними в спор. Другой помысел придет и доведет до умопомешательства. Собственными силами бесовскую силу не победить — только при помощи благодати Божией. Помыслы необходимо исповедовать, есть и специальные молитовки против хульных помыслов. При этом не отчаиваться, молиться и продолжать поклоны, не останавливаться на помыслах, они как ветер, и ты их не остановишь.

В монастырях только с Божией помощью и духовной силой возможно очищение: ходить в целомудрии, уметь хранить и зрение, через которое приходит много искушений, и чувства. У монаха есть не только молитвенное правило, а сам монах есть правило: правило, сколько отдыхать, сколько есть, сколько молиться, как трезвиться в чувствах и помыслах, но все делать за благословение духовника или игумена. И даже количество молитв только с благословения читать, не принимать на себя никакого молитвенного подвига без духовника. Благословение — нам во всем полезно во спасение, а особенно в монастыре. В миру человек ведет естественный образ жизни, а монах — сверхъестественный, уподобляясь бесплотным силам — Ангелам.

Послушание — преданность исполнению воли Божией. Мы знаем, что первый человек был изгнан из Рая через ослушание, нарушив заповедь Божию. Через послушание Господь нам дал пример, как восстановить утраченную

природу человеческую, Сам Спаситель сказал нам, что пришел исполнить не Свою волю, а волю Отца Небесного — Сам Спаситель был послушен Отцу Своему, даже до «смерти крестныя», показав нам, как правильно нести послушание. Исполнять послушание — значит не творить свою волю, потому что воля своя есть греховная, исполнение воли бесовской. Человек склонен более к греху, нежели к добру, о чем писал апостол Павел в своих посланиях: «Что я хочу делать доброе, то я не делаю, а что не хочу, то делаю... живет во мне человек, противящий закону ума моего». Наличие двух природ в человеке есть следствие греха, который стал привычкой, и чтобы очиститься от него, требуются усилия, но самому человеку этого не одолеть — только с Божией помощью, только с Божией благодатью, которая дается и при Таинстве Крещения, и при Таинствах Пострига, Покаяния, при молитве, когда мы общаемся с Богом.

В послушании необходим подвиг монаха, который оставил мир и хочет созидать Царство Божие внутри себя, что возможно только при послушании, исполнении Заповедей Божиих. Есть дисциплина и есть послушание, для мира это одинаковые понятия. Как говорил Суворов, без дисциплины армия превращается в сброд. Но в духовном значении эти понятия разные: дисциплина основывается на силе, а послушание основывается на любви ко Христу, на вере, и если не будет послу-

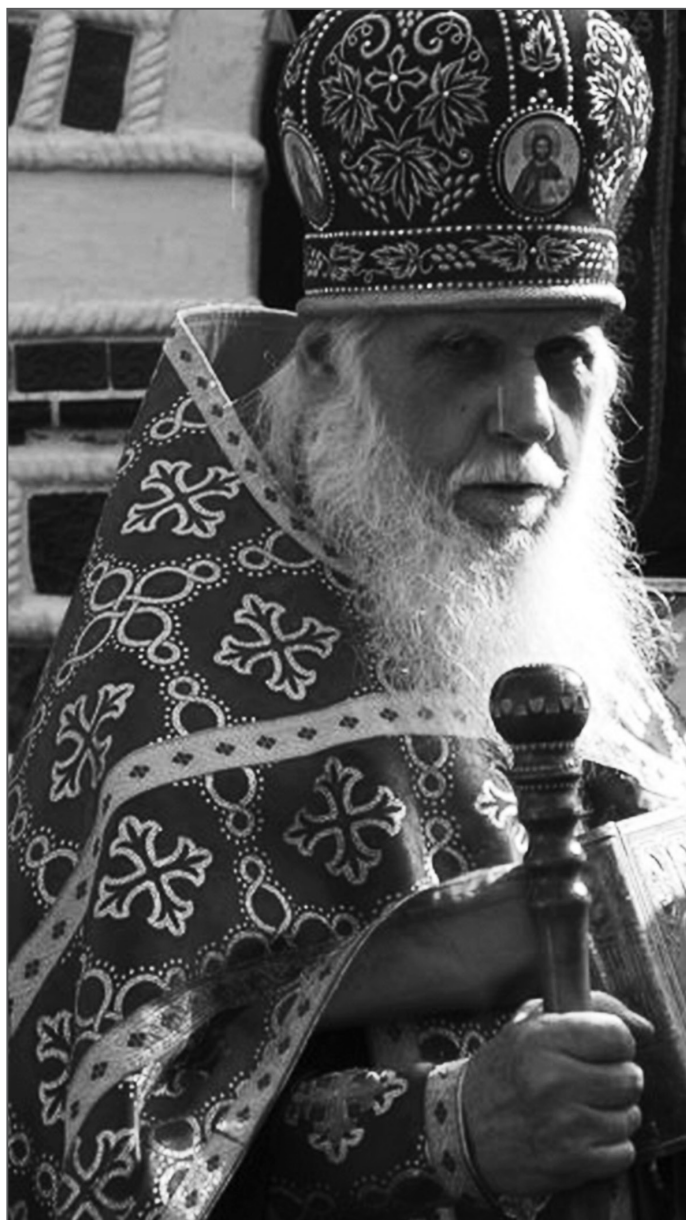
шания, не получим благодати Духа Святаго. В монастыре непослушание — грех, и на исповеди в этом грехе необходимо исповедоваться и исправляться.

Нестяжание — по этому обету монах отказывается от всего. И, находясь в монастыре, все имеет за благословение. В монастыре строятся, что-то созидают, находятся в материальном мире, но только за послушание. И не является стяжанием то, что не себе и не для себя делается. Стяжательный человек не тот, кто много имеет, а тот, кто над рублем трясется. Стяжательный человек не будет иметь чистоту молитвы, стяжательный человек, по слову Божию, является идолослужителем и Царствие Божие не наследует. Монашествующие полностью отказались от мира и отдаются на волю Божию, и даже вращаясь среди этого мира, они к нему не привязываются, они ему непричастны, они стараются быть выше соблазнов мира. Как нам говорит Святое Евангелие, «печитись прежде о Царствии Божием, а остальное приложится вам». Мысль монаха должна быть на первом месте и проникнута угождением Богу, и куда бы ни пошли, должны брать благословение Божие: Господи, благослови! И все, что я делаю, молюсь, выполняю послушание — все я делаю пред лицом Божиим.

И отшельничество, и общежительные монастыри сыграли положительную роль в жизни Церкви, в жизни верующего народа.

Они оставили богатую христианскую культуру, наследие духовного опыта. В общежительных монастырях живущие монахи испытывают искушения обычно от людей. Святые отцы говорят: сначала нужно научиться среди людей жить, а потом только можно научиться жить среди Ангелов. Как преподобный Серафим Саровский — сначала он жил в общежительном монастыре на послушании, самоотречении, духовном руководстве, а потом по благословению ушел на пустынножитие и достиг ангелоподобного духа. Они были как земные Ангелы и оставили нам богатый опыт работы над иссечением греха: «Чистые сердцем Бога узрят».

Те монахи, которые уходят в пустыню, испытывают борьбу непосредственно с бесами лицом к лицу. Пустынножители вступали в борьбу с самой бесовской силой, не какой-то мысленной, а она непосредственно являлась им в разных видах со страхованиями. Макарий Великий прошел большую школу пустынной жизни, и когда ушел в пустыню, поселился в гробнице, как в келье, в ней подвизался, молился в посте, к нему только еду приносил один из братьев. Там и напали на него бесы, избili его, чуть не умер, был мертв. И брат принес его для погребения, а Макарий сказал: «Неси меня туда, где был». Бесы снова стали стращать преподобного, но Господь его утешил и голосом сказал ему, что видел его подвиги.

Макарий спросил: «Господи, где же Ты был, когда меня били?» Господь сказал: «Я видел тебя и был с тобою Духом, и ты получишь большую силу над ними за любовь ко Мне, особую благодать, потому что все претерпел». И в вечерних молитвах, и в молитвах отчитывания злых духов есть молитвы Макария Великого, получившего от Господа силу благодати врачевания в изгнании духов зла. Там, в пустыне, он был с ними лицом к лицу, и однажды бес приступил и сказал ему: «Ты плачешь — и я плачу, ты не спишь — я вообще не сплю, бодрствую, и разница между тобой и мной — у меня гордость, а у тебя, Макарий, смирение». «Смирнитесь под крепкую руку Божию, и диавол отойдет от вас», — говорит Слово Божие.

Смирение, в котором Господь показал Свой образ, палит беса. Послушание есть самоотречение через исполнение заповедей Божиих. Евангельская заповедь говорит: «Блаженны нищие духом, яко их есть Царство Божие». Что это значит? Смирennemудрые, которые понимают, что далеки от того духовного идеала, который нам предлагается. У нас не хватает духа исполнить то, что начертано Господом, поэтому мы нищие духом. Но смирennemудрие — смирение ума, только начало смирения.

Смирennemудрием мы осознаем, но еще надо много потрудиться, чтобы очистить свое сердце. Осознав, увидев свою грехов-

ность, каемся, исповедуемся, молимся и тогда исполняем следующую заповедь: «Блаженны плачущие, ибо тии утешатся». Плачем о грехах мы, видим грех, сокрушаемся в нем, каемся, и тогда рождается следующая заповедь: «Блажены кроции» — кроткие.

Кротость духа — такое состояние, когда человек и при хвале, и при поругании остается в одинаковом спокойном духе: хочешь быть монахом, имей кротость духа. А это достигается через осознание своей духовной нищеты, покаянием, вот и появляется кротость. И тогда начинаем жить истиной, и алчем: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, яко они насытятся». Восхождение по этой лестнице продолжается, человек очищается сердцем, приближается к Богу, и происходит духовное рождение, умиротворяется со своей совестью, с Богом, потом с ближними: «Блаженны миротворцы, яко тии наречены будут сынами Божиими». И далее делается милость, милость бывает духовная и телесная. Телесная милость: «Ялkal Я, и накормили, жаждал Я, и напоили, был странником, и приняли Меня, был болен — посетили Меня», и т. д. Милость телесная — милость мирских людей, а монашеская милость — духовное делание: молиться друг за друга, прощать обиды и обращать людей на путь Истины.

Человек, живя высоким духом евангельских заповедей, не живет как все про-

чие: не вмещается среди мира, и начинаются разные испытания. Господь говорит: «Раб не больше Господина своего, и если Меня гнали, будут и вас гнать, если слово Мое соблюдали, ваше соблюду, но претерпевший до конца спасется... радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небеси». Евангельские заповеди — внутренний мир монаха, который должен идти по этой своей лестнице внутри себя, а все остальное, что окружает его — посты, молитвы, богослужения — это как средство, как орудие, которое должно помогать очищать сердце и стяжать Дух Святой.

Современное монашество не имеет такой высоты духа, как древнее восточное, египетское, палестинское, позже — греческое. По учению свт. Игнатия (Брянчанинова), Господь явил Свою милость и оставил богатый опыт трудов Церкви, духовных сочинений наших святых преподобных. Их сейчас мало осталось — «оскуде преподобные», и будет современное монашество спасаться скорбями и болезнями. От нас требуется искреннее стремление к Богу, без всякой фальши и утайки исповедание своих грехов, а уж само врачевание будет осуществлять Сам Господь, и если кто претерпит до конца скорби и болезни, будет больше тех подвижников, которые подвизались в первые века христианства, — так говорил свт. Игнатий (Брянчанинов).

Ныне пустынножителей нет явно, но есть тайно подвижающиеся, есть на Святой Горе Афон, что только Богу известно, но без них не может существовать мир. Святые есть друзья Божии. Господь сказал святым апостолам: «Вы — друзи мои, все, что Я мог, Я для вас открыл». Святые преподобные были подражателями жизни нашего Господа, достигали святости и являлись друзьями Божиими и исполнителями воли Божией, сохраняя единство своего духа с Ним. И говорят святые отцы: если земля перестанет родить святых, тогда и придет конец этого мира. А пока есть монастыри, есть святые угодники Божии, за счет наших общих молитв Господь посылает Свою особую милость.

Все времена благодатны, все времена спасительны, и Церковь, созданная Христом Спасителем, будет до скончания века. В ней будет совершаться Таинство Евхаристии, будут и достойные служители этого Таинства. Если хочешь работать Господу, «приготовь душу твою во искушение» — этими путями шел Сам Господь и, претерпев эти искушения, вышел на общественное служение народу.

Перед евангельской проповедью диавол искушал Его в пустыне и оставил Его «до времени», до Гефсиманского сада. Так и человек, когда начинает свой путь ко Господу, то приходят те же искушения, но особенно они усиливаются в жизненном итоге. Это

ожидает индивидуально каждого христианина, если он идет истинным путем, а монаха — особенно. Наша религия является религией Креста: у каждого есть свой крест, своя Голгофа, и наша земная жизнь заканчивается не Фавором, а Голгофой, крестом. Есть у Церкви те же страдания, как и у Спасителя. Вся Церковь идет этим же путем крестоношения, потому что наша Церковь есть Тело Христово, и проходит те же этапы земной жизни Христа: Крещение, проповедь, Преображение, Вход в Иерусалим, Голгофа.

Иеродьякон Никон (Муртазов)

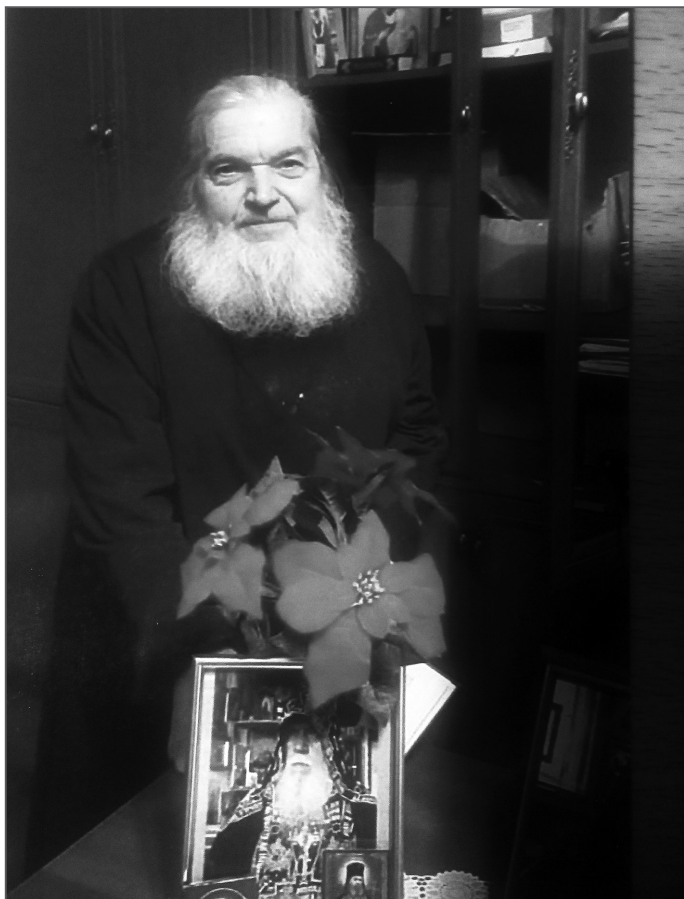
Людмила Ильюнина

9 января 2020 года отошел ко Господу иеродьякон Никон (Муртазов). Звонок с этой вестью из Иоанновского монастыря на Карповке прозвучал как вечный зов Царства небесного. Думаю, что никто, из знавших отца Никона, не сомневался в том, что он был праведником данным нам от Бога. Господь ради любящих его продлил его жизнь до 80 с лишним лет. Хотя сам он рассказывал, что неоднократно получал откровение о недолговечности своей земной жизни. Приведу этот рассказ, чтобы вы почувствовали какая простая и благодарная душа была у дорогого нашего отца Никона. «В детстве болел костным туберкулёзом, лечился в санатории 7 лет. Когда меня выписали домой, мама спросила у главврача санатория: “А сколько мой сын с этой болезнью может прожить?” Василий Иванович Ковалин, так звали доктора, не задумываясь, сказал: “Если не будет жениться, пить и курить, лет 35 проживёт”. А мне тогда было 17 лет. Годы шли, а с ними текла и моя жизнь — в Чистополе, в Печорах, в Эстонии, в Пюхтицком монастыре. Как-то к нам в Пюхтицкий монастырь приехала схимонахиня Онуфрия из Одессы. Это была великая столетняя подвижница, которую почитал даже Святейший Патриарх Алексий Симанский, и когда он отдыхал в Одессе, всегда приглашал её на беседу. Она отличалась от

других благодатным даром, ведением грехов и прозорливостью о длине века человека. Об этой схимонахине рассказал мне мой брат, и я тут же пошёл к ней, чтобы спросить о себе. Схимонахиня Онуфрия жила в келье в подвальчике, и у неё как раз никого не было. Увидев меня, она сама подошла ко мне, ласково и кое-что строго тихо сказала на ухо, чего я не должен делать, как жить и чего избегать. И потом добавила: “Ну, лет 55 проживёшь”. Я обрадовался этому и просил у неё святых молитв за брата, за маму и за себя.

Прошло несколько лет, и с началом перестройки в стране Эстония отделилась от России, и наша семья уехала в Псковские Печоры, в свой домик. Там наша мама сильно заболела онкологией кишечника. Незадолго до смерти отец Гермоген её пособоровал, и она увидела во сне домик без окон и дверей. «Чей это домик?» — «Этот домик твой», — ответил неизвестный голос, и она всё поняла. «А как же Борис-то? Он ведь больной и всю жизнь жил со мной». — «А Борис умрёт через год», — ответил неизвестный голос. Проснувшись, она сказала: «Я умру, а через год и ты собирайся, — так мне сказано».

Я молчал и, потупив взор, слушал себе приговор. У меня была язва желудка, было три кровотечения, и трижды меня на «скорой помощи» увозили в больницу, когда я жил в Пюхтице. Поэтому от этой болезни можно было ожидать чего угодно, и врач го-

ворил мне, что операции мне не миновать. Что я мог сказать матери? Мама умерла, и я стал духовно готовиться к своему исходу. Летом рокового года к нам приехал с родины председатель колхоза Холин и просил меня написать иконостас для молитвенного дома, который он построил старым сельским жителям. Я с радостью принял заказ, узнал размер

солеи, сделал эскиз Царских врат, северных и южных врат, нашёл оргалит, нашёл доски и написал несколько икон. Обновил несколько старых икон, привезённых Холиным, и зимой иконостас был уже на месте. Батюшка и прихожане меня благодарили. Я был рад, что послужил родному селу. В это время мне исполнилось 55 лет. Мама мне явилась во сне радостная и сказала: «За тебя молился Филипп Дмитрич», — и ушла. Это был церковный псаломщик старой нагорной церкви в нашем селе, закрытой и разрушенной в 30-х годах. Он был активный защитник и проповедник православной веры в нашем селе, за что был репрессирован и расстрелян в 1927 году в Чистополе, об этом писали недавно в районной газете. Молитвами мученика Филиппа Господь исцелил мою язву, и я после вещего сна перестал чувствовать боли в желудке, всё мог есть, и вот уже более 20 лет Господь даёт мне жить на земле».

Отец Никон жил в атмосфере чуда, потому что был внимателен к жизни, к людям. Любил выслушивать рассказы людей, которых встречал в разных местах своего обитания: в Чистополе (где прошла его юность), Печорах (где они с семьёй купили домик), в Пюхтицах (где он вместе с братом прожил 27 лет), на Святой земле (в Горнем монастыре, где он реставрировал иконы), на Карповке в Иоанновском монастыре (где прошли последние 20 лет его жизни — здесь он писал иконы и рассказы).

Эти простые, наполненные любовью к людям рассказы не раз издавались, вышло 6 книг: «Журавлиная гора», «Сила креста. Быль земная», «Ворон», «Пюхтицкие были», «Дайте уничтожим ад!», «Серафимов день». Отца Никона можно назвать летописцем своего времени – его цепкая память, а главное любящее сердце хранили образы давно отошедших людей и добрые их поступки. При одной из последних встреч с батюшкой мы записали на диктофон 2 рассказа, которые он не успел перенести на бумагу, потому хотим поделиться ими с читателями, чтобы они помянули отца Никона. Устные рассказы такие же бесхитростно простые и сердечные, как и его печатные рассказы.

Наш зять Федор Иванович

Муж моей сестры Анастасии был очень хороший человек, тихо жил, молился. И были у него пророческие сны. Жизнь у него была целостная, строгая, трудолюбивая. Отец ему маленькому еще наказывал: «Федька, нечего тебе болтаться по улице, учись этому, учись тому» и так далее. Он учился, все умел потом. Тетка у него была монашенка, учила молиться. Федор работал на шахте в Донбассе, потом заболел и приехал к нам в Печоры, в 1999 году. Я тогда был в Иерусалиме. А когда я вернулся (уже после его смерти), мне рассказали такую историю. Уже в предсмертном

состоянии он вдруг закричал: «Ой, ой, ой, Украина, ой, ой, ой, Донбасс. Все горит, людей убивают, стрельба идет. За доллары продали Украину» и плачет. Было это почти за 15 лет до страшных событий.

А незадолго до смерти Федор рассказал такой свой сон: видит он комнату, а в ней много аналоев, на них лежат книги, перед ними горят лампы. И ему показали, что один день проходит и лист в книге переворачивается. Тогда он спросил, где его книга, ему показали. В ней было еще много неперевернутых страниц и в лампе было много масла. Тогда он попросил: «А можно мне увидеть где книга и лампа моей жены Насти?» Ему показали, и он увидел, что в ее лампе мало масла (она вообще-то болезненная была). И он спрашивает: А можно из моей лампы к ней перелить?» — «Можно». Так и было сделано. И вскоре он заболел и умер. А Анастасия еще семь или восемь лет прожила и приняла монашеский постриг и молилась о своем Федоре Ивановиче. Вот такой у нас хороший зять был.

Принявшая смерть вместо сестры своей

Рядом со мной на горке в доме князей Шаховских в Пюхтицах жила матушка Магдалина. У нее была родная сестра Анна, которая купила домик недалеко от монастыря, где жила с мужем и тремя детьми. И вот уже в

немолодом возрасте родила Анна еще одну девочку. Я стал крестным этой девочки. Неожиданно у Анны обнаружили онкологическое заболевание. Стали ее лечить облучением, была уже 3 стадия заболевания, мало было надежды.

У нас на горке в углу стояла большая икона Божией Матери, в рост – «Всех скорбящих радость». Мать Магдалина упала перед этой иконой и молилась: «Смилуйся, если она умрет, то муж найдет другую. Каково детям будет, а маленькой хуже всего. Старших еще можно в монастырь взять, а ее-то ведь не возьмут. Матерь Божия, накажи лучше меня этой болезнью, а ее исцели!»

По ее молитве все и случилось. Сестра вдруг пошла на поправку. Ей все лучше и лучше становилось, анализы в конце концов хорошие сделались, и ее выписали домой к детям. Матушка Магдалина себя за нее отдала. Вскоре она поехала навестить могилку старицы, за которой ухаживала три года, живя в миру, и там упала, зашибла грудь. Вернулась в монастырь, продолжала нести послушание в алтаре, но вдруг стала чувствовать, что силы у нее убывают, а была она не старая еще и очень жизнерадостная. А тут как другой человек, похудела очень. Оказалось, что у нее онкологическая опухоль после того падения образовалась. Матушка игуменья Варвара благословила на операцию. Была сделана сложная операция, опухоль удалили, но матушка Маг-

далина прожила после этого только один месяц. И столько слез она за это время пролила.

А девочка-племянница выросла и ушла в монастырь и сестра, ради которой умерла матушка Магдалина, тоже пришла на послушание в монастырь.

Вот такие бывают судьбы».

Этот краткий рассказ хочу завершить воспоминанием о том, как много лет назад мне-совсем молодой девушке, приехавшей на послушание в Пюхтицкий монастырь, отец Никон (тогда дьякон Борис) открыл важное правило жизни. Он сказал: «Ты знаешь, чем отличается православие от других вер? Мы верим, что Бог назначает наказания народам и отдельным людям, что Он дает пророчества и откровения об этом святым. Но мы верим и в то, что молитва может изменить предопределение Божие. Потому важно всегда молиться о том, чтобы Бог нас простил и помиловал».

Хотя мы и верим, что отец Никон был праведником и прежде всего он будет молиться о нас, воздадим любовь — помолимся о его упокоении.

Священник
ВАСИЛИЙ БОРИН

Протоиерей Василий БОРИН († 1994) служил настоятелем церкви святого пророка Илии в эстонском поселке Васькнарва, расположенном в 25 км от Пюхтицкого монастыря на берегу Чудского озера. Батюшка был известен тем, что в богоборческие советские времена отчитывал страждущих от нечистых духов.

Священник Василий Борин* родился в 1917 году в деревне Городище Печорского края в бедной крестьянской семье. У его родителей Антона Савельевича Борина и Евдокии Николаевны Морозовой было семеро детей. При родах седьмого ребенка мать скончалась. Отец женился вторично на благочестивой женщине Гликерии Васильевне. Она была великая труженица, не только управлялась с хозяйством, но и помогала воспитывать детей, следила, чтобы дети не пропускали воскресных служб в храме.

Так как семья еле сводила концы с концами, девочки прислуживали в богатых семьях, а Василий был пастухом. Когда ему исполнилось 14 лет, умер его отец. С этого дня Василий стал хозяином в доме. Надев отцовскую рубаху, он всем дал понять, что вся ответственность за семью теперь лежит на нем.

В 1936 году Василий женился на Любви Васильевне Хломовой. Ее отец принадлежал к богатому купеческому роду, он занимался рыбной ловлей, коптил рыбу для продажи.

* Автор-составитель: иеромонах Андрей (Иванов)
— Возрождение святыни земли Эстонской.

af0n.ru/node/638

Молодые жили в семье Бориных. Их первый ребенок умер в младенчестве, позже родились три дочери. Молодой семье помогал брат Любви Васильевны, давал свою сеялку, молотилку, веялку. Но во время коллективизации все было изъято.

Батюшка вспоминал с грустью об этом времени: пришлось сидеть в тюрьме, несколько раз угрожали расстрелом. Во время войны был в плену. Покаянная молитва не сходила с уст, а когда немцы вели на расстрел, взмолился: «В руце Твои, Господи, приими дух мой...» И его отпустили...

После войны семья Бориных жила у родственников Любви Васильевны в деревне Реола, затем перебрались в Тарту, там получили небольшой участок. Василий долго не мог устроиться на работу, так как искал место, где можно было бы вместо отпуска не работать в дни церковных праздников. Но на таких условиях его не брали на работу. Наконец устроился на расчистку леса от веток. Но так случилось, что ему не прислали трактор и он не успел выполнить всю работу, поэтому работал в Страстную Пятницу — сжигал ветки. От костра огонь перекинулся на лес. Он бросился тушить пожар, при этом кричал: «Господи, буду служить Тебе, только потуши пожар». Прибежали люди на помощь, пожар был потушен.

Следует отметить, что Василия не раз приглашали учиться в семинарию, но он сомневался, сможет ли быть священником.

Помня свое обещание, Василий скоро уехал в Петербургскую семинарию, где проучился два года.

Профессор-богослов Игорь Цезаревич Миронович вспоминает: «Любовь народную завоевали не мы, ученые, а он... Я в семинарии с ним учился... Люди за ним толпами ходили. Мы удивлялись, что он им говорит. Всегда в старом подряснике, а новый, как выдадут — тут же продаст, семье помогал».

Из-за крайне тяжелого материального положения его семьи в 1952 году ему дали приход в деревне Финева Гора в Псковской области, в 1955 перевели в деревню Верхний Мост. Вскоре появилась возможность закончить учебу в семинарии, и батюшка вернулся в Петербург.

После окончания семинарии отца Василия перевели в Эстонскую епархию.

Отец Василий незадолго до своего переезда с Псковщины в Эстонию видел сон — кто-то пришел к нему и сказал: «Начинай восстанавливать разбитую церковь в Сыренце!» Приехав в Таллиннское епархиальное управление представиться митрополиту Алексию*, отец Василий робко сказал: «Вла-

* * Епископ Таллиннский и Эстонский Алексей (Ридигер) 29 июня 1986 года был назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским с поручением управлять Таллиннской епархией. 7 июня 1990 года на Поместном Соборе Русской Православной Церкви митрополит Алексей был

дыко, не посчитайте это за неуместную шутку. Видел я сон, якобы посылают меня восстанавливать церковь в каком-то Сыренце. А где это? И что это такое?» Улыбнувшись, митрополит Алексей ответил: «Так Сыронец в моей епархии. Это село называется теперь Васкнарва. Вот и хорошо, очень хорошо, я вас и направлю туда».

Недалеко от Пюхтицкой обители в месте, где из Чудского озера берет начало река Нарва, по промыслу Божию отцу Василию Борину надлежало восстанавливать Ильинский храм в деревне Васкнарва. Ему, как и пюхтицким блаженным, были чужды гордость и тщеславие, по своему глубокому смирению он не полагался только на свои силы (в противном случае он мог впасть в уныние, глядя на руины церкви, которую ему предстояло восстановить). Зная, что велика сила молитв пюхтицких блаженных стариц*, он часто посещал места их упокоения, чтобы испросить их молитвенного предстательства перед Господом.

Для восстановления каменной церкви нужны были кирпич, цемент, доски, способные трудиться люди. Пюхтицкая обитель помогала всем, чем могла.

избран на московский патриарший престол. Интронизация состоялась 10 июня 1990 года.

* Блаженная старица Елена (1866–1947) и блаженная старица Екатерина (1889–1968) похоронены на монастырском кладбище недалеко от Никольской церкви.

Васкнарва. Храм св. Илии Пророка

Одна из духовных дочерей подвижника была свидетельницей того, как по молитвам блаженной Елены отцу Василию выдали цемент, хотя первоначально работники склада заявили, что цемента нет, из-за этого стоит строительство школы и больницы. Отец Василий спокойно ответил, что этого не может быть: «Я перед отъездом сюда заезжал в Пюхтицкий монастырь, молился блаженной Елене, а она мне всегда помогает. Цемент для меня должен быть!» — и сел на стул. Чуть позже подошел еще один сотрудник склада и, узнав о случившемся, спросил протоиерея Василия: «Может, это для тебя в тупике стоит вагон с цементом, в котором не хватает двух тонн? Давно идет тяжба по этому поводу».

Отец Василий радостно воскликнул, что блаженная Елена его никогда не подводила, и он берет цемент и готов оплатить недостаток. Когда цемент привезли в храм, то оказалось, что там не было недостатка, а наоборот — избыток.

Поначалу было очень трудно отцу Василию. Рядом с развалинами каменного храма стояла маленькая деревянная церковь, там отец Василий служил. Господь наделил его даром исцелять болезни душевные и телесные — он отчитывал людей, имел на это благословение ныне прославленного преподобного отца Симеона Печерского (следует отметить, что отец Василий был духовным сыном архимандрита Иоанна (Крестьянкина, 1910–2006)).

К отцу Василию в Васкнарву приезжало много людей, надо было их где-то размещать, поэтому он возвел несколько построек.

Из рассказа игуменьи Варвары (Трофимовой): «Часто отец Василий через нас — мимо Пюхтицы — проезжал. Зайдет, бывало, на монастырское кладбище — и прямехонько на могилки к матушке Елене да к матушке Екатерине, блаженным нашим, и просит: “Старицы Божии, помогите мне. Я сейчас к матушке игумении пойду, у нее поклончу немножко...”

Вот по-простому поговорит на могилочках, помолится... И мне все расскажет: “Матушка, уж так просил, так просил стариц Божиих...”

Я говорю: “Ну, батюшка, вас Господь не оставит”.

— Вот, матушка, еду, там кирпич обещали, там немного дощечек... А ты мне что-нибудь дашь?

— Дам, батюшка, обязательно...

Вот так отец Василий и начинал. А как пошло дело! Он все расчистил, заново заложил фундаменты трех алтарей... Я много раз приезжала к нему и радовалась.

Днем работает, а вечером всюнощную служит, со своими богомольцами молится. Никого у него в помощниках не было. Ни второго священника, ни дьякона. И причащал, и отчитывал, и молебны служил, и соборовал — и все один. Народ к нему пошел. Приезжали из Петербурга, из Москвы — отовсюду, везли вещи, иконы, материалы, появились портнихи, маляры, штукатуры, повара... Кто шьет облачения, кто стряпает, кто штукатурит, красит, кто дрова пилит. Нашлись и художники, которых он сразу поставил орнаменты расписывать, а в дальнейшем приступили и к настенной росписи в Никольском приделе.

Отец Василий хотел, чтобы все “как по-старому было”. Нашел старинные фотографии, у нас в монастыре тоже кое-что нашлось... “У меня будет церковь только трех престольная!” — говорил он».

Главный престол — в честь пророка Божия Илии, левый — во имя святителя Николая и правый — во имя Иоанна Крестителя.

15 октября 1978 года митрополит Алексей совершил освящение Никольского придела восстановленного из руин Ильинского храма в Васкнарве. Отец Василий прослужил в этом храме до самой кончины, наступившей 27 декабря 1994 года.

Из воспоминаний игуменьи Варвары (Трофимовой): «Я очень любила отца Василия, просто преклонялась перед его мужеством и любовью. Это был истинный пастырь, духовный подвижник. Он горел весь. Привлекала в нем честность, прямота, подлинная открытость ближним. Если попросишь его о чем-нибудь — он, кажется, всю душу тебе готов отдать. И все от Бога полученные таланты вкладывал в Божие дело, в церковь».

Из воспоминаний духовной дочери отца Василия: «Отец Василий был очень терпелив, много молился и скорбел о своих чадах. Он старался вызвать в людях страх Божий... Батюшка говорил человеку: “Да ты болен! Так как же ты исцелишься, если ты в грехе и продолжаешь грешить?” И человек страшился, что на всю жизнь останется калекой, и старался творить молитву.

Батюшка учил нас любви к отошедшим душам и молитве о них. Однажды на праздник ему подали так много записок об упокоении, что у него не хватило сил и времени их про-

*Васкнарва, Ильинский скит Пюхтицкого
монастыря. Фото: Н. и Е. Андрущенко / sobory.ru*

честь. Он упал на колени и зарыдал, прикрыв записки руками: “Господи, — взмолился он, — Ты видишь, что у меня нет сил прочесть их все, прочитай Сам!” Когда батюшка поднял руки, то понял, что все записки прочтены. Тогда он возблагодарил Господа... У него был дар слез, он умел молиться и плакать вместе со скорбящей и болящей душой».

Многие люди исцелялись по молитвам подвижника, но некоторые оставались в том же состоянии. Отец Василий говорил: «Я — только раб Божий, а исцеление от Бога. Ничто не происходит с верующим человеком без воли Божией. Если Господь благословляет очищение, то и бесы отступают».

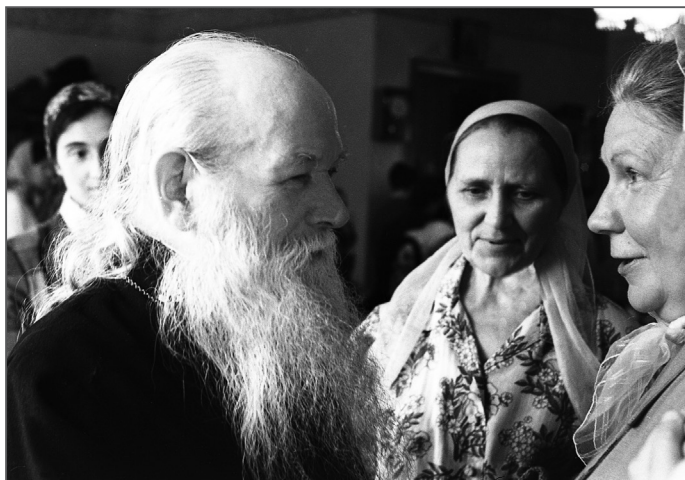

Фото Л. Ивановой

Из воспоминаний духовной дочери отца Василия: «Однажды к батюшке приехала женщина с привлекательной дочерью, но не совсем здоровой... Она долго трудились. Мать привезла большую сумму денег на восстановление храма. Без устали таскала кирпичи, выполняла любую работу... Приблизилось время отъезда, и сердце ее сжимается от отчаяния: “С чем приехали, с тем и уезжаем”, — говорила она отцу Василию... Отец Василий очень расстроился после разговора с ней... Ночью не мог заснуть... встал на колени, поднял руки с мольбой и слезами, настойчиво стал просить Господа помочь бедной женщине.

Утром после службы и отчитки произошло чудо. Девочке стало лучше. Мать, бесконечно счастливая, уезжала с дочкой домой, благодаря Бога и отца Василия.

Прошло немного времени, и отец Василий получил от нее письмо, залитое слезами: “...Батюшка, помолитесь за дочку... Ушла из дома, связалась с наркоманами...”

...Батюшка закрылся в келье, горько плакал и просил прощение у Господа за ту дерзкую ночную молитву о ней.

На проповеди он часто рассказывал эту историю и говорил, что нельзя идти против воли Божией. Если не дается что-то по желанию твоему, значит, так лучше для тебя. Смирись, подчинись воле Божией. “Если бы тогда я и мать поняли это, то дочь, хотя и больная, не погибла бы в грехах”.

...Батюшка говорил, что Господь только тогда может быть с человеком, когда человек смирился перед всеми обстоятельствами, которые ему ставит Сам Бог...

Отец Василий говорил нам: “Если вы сейчас перестанете болеть, будете совсем здоровы, то пусти вас в мир — погибните!”

...Он лишь облегчал страдания, о полном исцелении не просил Бога, чтобы человек всегда жил в покаянии и всегда желал обращаться к Богу...

В одной из проповедей он рассказывал о своей прихожанке, которая работала в колхозе. Когда бригада отдыхала, она уходила в сторонку и читала Евангелие. И вот пришло ей время умирать. Батюшке сообщили, но когда он пришел, было уже поздно...

“Вы приняли все меры?” — спросил он у врача. “Да”, — ответила та.

Тогда отец Василий сказал: “Эта раба Божия не оставляла Евангелие, Бог не оставит ее без причастия”. И, обращаясь к лежащей, произнес: “Кайся, раба Божия!” И стал перечислять грехи. В этот момент все увидели, как две слезинки выкатились из ее закрытых глаз. А батюшка спросил: “Причащаться будешь?”

Она открыла рот, и батюшка ее причастил.

“Да, — сказала врач, — Бог есть!” — и с этого времени уверовала в Господа».

Из воспоминаний В. Л.: «...Отец Василий советовал утром, вставая с постели, перекрестить ноги со словами: “Господи, благослови стопы мои идти по путям заповедей Твоих!”

Батюшка старался как можно дольше продержаться нас в храме, объясняя, что каждую минуту, проведенную здесь, Ангел записывает...»

Из воспоминаний пюхтицкой монахини: «Я впервые услышала это имя — отец Василий Борин — в игуменской, когда просилась у матушки в монастырь. Матушка сказала, что в монастырь меня не возьмет, а вот отцу Василию... порекомендует...

Идем мы по шоссейной дороге, что ведет к скотному двору, а навстречу батюшка, вернее мы слышали его крик: “У меня одна овечка потерялась!” Во мне все зашумело: “Это за

мной!” ...Батюшка, который видит нас впервые, направляется прямо ко мне... Мне запомнился этот разговор:

— Я книгу написал, “о смирении”, называется. Первый том я сам написал, а над вторым поработаем вместе.

Первый том, думаю я, — это он сам, а второй — это все мы, на кого он расходовал огонь своего сердца...

Идут дни за днями, а о принятии в монастырь матушка молчит. Но вот однажды в храме... батюшка походит ко мне и говорит:

— Деточка! Жди благую весть!

И действительно, в день Благовещения игуменья Варвара подозвала меня к себе и сказала:

— Беру в монастырь!

...Он помогал людям встать на правильный путь. Решались ли семейные дела, возникали ли квартирные вопросы — батюшка обязательно молился в храме, во время молебна, на литургии за тех, кто к нему обращался. Молился и в келье. И только потом давал ответ...

Надо сказать, что времена тогда для православных людей были суровые. Мы не могли подолгу оставаться у отца Василия: милиция наведывалась и ночью, и вечером. Приходилось прятаться. А кому не удалось — тех увозили, хотя по молитвам отца Василия, они возвращались...

Однажды власти собирались закрыть храм, но батюшка усердно молился, и наутро

выпал такой сильный снег, что они не смогли проехать на машине. Даже хлеб тогда сбрасывали с вертолетов. Батюшка ликовал...»

Приведем еще несколько свидетельств о чудесах явленных Господом по молитвам подвижника:

«...Батюшка привез нас к себе, а сам заболел, слег с температурой 39 градусов. Сильный изнуряющий кашель, да еще флюс... Он лег прямо на полу в своей деревянной церкви...

К вечеру собралось множество народу — это был день, назначенный батюшкой для отчитки. Один раз в неделю приезжали больные, перед болезнями которых врачи оказались бессильны... Люди собрались, ждут, а батюшка лежит на полу совсем больной, кашляет, стонет от боли... Народ начал роптать...

Отец Василий встал, преодолевая боль, и пошел в алтарь. Были слышны его стоны и плач.

Вдруг все изменилось: распахнулись Царские врата, отец Василий стоял совершенно здоровый, бодрый с радостным лицом.

— Вот, дороги мои. Вы сами видели, какой я только что был. Но Господь восстановил меня после молитвы. “Господи, — сказал я, повергшись перед ним на пол. Господи, не ради меня, грешного. Но ради народа, который ко мне пришел, пощади меня, исцели!”

...Да, это было чудо. Отец Василий был совершенно здоров. Кашель не возобновился...

Отец Василий рассказывал, как однажды все лето молился пророку Илии, чтобы тот не давал дождя на землю, потому что крыша храма была не покрыта. Так вот, сильный дождь полил только по окончании строительных работ.

А сколько слезных молитв вознес батюшка к Богу, прося средств и помощи для ведения строительных работ! Об этом одному Богу известно.

Помню, пришли к батюшке двое рабочих просить рассчитаться с ними за какое-то дело. А денег у него нет...

Вот отец Василий и говорит рабочим:

— Погодите до вечера, я жду с почты перевод.

...Хотя ни о каком переводе он не знал, а поэтому волновался, конечно. Но молился и верил.

И правда, вскоре пришел денежный перевод. Сам отец Василий этому удивлялся.

Но не только даром молитвы обладал батюшка. Был у него великий дар предстояния пред Богом. На каждое дело он испрашивал благословение у Господа, у Царицы Небесной, у святых. Если предстояло решать какой-либо вопрос, то без молитвы он ничего не предпринимал, а обращался немедленно с пламенным и часто слезным молением к Богу и получал ответ, да-да, именно ответ внутри своего сердца. Поэтому отец Василий всегда имел ясность и твердость убеждения, как поступать».

Приведем воспоминание о последних днях подвижника из книги «Отец Василий Борин»: «Когда он заболел, то сказал, что умрет и родные, приехав, уже не застанут его в живых. Так и случилось...

Батюшка был уже болен и не служил. И вот как-то летом долго не было дождя. В храме отслужили молебен, но на небе — ни облачка. Тогда отец Василий, совсем больной, еле двигаясь, пошел в храм, помолился у престола, и вскоре крупные капли дождя напитали землю влагой.

Последний раз батюшка служил в 1992 году в Прощеное воскресенье. Отец Василий у всех попросил прощения. У него едва хватало сил стоять, в алтаре он не смог сам снять облачение, алтарник ему помог... В ночь на субботу, 24 декабря 1994 года, батюшке стало плохо. Позвонили благочинному... Позвонили матушке игумении... попросили помолиться, чтобы батюшка дожил до причастия.

Когда приехал благочинный, отец Василий пришел в сознание. Его соборовали, причастили, он всех узнал, назвал по имени, потом силы оставили его, и больше он в сознание не приходил. В воскресенье приехали священники, прочитали отходную...

27 декабря 1994 года в 2 часа ночи тихо, в молчании, как бы весь находясь в послушании воле Божией, батюшка скончался.

Вечная память тебе и низкий поклон, батюшка Василий!»

К жизнеописанию отца Василия Борина, составленному по воспоминаниям многих простых паломников*, в эту книгу мы решили добавить художественные повествования известных православных писателей Александра Богатырева и Нины Павловой, в которых обобщенно и одновременно живо отображена лично пережитая картина жизни в Васкнарве при отце Василии. Сам батюшка на страницах этих рассказов предстает перед нами как живой, мы слышим его бытовую речь и проповеди, видим его неповторимый светлый облик.

НИНА ПАВЛОВА

Стакан киселя

Ещё в Москве я наслушалась таких историй о прозорливости митрофорного протоиерея Василия Борина из Васкнарвы, что, приехав в Пюхтицы и обнаружив, что Васкнарва находится рядом, загорелась желанием съездить туда.

— Батюшка, — говорю архимандриту Гермогену (Муртазову), — благословите съездить в Васкнарву.

* Книга была издана в 1997 году приходом протоиерея Артемия Владимирова и называлась просто «Отец Василий Борин».

— Но вы же только что приехали в Пюхтицы, и вам полезней пожить в монастыре, — возразил он.

— Батюшка, но ведь так хочется! Очень прошу вас благословить.

И отец Гермоген нехотя благословил меня в дорогу.

Позже, когда приходилось сталкиваться с людьми, творящими непотребства исключительно «по благословению», я воспринимала их уже как своих родименьких, вспоминая, что в былые времена тоже любила спрашивать на всё благословения, строго следуя принципу: да будет воля моя. «Никого она пока не послушает, — говорил обо мне в ту пору мой духовный отец. — Ничего, набьёт шишек и научится послушанию». И поездка в Васкнарву началась с шишек.

— Ты зачем сюда приехала? — спросил не приветливо отец Василий.

— С вами поговорить.

— А о чём с тобой, маловерной, разговаривать? Вот если б в тебе истинная вера была!

Я обиделась: неужто я из безбожников? Душа пламенела такой любовью ко Христу, что не в силах дожидаться рассвета, я приходила ещё ночью к затворённым дверям храма и плакала здесь от счастья: Бог есть! Он нас любит! И как чувствуется в ночи дыхание моря, ещё скрытого от глаз, так я чувствовала Божию любовь.

Обида усугубилась тем, что отец Василий довольно жёстко обличил мою попутчицу,

приехавшую в Васкнарву из Москвы со своим горем. Москвичка даже расплакалась, а я бросилась её защищать: «Батюшка, она хорошая!» — «Да, я хорошая», — подтвердила москвичка, всхлипнув совсем по-детски. А батюшка вдруг заулыбался и отправил нас, таких хороших, на послушание в трапезную.

И потянулся долгий томительный день на поварском послушании. Питание в Васкнарве, на мой взгляд, было скудным. В самом деле, разгар лета, на рынках изобилие плодов земных, а тут питались в основном перловкой, с трудом раздобыв пару луковок на суп. И когда кто-то пожертвовал в трапезную немного чёрной смородины, наша худенькая до бестелесности повар Тамара сказала благоговейно: «витамины», решив приготовить из ягод главное пиршество дня — смородиновый витаминный кисель. В Васкнарве на восстановлении храма тогда работало где-то полсотни паломников. Ягод же было мало, и Тамара взмолилась перед иконой Царицы Небесной: «Матушка, управь Сама, чтобы хватило каждому по стакану киселя».

По здешнему обычаю в трапезной работали молча. Час прошёл, другой, а никто не произнёс ни слова. Как же я полюбила потом эту молитвенную тишину на общих послушаниях, когда лишь улыбнёшься в ответ на улыбку сестры, и славословит Бога душа. Но тогда молчание угнетало, как бойкот, и почему-то казалось — мы чужие друг другу равнодушные люди. И зачем

Фото Л. Ивановой

я приехала сюда?! Первой не выдержала гнетущего молчания моя москвичка:

— Бог есть любовь, — изрекла она громко, — а здесь доброго слова не услышишь. У меня такое горе, такое горе — мой сын, офтальмолог, женился на парикмахерше! Книг не читает — чаевые считает. А ваш батюшка Василий говорит, что я настоящего горя не видела, что я эгоистка и что... Всё — уеду отсюда немедленно!

И мама офтальмолога выскочила из трапезной, громыхнув по нервности дверь. Вскоре и меня отпустили с послушания. «Ты ведь устала с дороги, да?» — сказала Тамара. И поставив передо мною обед, налила полстакана киселя: «Прости, что полстакана. Боюсь, не хватит на всех. А людям так витамины нужны».

Честно говоря, нехватка витаминов меня как-то не волновала. Мы уже сговорились с моей москвичкой, что уедем отсюда первым же утренним рейсом. И закупив на базаре у автостанции уйму деликатесов, попросту говоря, объелись и уснули блаженным сном праведниц, утомлённых кревоугодием.

Разбудил меня тихий стук в дверь. Я взглянула на будильник — час ночи. На пороге кельи, вся залитая лунным светом, стояла тоненькая Тамара и протягивала мне полстакана киселя:

— Прости, прости меня, маловерную. Я тебе полстакана не долила.

— Тамара, я сыта.

— Пей кисель — витамины, а я пойду в трапезную котлы домывать.

— Ты что, до сих пор работать не кончила?

— Ничего, я привычная. Немного осталось.

— Слушай, мне стыдно. Давай помогу?

— Спи. Ты новенькая. Новеньким трудно. А потом Матушка даст тебе силы, и будешь новеньким помогать.

Стакан смородинового киселя сиренево светился в лунном свете, а Тамара просияла, глядя на него:

— Какая у нас Матушка, Пресвятая Богородица! Все молитвы наши слышит, и дала каждому по стакану киселя. Знаешь, потом ведь целый автобус паломников приехал. Я наливаю всем по стакану, и не кончается кисель. Сейчас стала мыть кастрюлю — гляжу, а твои пол стакана остались. Тебе ведь

тоже Матушка наша Богородица дала полный стакан киселя.

Много лет прошло с тех пор, а до сих пор понимаю, что в меру веры Тамары мне пока не возрасти. И сквозь годы вспоминается то малое чудо, когда Матушка наша Богородица дала мне полный стакан киселя.

В общем, куда мы с моей москвичкой из Васкнарвы не уехали и прожили тут ещё четырнадцать дней. Обличали здесь жёстко — это верно. Но душа уже чувствовала — идёт исцеление, и хотела избавиться от гноя страстей.

Лидия

После трапезной мы с моей москвичкой выпросились на новое послушание.

— Батюшка, — сказала москвичка, — раз уж мы приехали из экологически грязной Москвы на природу, дайте хоть свежим воздухом подышать.

И дали нам вволю надышаться свежим воздухом, послав на стройку мешать бетон. Никаких бетономешалок храм по бедности не имел, и мы мешали бетон вручную в большой бадье под руководством молчаливой паломницы Лидии. Молчалива же Лидия была настолько, что словечка из неё не вытянешь, но моя москвичка наседала на неё:

— Лидия, какая у вас специальность?

— Нехорошая.

— Вы кто — парикмахерша?

— Хуже.

Что может быть хуже парикмахерши, мама офтальмолога не представляла, а потому продолжала наседать:

— Хуже? Да бывает ли хуже? Лидия, объяснитесь же, наконец!

— Продавщицей я была в сельмаге и людей обжуливала, ясно? — не выдержала Лидия и схватилась за лопату, мощными движениями мешая бетон.

Без работы Лидия не могла. Она тут же сникала, тоскливо глядя в одну точку. И если мы с москвичкой, бывало, по часу нежились на солнышке, дожидаясь, пока каменщики выберут раствор из бадьи, то Лидия тут же отправлялась на стройку искать себе работу. Делала она это своеобразно — молча перехватывала лом у паломника и выворачивала валуны из древнего разрушенного основания стены. Однажды работавшему рядом с ней паломнику попался неподъёмный валун, и он хотел было позвать на помощь кого-то, как к валуну устремилась Лидия:

— Не тронь. Моё.

И мощно вывернула валун из земли, а затем с натугой отнесла его в сторону. Она, казалось, искала такую неподъёмную ношу, которая бы задавила её тоску. Запомнился случай — паломники силились донести до стройки тяжёлое бревно и всё роняли его, как вдруг бревно перехватила Лидия. Взвалила бревно

на плечо и, чуть пошатываясь под тяжестью ноши, понесла его в одиночку, не позволяя помочь. К загадкам в поведении Лидии в Васкнарве привыкли — она жила при храме давно. Для нас же многое бы осталось непонятным, если бы не разговорчивость москвички. А говорить она могла на одну тему: «У меня такое горе, такое горе — мой сын, офтальмолог, женился на парикмахерше. Это кошмар — такой мезальянс! Да бывает ли что-нибудь хуже?»

— У меня хуже, — обронила Лидия, не поясняя больше ничего.

Словом, у нас сложился своего рода распорядок дня — Лидия молча мешает раствор, я бегаю с вёдрами за песком, а мама офтальмолога причитает над раствором: «Мой сын, учёный, и па-рик-ма-херша!» Так продолжалось довольно долго, пока Лидия не задала вопрос:

— Твой учёный в Бога верует?

— Ну, крещёный.

— А парикмахерша?

— О, эта лиса даже на клиросе поёт. Такая лиса, ути-пути!

— Про лису потом, — оборвала её Лидия, — про моих деток послушай сперва. Я трёх сынов родила и взлелеяла — красивые, сильные, как дубки. И был у нас дом — полная чаша, самый богатый дом на селе. Говорили мне люди, да я не верила, что муж мой колдун и свекровь колдунья, а я хорошо с мужем жила. Оба деньги любили, скупали золото — на случай инфляции надёжней всего. Раз иду мимо

церкви, а там людей крестят. И я покрестилась с одной мыслью, чтобы крест золотой носить. Вернулась домой после крещения — крест под пальто, его не видно, а колдун мой позеленел — затрясся весь и рычит по-звериному: «Не снимешь крест, детей погублю!» Прогнала я его, ушёл к матери. Дом-то родительский был — мой. А колдун ночами в окошко стучится: «Выбрось крест и вернись ко мне. Дети мои, мои, запомни, и я их навек с собой заберу». Мне бы тогда же бежать в церковь и успеть детей окрестить! А через ночь мне звонят из милиции: «Старший сын твой убит в драке, а перед смертью сам человека убил». Распахнула я дверь — несут сына, а колдун при крылечке стоит: «Один уже мой. Может, помиримся, и теперь-то ты снимешь крест?» — «Теперь, — говорю, — крест Христов не сниму». На поминки пришёл. Я не хотела, но родня зашумела: всё же отец. С младшим сыном о чём-то стал разговаривать, а сын рванулся, схватил двустволку и застрелился у меня на глазах. Некрещёные оба и неотпетые, даже в церкви не помянуть. Только среднего сына силком окрестила. А толку? Пьёт, блудит, мат-перемат. А недавно ослеп от водки. Может, это для вразумления, и Господь его вразумит?

После этого разговора Лидия замкнулась и ушла от нас на другое послушание. Видно, тягостно ей было наше сочувствие, а такое горе ни с кем не разделить.

Про парикмахершу моя москвичка больше не заикалась. А перед отъездом долго пересчитывала деньги и, решив, что на билет хватит, купила на рынке роскошную кофту из ангорки:

— Лидочку жалко. Подарю Лидочке.

Лидия приняла кофту спокойно и с опытностью товароведа ощупала швы:

— Настоящая ангорка. Не подделка, — а потом равнодушно вернула кофту: — У меня таких кофт — целый шкаф забит. А ковров, хрусталя, ювелирки! Недавно ездила дом заколачивать — не вернусь я больше туда. Зашла в сени, и вдруг почудилось, что там мой сыночек в испуге стоит. Самый младший, самый любимый. Сладкий мой, бедный несчастный сынок! Не крестила я деток, значит, убила, и на Страшном Суде с меня спросит Господь.

Первое время я поминала Лидию на всех молебнах, а с годами стала её забывать. Но недавно прочла в книге неообновленческого священника, что православные храмы устроены негуманно — люди устают стоять на службах, и надо бы на манер костёлов заполнить всё пространство церкви скамейками, чтобы молиться и отдыхать. И сразу вспыхнуло имя — Лидия. Заставьте Лидию не уставать! И снова вспомнились будни Васкнарвы, как Лидия, не шелохнувшись, выстаивает долгие церковные службы, не позволяя себе присесть даже на кафизмах, и всё ищет ношу

потяжелее, надеясь в тяжких трудах покаяния облегчить участь своих детей.

Не грех, конечно, молиться и сидя, но в церкви кающихся не сидят.

АЛЕКСАНДР БОГАТЫРЕВ

Об отце Василии из Васкнарвы я узнал от Саши Лиговского. Настоящей фамилии Саши я не знаю. Лиговский — кличка по месту его проживания на Лиговском проспекте. Саша был мужичком небольшого роста, лет сорока, с длинной нечесаной бородой. Ходил он, как ему казалось, в «православном прикиде»: зимой в дубленом зипуне, а летом в широких штанах и льняной рубашке навыпуск. Свой старенький зипун Саша очень любил, и говорил о нем с великим почтением: «Этот наряд Государя Императора помнит». Это походило на правду. Уж больно был старый зипун.

В его маленькой каморке в коммунальной квартире можно было встретить самых неожиданных гостей. С ним знались и священники, и господа ученые, и семинаристы, и соседняя гопота, которую он иногда угощал «белым винцом». Дело в том, что у Саши можно было приобрести все, что имело отношение к православной вере, вплоть до древних рукописей, старинных икон и нательных крестов домонгольского периода. Помимо древностей у него водились современные книги по богословию, издаваемые русски-

Отец Василий Борин.

Фото: Марина Юрченко / Православие.ру

ми эмигрантскими издательствами в Америке и Западной Европе. Можно было даже приобрести энтээсовскую периодику. У него оставляли товар скупщики, приезжавшие к нему с Севера, Новгородчины и Псковщины.

Продавал он принесенное с небольшой наценкой: ценные вещи предлагались за гораздо более скромную сумму, нежели в антикварных магазинах. Пока он был жив, не было проблем с подарками для верующих людей. Когда его отпевали в Князь-Владимирском соборе, храм был полон. Люди, не знавшие покойного, говорили: «Священника отпевают. Не иначе!»

Саша был ценен еще и тем, что знал всех священников Северо-Запада. Часто ездил на богомолье в монастыри. Хотя он и называл свой

бизнес «нужным делом», но все же время от времени каялся в том, что торговал святынями. Больших денег у него никогда не было. Его можно даже назвать «минималистом». В комнате был лишь старый узенький диванчик, низкий стол для неперменного чае- или винопития, два табурета да вешалка, прибитая к внутренней стороне двери. Иконы и книги он держал в угловом шкафу. Некоторые иконы для скорейшей реализации развешивал по стенам.

Он с легкостью судил о «благодатности» и особых дарах знакомых ему батюшек и настоятельно рекомендовал к ним съездить, объясняя, как к ним добратъся. Некоторые служили на глухих приходах, и попасть к ним без подсказки было непросто.

Он настоял на том, чтобы я с сыном непременно съездил в Васкнарву к отцу Василию.

— Можешь и в Печоры к отцу Адриану съездить. Но там стремно. И стукачей навалом, и наместник свирепый. А в Васкнарве потише. Все же Эстония. И живут там приезжие скопом. Всех не пуганешь. Сам увидишь.

А увидели мы развалины церкви да толпу странных людей. Крошечная главка с крестом на месте отсутствовавшего купола должна была свидетельствовать о том, что четыре стены с зияющими дырами не просто полуразрушенный дом, а храм Божий. Он был построен в начале XIX века в честь пророка Илии. Я приобрел у Саши для отца Василия высокий фарфоровый стакан для напольного

подсвечника с изображением вознесения пророка Илии на небо на огненной колеснице.

Отец Василий подарку обрадовался. Пригласил в свой домик и стал потчевать чаем с сушками.

В комнату, где мы чаевничали, постоянно заглядывала помощница батюшки Галина, девица лет 25, и сообщала какие-то новости и чьи-то просьбы. Батюшка на каждую реагировал буйно. Он как-то вскидывался и быстро-быстро что-то проговаривал. Я не мог ничего разобрать, но помощница кивала головой в знак согласия, время от времени отпуская короткие комментарии.

Я с любопытством разглядывал батюшку. Был он лыс, с абсолютно белой бородой и редкими тонкими седыми прядями, спускавшимися от лысины до плеч. Голубые глаза лучились и казались смеющимися даже тогда, когда он начинал кипятиться и выражать неудовольствие. Его моложавое лицо постоянно меняло выражение: то он чему-то радостно улыбался, обнажая беззубые десны, то сердился и хмурился, тряся бородой и призывая меня в свидетели.

— А ты вот что, молись постоянно и не надейся на чудо. Тебе чудо повредит. Терпи, а надо будет — Господь и чудо сотворит, и даст все, что потребно.

Этим напутствием завершилась наша беседа. На сей раз он говорил не так быстро,

и я все понял. К его скороговорению было несложно привыкнуть.

Батюшка вызвал Галину и приказал устроить нас.

Во дворе нас поджидала Марковна. Она бросилась к нам, троекратно облобызала и заявила Галине, что места для нас уже забронированы. Галина возмутилась:

— Тут батюшка на все благословляет. А вам нужно сидеть тихо и не командовать.

Марковна извинилась, ухмыльнулась и подмигнула мне:

— Давай, Галюнъ, пойди найди.

Это оказалось делом непростым. Батюшкино хозяйство представляло собой нечто вроде монастырька, окруженного стенами из крупных камней. Стены эти были наполовину разрушены, и часть народа была занята на их восстановлении. Помимо храма в ограде разместились четыре небольших домика из силикатного кирпича и маленькая часовня. Но это была не часовня, а старая церковь — крошечная комнатка в одно оконце, но с настоящим престолом. В ней несколько раз в году служили литургию. Дома стояли вплотную. В них было по две жилых комнаты, а на просторных чердаках настилались в два ряда матрацы. Здесь спали батюшкины пасомые. Утром матрацы убирались на случай проверок. Народ расходился на послушания. Дел было много: строительные работы в храме, восстановление стен, несколько женщин работали на кухне, девицы «ходи-

ли по ягоды»: собирали чернику. Мужчины с ведрами и тачками ходили вдоль реки и озера в поисках камней для стройки. Кто-то постоянно дежурил у ворот. В случае тревоги народ врасыпную устремлялся в лес или к озеру изображать дачников-купальщиков. Местные власти нередко устраивали рейды и схваченных нарушителей паспортного режима отвозили в районный отдел милиции, а оттуда «депортировали»: отправляли на все четыре стороны. Но для страдальцев, приехавших к отцу Василию, этих четырех сторон не было. Была лишь одна сторона. Все захваченные нарушители снова оказывались в Васкнарве. По закону каждый гражданин Советского Союза был обязан встать на учет по прибытии в любое место, где он не был прописан. Если его гостевание превышало трое суток, нужно было оформлять временную прописку. Дело это муторное и долгое. Но главное — такой прописки власти попросту не давали. Во всяком случае, для паломников и людей, трудившихся для Церкви. Церковь была для коммунистов объектом приложения слабеющих сил. С классовыми врагами покончили, но бороться с Богом не переставали вплоть до крушения системы. Позволить священнику разместить при храме несколько десятков человек было просто немыслимо. Даже рабочие, трудившиеся на восстановлении храма, считались нелегалами. Сейчас даже трудно представить, какой подвиг взял на себя отец Василий. Его посто-

янно штрафовали, отвозили в милицию для составления протоколов, грозились изгнать из Васкнарвы. Но Господь берег его. Батюшка бесстрашно заявлял властям: «Изгоняйте. А бесноватых лечите сами. Размещайте в своих квартирах, кормите, ухаживайте за ними, слушайте их вопли. А если они вас растерзают, то никто не будет виноват. Чего с них взять, с бесноватых». От таких речей красные товарищи сами начинали бесноваться, но, пообещав разобраться с отцом Василием по всей строгости советского закона, на какое-то время оставляли его в покое. Но потом снова устраивали облаву: нужно ведь отчитываться перед вышестоящими начальниками. Батюшка искренне жалел своих гонителей. Улов их был всегда невелик, а сил и бензина они тратили много. Об одной такой облаве я расскажу позже.

Итак, мы с Марковной и Галиной отправились искать себе пристанище. Марковна придержала два места для моей жены и сына в женском домике и одно для меня — в мужском. Но такой расклад был невозможен. Жена моя не могла справиться с Петей без моей помощи. Да и с таким количеством соседок он бы вовек не уснул. Нужно было найти место, где бы мы могли разместиться втроем. Единственным незанятым оказался закуток в кочегарке без окон и электричества. Но с несомненным достоинством — отсутствием соседей. Мы выгребли несколько ведер мусора и устроили

рядом с котлом лежбище из трех матрацев. В нашем жилище было пыльно и душно, но это еще не самое большое испытание.

На следующий день, в воскресенье, после литургии проводилась отчитка. Впервые в жизни я оказался в компании мнимых и настоящих бесноватых. Во время службы то в одном, то в другом углу храма раздавались лай, хрюканье, громкие вопли, рычание, целые тирады. Пожилой мужчина, не по сезону одетый в ватную фуфайку, через каждые четверть часа начинал мотать головой и выдавать громкие текстовки: «У Василища — Божия силища. И откуда ты взялся на нашу голову?!» Потом он долго кашлял, а перестав, снова выдавал какой-нибудь текст. Compliments насчет великой духовной силы отца Василия сменялись угрозами: «Погоди, мы до тебя доберемся. Повесим тебя за бороду и язык вырвем, чтобы не произносил таких страшных слов. Совсем замучил своими молитвами».

Человек этот явно блажил и переигрывал. Все произносимое им походило на декламацию. Он исподтишка поглядывал на меня, стараясь определить, какое впечатление произвел на новенького. А после службы подошел ко мне и громко сказал на ухо: «Во мне легион. А в этих... — он презрительно кивнул в сторону товарищей по несчастью. — Это так, вшивота. Шелупонь. Неча делать».

Но делать было что. Настоящих бесноватых в храме собралось предостаточно. Одно-

му молодому человеку, приехавшему на день раньше нас и еще не бывавшему на отчитках, мать дала святой воды — запить таблетку. Нужно было видеть, как его выворачивало и как он выл от боли. А когда после службы батюшка вынес крест, то у соседки Марковны неожиданно начала вращаться голова, будто сломанный пропеллер. Потребовалась помощь двух молодцов. Они с трудом удерживали ее голову, чтобы она смогла приложиться. Батюшка протянул ей крест, и как только ее губы его коснулись, она издала такой вопль, что все невольно заткнули уши.

Между литургией и отчиткой был часовой перерыв. Батюшка отправился отдохнуть. Народ потянулся в трапезную. Но трапезничали не все. Многие в день отчитки не ели до самого вечера: постились, чтобы легче было «сокрушить врага».

Трапезная — дощатый сарай с длинным столом. Приходилось кормить болящих в две, три, а то и четыре смены. Еда была самая простейшая: зеленые щи да каша пшенная или рисовая. Иногда варили суп из снитки. Некоторые женщины делали из сныти салат. Предлагали всем, приговаривая: «Сниткой батюшка Серафим Саровский питался. Сныть — самая ценная в мире трава. Голод начнется — со сниткой не пропадем». Но охотников питаться ценной травкой находилось немного. Несколько раз в течение месяца, который мы провели в Васкнарве,

местные рыбаки приносили рыбу. Однажды принесли щуку длиной около двух метров. Мужики с трудом поднимали ее на палке, продетой между жабр. Хвост щуки лежал на земле, а голова — вровень с головами рыбаков.

На первую отчетку мы пошли позавтракав. Нам, любителям хорошего чая, было трудно избавиться от этой слабости. Если до полудня не выпьешь крепкого чая, то на весь день гарантирована головная боль. Здесь пили настой из трав. Мы кипятили воду походным кипятильником в стеклянной литровой банке и украдкой заваривали нормальный чай. Украдкой, потому что местный люд объявил нас «чифирщиками», и даже кто-то сообщил народу, что пристрастие к чаю я приобрел в зоне и жену свою приучил. Марковне потребовалась целая неделя на то, чтобы развеять слухи о моем уголовном прошлом. А одной шибко активной «рабе» она даже дала пощечину за то, что та говорила, будто Петина болезнь — следствие моего разбойного жития.

В тот день, выпив чаю с куском черного хлеба, мы отправились на отчетку. Белый хлеб здесь считался роскошеством и был объявлен «не постным».

Народу на отчетке собралось много. Помимо «стационарных» — поселившихся надолго — на один воскресный день подъехал народ на своих машинах из Питера, Таллинна, Нарвы и прочих городов и весей. Марковна пристроила Оленьку на табурете у левой сте-

ны и очертила вокруг себя «мертвую зону», ожидая нас. Для Пети она припасла еще один табурет. Оленька чувствовала себя скверно. В тот день она дважды падала в обморок.

Марковна этому обстоятельству только радовалась: «Бес батюшку почуял. После отчитки станет получше». И действительно. Вечером Оля читала в храме вечернее правило. Все молитвы она знала наизусть и читала по памяти. Читала замечательно. Ее тихий голосок был отчетливо слышен во всем храме. А в казавшемся монотонным чтении на одной ноте чувствовалась большая духовная сила и молитвенная энергия.

Отчитку батюшка начал с небольшой проповеди. Он встал на амвон, держа обеими руками крест, оглядел народ, несколько раз подмигнул старым знакомым. Все притихли. Общее напряжение, казалось, уплотнило воздух. Кто-то всхлипывал. Батюшка задорно вскинул голову:

— Кто там нюни распустил? А ну прекрати. Ничего не бойтесь. Пусть бес боится. Стойте, молитесь. Он ведь хулиган. А с хулиганами как надо? По ушам — и в кутузку. Вот мы его сейчас и отхлестаем. И не думайте, что он сразу выйдет. Вы даже не просите Бога об этом. Если из вас бес выйдет без всякого вашего старания, то вы погибли. Сразу на танцы побежите да на блуд. Бес же — это ваш помощник. Вроде советского милиционера. Он вас от зла удерживает. Вот это премудрость

Божия. Господь попустил бесу войти, чтобы этот злодей удерживал вас от большего зла. Так что не бойтесь. Пусть он трепещет.

К сожалению, я не помню многих деталей чина отчитки. Помню лишь, как батюшка читал отрывки из Евангелия и обильно кропил святой водой болящих. Вой стоял ужасный. В разных углах бесноватые кричали на все лады. Поначалу я подозревал многих в симулянтстве, но вскоре мне стало жутковато. Оленька время от времени хватала меня за руку и шептала, что ей страшно. Я поглаживал ее руку и старался, как мог, успокоить. К великому удивлению, Петя вел себя довольно спокойно. Когда раздавался особенно громкий вопль, он усмехался и одобрительно кивал головой. Похоже, происходившее ему нравилось. Наблюдая за публикой, я старался отличить настоящих бесноватых от тех, кто в бесноватого играл. Мнимые фальшивили и переигрывали. Было видно, что настоящие действительно испытывали сильные страдания от прикосновения к святыне. Рядом с батюшкой стояла худенькая, как тростинка, барышня ростом не более полутора метров, с тонкими ручками и острым личиком, заточенным, как топорик, с глазками, сведенными к переносице. Ее ласково называли по имени: Любушкой. Когда батюшка стал читать первое Евангелие, глаза ее побелели, и казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит. Во время второго Евангелия она закашлялась. Кашель

ее был хриплым и грубым, как у пропойного мужика. После третьего Евангелия она начала биться и завалила четырех здоровенных парней, державших ее за руки и под руки. Батюшка поднес к ее губам крест, и лицо ее в одно мгновение покрылось крупными каплями пота. Любушка завизжала, заплакала, стала умолять отпустить ее и не жечь раскаленным крестом. А когда с батюшкиного кропила на лицо ее упали капли святой воды, из недр ее хрупкого тельца вырвался такой громкий хриплый рык, что стоявшие рядом с ней невольно отшатнулись, заваливая стоявших за ними. Непонятно, как и чем это маленькое существо издавало такой нечеловеческий звук.

Вот тебе, мил друг, и психосоматика...

Поразительно то, что практически все к концу отчитки чувствовали невероятный упадок сил. А отец Василий наоборот. С каждой минутой силы в нем прибавлялись. Лицо его становилось вдохновенным и восторженным. Он был подобен отважному воину, увлеченному битвой с падшими духами.

Он буквально летал между рядами болящих, обильно кропя их святой водой. Некоторых даже хлестал кропилом по лицу. Толпа то подавалась вперед к амвону, то отступала назад. Потом начиналось кружение и движение во все стороны по маршруту передвижений батюшки. В этом кажущемся хаосе, оказывается, был свой порядок. У отца Василия помимо помощников, готовых в любой

*На Чудском озере.
В центре – владыка Алексий (Ридигер), будущий
Патриарх, слева – священник Василий Борин*

момент подхватить падавших без сознания страдальцев, присутствовали на каждой отчитке врачи. Они никогда не надевали белых халатов, чтобы не выделяться и не смущать остальных, и делали свое дело проворно и молча. Приводили в чувство, успокаивали, в случае нужды делали уколы.

Мнимых бесноватых я научился отличать довольно скоро. Многие сами подходили и рассказывали свои истории. В основном это были люди с поврежденной психикой. У одних повреждение серьезное, у других едва заметное. Они верили в то, что в них сидит бес и переубедить их было невозможно. Многие редко покидали психиатрические больницы. Несколько человек из мнимых

частенько устраивали другим проверки. Дадут святой воды вновь прибывшему и смотрят за реакцией. Если прошло без последствий, это мнимый бесноватый. Просто такой же, как они, чокнутый сачок. А если от святой воды человеку становилось плохо, то тут дело ясное: бес в нем взаправдашний. Проверятьщики тут же бегут доносить батюшке на сачков. Очевидно, доносчики полагали, что таким образом можно убедить батюшку в том, что они-то подлинно одержимые. Но он и так чувствовал настоящих клиентов и не нуждался ни в каких проверках. Этих активистов, как и прочих самозванцев, отец Василий не прогонял. Вернее — терпел, но не бесконечно. Он знал, что имел дело с душевнобольными людьми, и не хотел их обижать. Некоторых в шутку даже обещал поощрить: «Давай-давай, Маруся, старайся. Выявляй врагов народа. Я тебе за это особый колпак велю сшить. Чтоб за версту видать ударницу». Маруся была довольна и всерьез ждала обещанного.

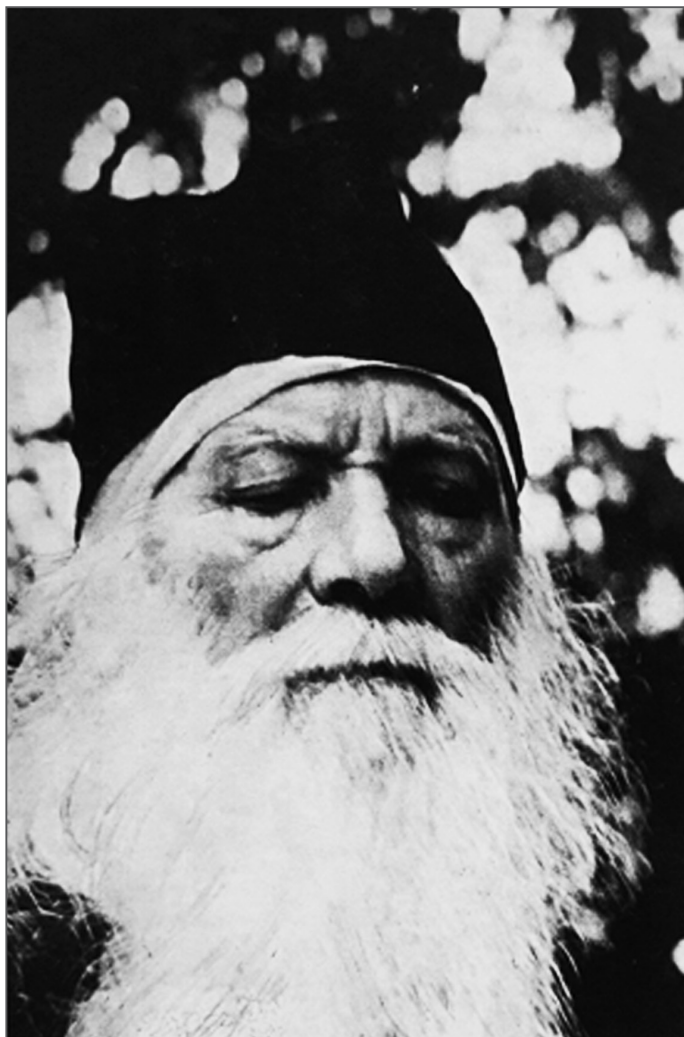
По вечерам после общего прочтения вечернего правила всем храмом пели: «Господи, оружие на диавола крест Твой дал еси нам: трепещет бо и трясется...» Эту же молитву пели и во время отчитки. А батюшка приговаривал:

— Во-во! Пусть трясется и трепещет. А нам нечего бояться. С нами крестная сила и Сам Господь!

Завершал общую вечернюю молитву батюшка проповедью. Вернее, беседою. Если был в духе, то мог несколько часов говорить. Тут было все: и серьезные богословские рассуждения, и назидания в виде притч и историй из его жизни, и «разборы полетов», после чего он мог устроить крепкий разнос провинившимся и даже изгнать особо дерзких или ленивых, не желавших вместе со всеми работать. Лентяев он особенно не любил. А тех, кто особенно старался на храмовых работах, отличал и поминал громко на ектениях. О себе он говорил: «Попишка я так себе. А вот строитель ого-го!»

Почти каждый вечер батюшка просил народ не считать его чудотворцем и не отчаиваться оттого, что бес не оставляет их:

— Нынче в мире не найти таких сильных мужей, как прежде. Чтобы им бесы повиновались. Я же только молюсь, чтобы облегчить ваши страдания. И вы молитесь. Не валите все на меня. Я ведь старый и слабый. Помогайте мне. Старикам даже пионеры-безбожники помогают. А вы не хотите мне помогать. Молитесь крепко вместе со мной. Не ленитесь. Господь дает по стараниям, по трудам, по подвигам, а не по пустым просьбам. Он знает, что нужно для нашего спасения. Ты думаешь: ай как быстро я долечу куда надо. А самолет — бултых и разбился. Тебе надо было пешочком или на лошадке. Нет, ты модный, современный. Тебе самолет подавай. Ты ведь спешишь...

Никуда не спешите, дорогие мои. Все само придет. Я вот никуда не спешил. Ко мне сами, кому надо, приходили: и немцы пришли в войну, хоть я их не звал. И красноармейцы. И милиционеры опять скоро придут — их я тоже не очень жду. Так что сидите на месте, молитесь, кайтесь в грехах своих и молитесь за родителей ваших: они наломали дров — на пять веков топить хватит. Молитва — главное дело для православного человека... А вы говорите: чем заняться, как спастись? В Евангелии все сказано. Соблюдай заповеди! И не надо ничего выдумывать...

Тех, кто выдумывал, батюшка изгонял. Одного молодого человека — питерского Володьку, собравшего вокруг себя целую секту, — изгонял при мне. Этот новоявленный ересиарх утверждал, что все в Церкви плохо, что все архиереи продались большевикам и даже отец Василий молится неправильно:

— В Евангелии Господь говорит: «Аминь-аминь, — глаголю вам...» А потом говорит притчей. А кто из попов говорит «аминь-аминь»? В этом вся беда. Как два раза скажешь «аминь», так сила в два раза и прибавляется. А попы даже после проповеди не то что дважды, и один раз «аминь» не скажут. Потому столько болезней и беснований...

Этому открывателю причин беснования батюшка устроил прилюдную взбучку. Диспут был краток. Вовка на грозное батюшкино требование объяснить суть его «учения» промяукал что-то про двойное «аминь».

Батюшка покраснел от гнева:

— Что ж ты суешься, куда не смыслишь?! Два «аминя» ему подавай. А я тебе три даю: «Аминь-аминь, — глаголю тебе. Пшел вон отсюда. Аминь!»

Вовка исчез не сразу. Время было теплое. Ночевал он где-то на чужом сеновале. Днем купался в озере, собирал ягоды.

Уезжать ему не хотелось. Место райское. Храм стоит на берегу широченной реки Наровы. Она вытекает из Чудского озера в ста метрах от храма. Широкий песчаный пляж. Вода теплая. Лес полон ягод. Начинается лес от пляжа и тянется на десятки километров вширь и вглубь. Чего еще желать!

В монастырьке нашем оставалось несколько сторонников вовкиного «учения». Они тайком носили ему еду. По вечерам в отдалении жгли на берегу озера костер. И Вовка, пламенея от вдохновения, вещал, озаренный пляшущими языками пламени, о скорых бедах и страшных наказаниях за то, что православные изменили «двойному аминю». Один раз я набрел на эту живописную группу. Говорилось там о многом. Вовка рассказывал всякие небылицы о батюшке. Но главное — Вовка готовил бунт.

Бунт не удался. В дело вступил мордвин Сережа. А Сережа этот был из тех, о ком Лесков говорил: «Увидеть его означало испугаться». Вовка испугался. Стоило Сереге взять его за руку, как тот присел до земли от боли, тут же все понял и побежал вприпрыжку к автобусу,

оглядываясь и отмахивая рукой, испытывавшей дружеское Серегина рукопожатие.

Другое изгнание обошлось без Серегина. Изгонялась странница Пелагея с «ученицей» Натальей. Изгонялась по-тихому. Два дня она собирала народ и рассказывала басни о своих дарах исцеления и чудотворения.

Она обошла пол-России и будто бы исцелила несколько сотен людей. С бесами она тоже лихо управлялась.

Батюшке она заявила, что готова помогать своей сверхмощной молитвой. Отец Василий посмеялся:

— Не надо мне, мать, твоей помощи. Как бы тебя самое бесы не потрепали. Помолись и ступай себе с Богом!

Вечером она под села к нам в трапезной и предложила помолиться с нами. Говорила, что благодать на нас изольется преизобильно и мы забудем о наших бедах. Обижать ее не хотелось. Я пригласил ее в нашу «келлию».

Мы к тому времени протащили к себе шнур со стоваттной лампочкой и могли читать и не набивать себе шишек в темноте.

Пелагея пришла без ученицы. На ней был черный подрясник и черная шапочка — чистая монахиня. Петя наш спал. Пелагея окрестила все углы, опустила в пузырек с широким горлом конец четок с крестом и стала энергично окроплять водой из пузырька все вокруг. Затем она упала на колени, прочла «Царю Небесный», «Трисвятое», «Отче наш»

и начала читать принесенную с собою затертую Псалтирь, всю утыканную записочками.

— Читать будем до утра, — объявила она. — Нужно все двадцать кафизм прочесть.

Мы с женой обменялись жалобными взглядами, но по велению Пелагеи опустились рядом с ней на колени. Жена зажгла свечу перед бумажными иконами Владимирской Божией Матери и мученика Трифона.

Я пытался вслушаться в слова псалмов. Читала Пелагея как-то заполошно, проглатывая слова и чересчур торжественно произнося «славу». «Аллилуйю» она проговаривала с каким-то взвизгиванием, долго протягивая концовку: «й-й-й-й-я-я-я». На второй «славе» это «й-й-й-я-я-я» меня сильно смутило. Словно железом по стеклу. Я почувствовал, что долго не выдержу. Но, памятуя о кознях вражиих, решил терпеть. В конце третьей «славы» Пелагея стала неровно дышать. Прочитав молитву после первой кафизмы, она вдруг широко раскрыла рот и с громким стоном зевнула. За первым зевком последовал второй, затем третий. Каждый раз Пелагея быстро крестила рот, приговаривая: «Вот искушение!» Вдруг она легла на спину и тихо залепетала: «Простите, спину ломит. Не могу терпеть. Вот вражина дает. Как тут молиться?»

Мне стало жалко старушку. Я предложил перенести ночное бдение до следующего раза. Она радостно согласилась и чересчур бодро вскочила, не взяв протянутой ей руки.

От моей помощи она отказалась и провожать себя не позволила.

На следующий день батюшка служил литургию и отчитывал. Пелагея на отчитку не осталась, а на литургии перед чашей что-то стала выговаривать отцу Василию. Батюшка рассердился и на весь храм грозно приказал:

— Чтобы духу твоего здесь не было.

Оказалось, что она пеняла батюшке за то, что во лжице для нее было мало причастия. А перед службой она прилюдно просила его причастить ее как-то особенно, потому что бесы на нее ополчились с невероятной силой. Причастившись, она громко объявила, что отец Василий не захотел ей помочь, потому что она великая молитвенница и тот ей завидует. Уехала она со своей ученицей на попутной машине, на прощание выкрикивая в адрес отца Василия страшные угрозы.

Эту Пелагею вместе с Натальей я встретил лет через пять возле Знаменской церкви в Москве. Они раздавали богомольцам какие-то брошюры. Я поздоровался с ними. Они сделали вид, что меня не знают. А еще через несколько лет я попытался унять братьев из «Богородичного центра», проповедовавших в плацкартном вагоне поезда Петербург–Москва. Они дерзко говорили о безблагодатности Православной Церкви и о том, что в их среде живут настоящие святые и чудотворцы. Фотографию одной недавно скончавшейся «святой» они стали раздавать желающим.

Я поглядел на художественное фото, сделанное под икону. На меня лукаво смотрела старая знакомица. На этой фотографии Пелагея была в схимническом одеянии. Взгляд ее говорил о великой победе: «При жизни вас дурачила и с того света буду баламутить».

Самое тихое изгнание было в начале нашего васкнарвского жития. Батюшка приказал своей самой страстной поклоннице ехать домой к детям. Звали ее Надеждой. Она уже в пятый раз обрушилась на батюшку. Не давала ему прохода. Пела ему здравицы, объяснялась в любви и с утра до вечера рассказывала каждому встречному о том, каким великим старцем является отец Василий. Надоела она ему чрезвычайно. Он собрал всех в церкви и сказал:

— Вот мать двоих детей. Бросила своих чад и валяет дурака. Я, понятное дело, дурак. Но больше валяться не хочу. Нечего тебе тут делать. Тебя дети ждут. У тебя перед ними и перед Богом обязанности.

Надежда разрыдалась:

— Никуда я, батя, от тебя не поеду. Не нужны мне ни дети, ни муж окаянный. Только ты.

— Ах, так, — рассердился батюшка. — Дети тебе не нужны? Так и мне такая дурная мать не нужна. Детей бросить — нет страшней преступления.

— Это бес меня к тебе, батя, гонит.

— Нет в тебе никакого беса. И совести в тебе нет. И любви нет. Одна дурь. Глаза бы мои такую противную бабу не видели.

Тут Надежда взвыла и бросилась из храма. Где-то пробродила всю ночь, а утром, притихшая и зареванная, пришла просить у батюшки прощения. Батюшка ее простил, но выпроводил.

Были и другие изгнания. Особенно лютовали при депортации мнимые бесноватые. Некоторые повторяли коммунистические наговоры на батюшку и злобно угрожали ему.

Говорить дурно о батюшке могли лишь очень больные люди либо большие негодяи. Ильинский — это уже третий храм, который отец Василий восстанавливал из руин. При большевиках такое было немыслимым. Как ему это удавалось — одному Господу Богу известно. Да, пожалуй, ближайшим друзьям. Как он получал разрешения на строительство в то время, когда по всей стране храмы закрывали, рушили или превращали в склады и клубы? Богатых спонсоров тогда не было. В церковь ходили в основном люди простые и далеко не богатые. Питерские батюшкины друзья жертвовали из своих скромных окладов да привозили то, что удавалось собрать у таких же небогатых знакомых. Дело потихоньку продвигалось еще и благодаря тому, что находились трудники, готовые работать во славу Божию. Несколько каменщиков и плотников приезжали на весь отпуск. Один из них, питерский Ваня, с радостью говорил, что такой отпуск лучше всякого черноморского санатория:

— Я утром искупаюсь, и в обед, и вечером. Загорать не люблю. Без дела не могу валяться на солнце. Проплыл — и за работу. Кормежка на столе. Воздух свежий. Красота!

Стол у них был лучше, чем у болящих. Они не постились. Работа была тяжелая. Один раз в неделю выходили в ночное — на рыбалку. По желанию могли и чаще, но совесть не позволяла. Работали не менее десяти часов. Но, как правило, больше. Смеркалось поздно. Иногда стук молотка был слышен и в темноте.

Ваня знал отца Василия много лет. Приезжал к нему и на бывшие приходы. От него я узнал некоторые сведения об отце Василии. У него была жена и двое детей. Но они давно «махнули на него рукой». Кому нужен неугомонный старик, предпочитавший бесноватых родной семье! Семья жила в Эстонии. Название городка я забыл. Батюшка навещал их редко. Такое беспокойное хозяйство не оставишь. Отчитывать он начал давно. Из-за этого с властями всегда проблем хватало. Составляли целые комиссии с начальниками и психиатрами. Какие бесы, когда их нет?! Что это за чудачество и шарлатанство? В стране борьба с религиозными предрассудками, а тут деревенский батек дурачит строителей коммунизма.

Когда начались хрущевские гонения, отца Василия арестовали. «Должно быть, хотите меня как последнего попа показать по телевизору», — шутил батя.

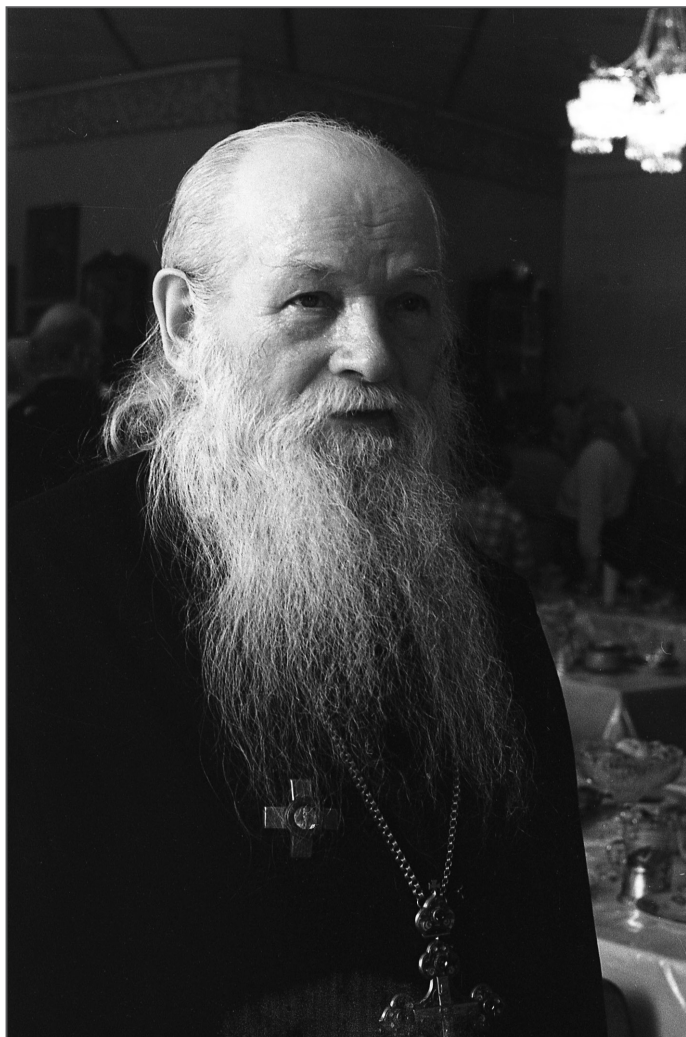

Фото Л. Ивановой

Даже в больницу клали на принудительное лечение. Однажды зимой повезли его арестованного в рейсовом автобусе. Он попросил шофера остановиться на минуту. Тот остановился. Батюшка выпрыгнул и побежал по полю. А снега было по пояс. Милиционеры поглядели на глубокий снег, да и полезли обратно в теплый автобус.

А вообще-то отца Василия защищал владыка Алексей. Тот был большим дипломатом и знал, как вести себя с властями. Он батюшку любил и ценил. За отцом Василием числилось еще два прихода. Священников не найти, а этот и по-русски, и по-эстонски служил. Русских священников, знающих местный язык, — по пальцам перечесть. Эстонские начальники уважали русских, говоривших на их языке. В конце концов они решили, что отца Василия нужно считать большим чудачком и местной достопримечательностью. Во всех смыслах ценный кадр. Но проверять его и отчитываться о проделанной работе все равно надо. А вдруг к нему забредут опасные элементы — враги советской власти?..

В одно, как говорят, прекрасное утро монастырек наш загудел-зашумел. К нам в котельную забежала Марковна:

— Быстро собирайтесь. Комиссия едет. Все в сумки — и живо в лес.

По двору бегали встревоженные постояльцы. Что-то откуда-то вытаскивали и прятали в сарае. Я отнес наши матрацы в общее потайное

место, и мы, что называется, с вещами побрели через песчаное поле к озеру. Оля с Марковной вскоре догнали нас. Справа, недалеко от дороги, за небольшим болотцем, росли камыши. В них спряталась дюжина наших бабулек. Они составили первый эшелон обороны: молились, читали Псалтирь. На песчаном холмике лежали, глядя на дорогу, дозорные. Они должны были оповестить народ, когда появится проверка.

Мы добрались до озера, где, пугая дачников, устраивалась наша братия. Представьте: люди в шезлонгах, в купальниках и солнечных очках намазываются кремом для загара — и вдруг появляется толпа женщин в черных платках и черных до пят юбках, распевающих: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его!» Часть этой толпы небольшими группами по несколько человек устремляется в лес, но основные силы остаются на пляже. Молодые барышни разоблачаются до купальников, а пожилые залезают в воду в платьях и ночных сорочках. В тени устраиваются дежурные молитвенницы и начинают громко, чтобы заглушить музыку из транзисторов дачников, читать Давидовы псалмы. Картина в советской действительности редкая. Даже для вольнолюбивой Эстонии.

В этот день мы вдоволь накупались и собрали трехлитровое ведерко черники. Я даже поймал руками небольшого сомика. Он метался по мелководью, и я, подогнав его к самому берегу, как-то сумел его схватить.

Никогда ни до, ни после мне не удавалась подобная рыбалка.

В 5 часов дали отбой. Народ потянулся обратно к храму. Свидетелей облавы оказалось немало. Несколько дней только о ней и говорили. Галя, имевшая право сопровождать батюшку как помощница, рассказала, что ожидание было долгим. Ждали с утра, а они только после обеда приехали. Оставшийся на хозяйстве народ истомился, уже и дозорный спустился с крыши, как вдруг возле храма остановились две «Волги». Главный начальник, не проверявший батюшку более двух лет, опешил, увидев новые дома на территории храма.

— Чего это ты, гражданин Борин, понастроил? — обратился он к отцу Василию.

— Как чего? Все, что нужно в хозяйстве.

— Какое у тебя хозяйство? Тебе разрешили дом для проживания построить, а ты целых четыре отгрохал.

— Никак нет. Один, а не четыре.

— Какой же один! А это что?

— Это гараж.

— Зачем тебе гараж? У тебя и машины нет.

— Зато у вас есть. Вот щас поставим, и никто не угонит.

— Не надо никуда ставить. И так не угонят. Проверяющие подошли ко второму дому.

— А это что за дом?

— Это, граждане начальники, не дом, а техническое сооружение — водокачка.

— Какая еще водокачка, когда жилой дом?!

— Это только кажется. Мы водокачку так оборудовали, чтоб, к примеру, вам отдохнуть где было. Вот зайдете, мы вам чайку подадим. Попьете и отдохнете, как люди.

— Ты нам зубы не заговаривай. Мы не отдыхать приехали.

— А это что такое? — начальники подошли к третьему дому.

— А это, дорогие мои, морг.

— Какой еще морг?

— Натуральный. Мертвецкая, значит. К примеру, помрете вы. Не дай Бог, конечно. Куда же я вас дену? А тут — пожалуйста. Красота. Лежи — не хочу. Я вас и отпою. На то я и поп. На то она и церковь. Всякий человек покойником бывает. Начальником не всякий. А покойником — извините, товарищи...

После этой тирады начальники, плюясь и чертыхаясь, завалились в храм. Оглядели обшарпанные стены, залатанные на скорую руку проломы в стенах и крыше и, не испытыв никакого удовольствия от увиденного, пошли за ограду.

Отец Василий напрасно приглашал их чайку попить. На его счастье матушка Варвара накормила их великолепным обедом в монастыре, куда они заехали по пути в Васкнарву. Пить чай у отца Василия они отказались. Главный потребовал документы на новострой.

— Это вы, дорогой Валентин Степанович, у старосты требуйте. Я в этом ничего не понимаю.

Главный начальник в сопровождении самого въедливого чиновника, который все время что-то нашептывал ему на ухо, тронулся через песчаное поле к дому старосты. Остальные члены комиссии остались у машин курить.

Отец Василий забрался на каменную ограду и, крестя им спины на престольным крестом, стал в голос молиться:

— Господи, уйми Ты этих врагов Твоих. Не дай им порушить дело рук рабов Твоих. Нашли на них неразумие, чтоб они сами не поняли, чего ради сюда приехали.

Галина стояла рядом с батюшкой и рассказывала, как проверяющие взойшли на крыльцо. Открылась дверь, и вышел староста. Он о чем-то с ними говорил. А те минут через десять развернулись и побрели по песку в сторону леса. Из машины, на которой они приехали, выскочил шофер и побежал в их сторону, что-то крича и размахивая руками. Проверяющие остановились, развернулись и пошли в его сторону. Так и уехали.

Вечером отец Василий рассказал после молитвы об этом происшествии. Он стоял на амвоне с крестом и смешно показывал, как крестил начальство и молился об умягчении их сердец и затуманивании их мозгов. Народ покатывался со смеху. После отца Василия слово держал староста. Он рассказал о том, что произошло на крыльце его дома.

— Слышу стук в дверь. Громко стучат. Требовательно. Открываю. Вижу знакомые фи-

зионии. Я поздоровался, спрашиваю, чем могу помочь. А они стоят и молчат как пришибленные. Я спрашиваю: может, что случилось? Главный лоб наморщил — пытается что-то вспомнить. А второй стоит, молчит и на босса со страхом поглядывает. А тот вдруг как матюгнется. Развернулся да и пошел в лес. Я кричу: «Храм в другой стороне!» А они бредут, как во сне. Может, выпили лишнего.

— Это сила батюшкиной молитвы, — заговорили со всех сторон.

Батюшка махнул рукой:

— Подхалимов не люблю. Не кто, как Господь, на сей раз отвел.

Публика в Васкнарве была настолько разная, что даже представить трудно. В основном это были люди простого, неумственного труда. Интеллигенты не задерживались. На кухне с неделю подвизалась одна дама из южного города. Она была в своем городе большой начальницей. Но старалась это скрыть. Скрыть не удалось — уж больно характерные у нее были повадки. Готовить она то ли не умела, то ли злоба ее постоянно душила. Есть ее стряпню никто не мог. Это было удивительно. Из тех же круп и картошки ее сменщица готовила очень вкусные каши и супы.

У этой начальницы погиб в автокатастрофе сын. Она рассказывала, что жил он распутно, на широкую ногу. Эту ногу обеспечивала ему она. Отец Василий сказал ей: «Забаловала до смерти, теперь отмаливай!» Не знаю, как уж

она отмаливала, только хватило ее ровно на неделю. Уезжала она очень недовольной оттого, что «потратила много времени на придурков».

Батюшка после ее бегства часто говорил:

— Вот вам и игольное ушко. Даже на храм денег жалко. А на пьянки сына да на его грязную жизнь давала щедро.

Другая дама из «непростых» ходила вся в черном, в старорежимной шляпке с вуалью. Она следила за собой. Ей можно было дать и сорок, и все семьдесят. Однажды она подошла ко мне и на ухо прошептала:

— Зря они его так все не любят. Он ведь хороший. Вдохновение нам дает.

Нетрудно догадаться, кого она имела в виду. Эта дамочка тоже не задержалась. Жить со всеми в спартанских условиях она не могла — снимала комнату в поселке. Приходила днем и по вечерам. Поприсутствовала на одной отчитке. Но не до конца. Пришлось для нее отпирать двери. Батюшка обычно запирает храм. Ходила эта дама задумчивая, томно поглядывая на молодых мужчин. Особенно ей понравился двухметровый мордвин Серега. Ему она назначила романтическое свидание на берегу реки. Она сидела в чужой лодке, привязанной к мосткам, Серега пристроился на мостках. При свете луны она читала ему стихи. Романтик из Сереги получился неважный. Поэзию он попросту не понимал, но когда услышал зарифмованные строки, в которых дамочка

благодарила денницу за то, что он избрал ее для «счастья и вдохновения», кое-что все же понял. Что с ним случилось, он и сам не мог объяснить. Только дамочка оказалась в воде, а он, оглашая окрестности громкими стонами, помчался к батюшке исповедоваться. Наутро «завуалированная» романтическая особа исчезла. По ее поводу батюшка тоже много чего сказал. Такие персоны вынюхивают, что делают те, кто борется с их кумиром.

Самому врагу нечего вынюхивать, он и так все знает. А вот его adeptам для чего-то надо появляться там, где его пытаются изгнать.

Была в нашем монастырьке настоящая монахиня. Очень мрачная. Она пыталась удерживать язык: болтливость была главной страстью, с которой она боролась. Но почему-то все знали ее тайну. Ее по ночам посещал вражина. Когда она рассказывала об этом, создавалось впечатление, что она этим хвастает.

Обо всех вспоминать нет нужды. Многие серенькими мышками пробежали через батюшкино владенье. Даже без особого писка. Другие сотрясали округу и оставляли после себя надолго недобрую память. Однажды появились два друга: один — однорукий, на деревянной ноге; другой — при всех членах, но с большими потерями по психической части. Они проявляли такую свирепость, что даже мордвин Серега терялся и норовил куда-нибудь спрятаться. Как-то после трапезы безно-

гий так отходил своего товарища деревянной ногой, что пришлось вызывать «скорую помощь». Заодно вызвали и милицию.

Событий за месяц нашего пребывания в Васкнарве произошло немало. На их фоне даже празднование престольного праздника Илии Пророка с приездом владыки Алексия прошло скромно, безо всякой помпы. Владыка вел себя совсем не владычно. Со всеми поговорил, обошел батюшкины владения (даже на крышу хотел по шатким мосткам подняться, но его отговорили). Отслужил литургию, благословил всех. Детишек, да и кое-кого из взрослых, склонившихся под благословение, погладил по голове. Всячески старался обласкавать болящих. После службы в краткой проповеди просил народ поберечь батюшку:

— Он ведь не только пастырь добрый и молитвенник о вашем здравии, но еще и храмо-строитель. Он у нас один такой на всю епархию.

Точно не помню, но, кажется, отец Василий учился в Питерской семинарии год или два одновременно со своим будущим архиереем и Патриархом.

Об отце Василии говорили, что за ним постоянно приглядывали стукачи. Он пытался молиться по ночам, но ему запретили под страхом изгнания из семинарии. Часто он пропускал трапезы, чтобы остаться наедине и помолиться Богу.

Так он начинал свое служение. Подвиг, который он взял на себя в зрелые годы, был под

силу большим подвижникам. Ему пришлось воевать не только с духами злобы поднебесными, но и с бесами во плоти. И от начальства доставалось отцу Василию, и от бесноватых. Кое-кто даже бивал батюшку. Но он не отчаивался. Все терпел. Часто юродствовал, понимая, что только так можно отбить атаки коммунистов. И сам говорил об этом: «Пусть лучше они думают, что дурачок с дурачками тешится. А если всерьез, то не жди пощады. Разгромят всерьез».

Я благодарен батюшке за многое. Я увидел настоящего бескорыстного и бесстрашного воина Христова. В свои семьдесят лет он без сна и отдыха занимался людьми, от которых отказались и родные, и общество. Он утешал и заботился о совершенно отверженных людях. Никому до них не было дела, кроме него. Это было особое проявление мужественной любви. Без внешней демонстрации. Без сюсюканья и желания понравиться, без старания получить что-нибудь для себя. Власти распускали о нем всякие слухи — будто бы забота о бесноватых приносит ему приличный доход.

Доход выражался в посылках с крупами, сухофруктами и сахаром. Их присылали для прокорма больных такие же больные. С продуктами тогда были проблемы, и уезжавшие от батюшки присылали, что могли. Когда я впервые попал в кладовку, где хранились припасы, меня поразила всеохватная геогра-

фия адресов. На посылках были адреса отправителей из Сибири, Владивостока, Камчатки, Кубани, городов Центральной России и северных областей. Почему-то особенно много было посылок с Украины, особенно с Донбасса. К батюшке приезжали с Кавказа. Он всем был рад, со всеми находил общий язык, со всеми вел себя ровно, никого не производя в любимчики. У него, конечно, были духовные чада. Им он уделял немало времени.

Приезжавшим просто отдохнуть он, по апостольскому правилу, позволял три дня побездельничать и покупаться. Но потом посылал на послушания. Если кто-то неоднократно нарушал заведенный порядок, изгонял, несмотря ни на какие проклятия и угрозы.

В Васкнарве я получил первый серьезный урок практического богословия. Убедился в том, что Бог есть, что Он рядом и всегда готов помочь. Стоит лишь сделать шаг навстречу Ему, как Он сделает десять шагов навстречу тебе и, как любящий Отец, все простит, утешит и исцелит. До Васкнарвы я получал другие уроки: ходил в семинарский храм и слушал по средам замечательные проповеди ректора епископа Кирилла (нынешнего Патриарха).

В Васкнарве я узнал, что есть и другая проповедь. Жизнь отца Василия сама действенная проповедь христианского служения.

А его ежевечерние беседы и рассказы тоже были своеобразной проповедью — бесхи-

тростной и мудрой. Он просто рассказывал о том, что видел, чему был свидетелем, на какую мысль его навел тот или иной случай. Он учил народ приглядываться ко всем проявлениям жизни:

— Смотрите вокруг внимательно и читайте книгу, написанную Самим Господом Богом. Только внимательно читайте. У меня вот нет времени смотреть по сторонам. Только ваши физиономии вижу. Но и от вас многому учусь. А вчера наблюдал за мальчишкой с удочкой. Сидит и на поплавок смотрит. А что такое поплавок? Это же мне подсказка, что поп должен быть ловок. Ловким. Господь первыми призвал рыбаков. И чудеса у Него были многие связаны с рыбной ловлей. И статир из рыбы достали. И сто пятьдесят и три больших рыбыны по глаголу Его вытащили апостолы. А ведь без Него трудились впустую. И рыба — «ихтиос» была тайным знаком христиан. Вот и каждый священник тоже рыбак: из моря греха вылавливает погибающие души и должен вести их ко спасению. Так что мне, попу, на роду написано сидеть у Божией реки и следить за поплавком.

Отец Василий показал, что духовный мир реален. И главное — что вера и любовь живы в нашем безлюбом, катящемся в пропасть мире. И только эта вера удерживает нас от окончательной гибели.

Я был у отца Василия пять раз. Дважды гостил у него по месяцу. Один раз привозил

к нему двух священников из Омской епархии — с ними я познакомился во время съемок фильма о Сибири. В последний раз навещил его с одной знакомой. Она хотела привезти к нему больного сына. Мы сидели в его каморке. Нам подавала чай молоденькая девушка с очень приятным кротким лицом.

Когда она вышла, батюшка спросил меня:

— Не узнал?

— Кого?

— Любушку.

— Какую Любушку?

— Ту самую, которая десять мужиков заваливала.

— Десять — не видел, а четверых точно валила, как малых деток. А где она? Что с ней?

— Да вот же она.

В комнату снова вошла миловидная барышня. Она улыбнулась:

— Не помните меня? А я вас помню. И за Петю вашего молюсь.

— Ну конечно, помню, — сказал я не раздумывая.

Но поверить в то, что это та самая Любушка, с лицом топориком и глазами, сведенными к переносице, никак не мог. У этой девушки и лицо было как лицо: худенькое, но не остренькое. И глаза на месте. Даже довольно широко расставлены.

— Вот, — сказал торжествующе отец Василий. — Пожила со мной годик, помолилась — и гляди: враг оставил. Причащается спокой-

но. Никаких приступов. Красавица! Я ей и женихов подыскал. Не хочет. Говорит: Христова невеста.

Оленька тоже выздоровела. Подвизается в одном из монастырей. Марковна вскоре умерла. Перед смертью позвонила мне, сказала, что просит прощения и скоро «уйдет домой». Я жалею, что почти с ней не общался. Иногда встречал ее в питерских храмах на престольных праздниках. Время от времени вижу батюшкиных пасомых. Ведут они себя в храмах тихо.

Когда Эстония отделилась от России, несколько раз собирался навестить бабушку. Да так и не собрался. Один раз с Гдовской стороны Чудского озера долго смотрел на крест восстановленного отцом Василием Ильинского храма. Хотел подъехать поближе к берегу, но не пустили пограничники: запретная зона. Граница. Грустно.

Протоиерей
ВЯЧЕСЛАВ КУРКИН

*Протоиерей Вячеслав Куркин
(29 марта 1933 – 7 ноября 2010 г.)
настоятель храма Преображения Господня,
г. Кохтла-Ярве*

Галина Косенко

7 ноября 2010 г. отошел в небесные обители наш дорогой батюшка Вячеслав Куркин, настоятель Кохтла-Ярвеского Спасо-Преображенского храма в Эстонии. На этом приходе он прослужил верой и правдой более тридцати лет, всего себя посвящая делу спасения душ человеческих, чем снискал глубокое почитание своих духовных чад. Обладая даром прозорливости, который тщательно скрывал, батюшка Вячеслав безошибочно определял состояние души человека, приходившего в храм по разным причинам и обстоятельствам. И каждого человека он вел именно ему уготованным путем по воле Божией. Сколько раз приходилось слышать слова раскаяния, если советы батюшки Вячеслава были отвергнуты и результат поступков по своей воле получался совершенно удручающий.

Лично мне (автору) довелось восемнадцать лет жить под духовным руководством батюшки Вячеслава. И в память об этом человеке захотелось собрать воедино свидетельства о его высокой духовной жизни; о случаях сбывшихся предсказаний, известных на приходе и от разных людей извне;

о его неутомимом стремлении помогать восстанавливать и строить храмы — ведь он по образованию был инженером-строителем; об умении преподносить веру детской душе так, что она самостоятельно спешила в храм на службу с желанием петь, читать, помогать в алтаре. Так появилась книга с воспоминаниями о нашем батюшке Вячеславе под рабочим названием «Таких людей не бывает много» (еще не изданная), отрывки из которой предлагаются для широкого круга читателей.

Но прежде коротко расскажем о жизненном пути отца Вячеслава.

Отец Вячеслав родился 29 марта 1933 года в деревне Малая Лозовка Щигровского района Курской области в простой христианской семье. Его отец, Александр Куркин — умер рано, поэтому воспитанием детей, — Зои и Славика, занималась мама, Александра. О своей маме батюшка Вячеслав всегда говорил с большой любовью и почтением.

Он рассказывал: «Маму звали Александрой, в монашестве Ольга, родилась в 1901 году. Жили в Курской губернии. В той местности леса практически нет и березы не найдешь, поэтому храмы украшали на Троицу вместо березовых веток — травой. То есть стелили траву на пол. Мама в 1944 году работала в школе уборщицей и на Троицу во всех классах настелила травы. Учителя пришли: “Что такое?...” А директор школы догадался в чем дело, вызвал маму, и тихо попросил: “Шура,

убери! Не надо так делать больше!” Не ругал, не уволил, хотя в то время это была дерзость неимоверная. А почему? Да потому, что в 1944 году директору было не больше 44 лет, это значит, что он еще изучал Закон Божий, знал все праздники».

С детства Славик имел феноменальную память, тягу к знаниям, живую веру в Господа нашего Иисуса Христа, в силу крестного знамения. Вспоминая голодные военные годы, батюшка как-то рассказал, что, будучи девятилетним ребенком, он с другом пошел на свекольное поле, надеясь найти хоть несколько неубранных свеклин. Действительно, насобирав в уже промерзшей земле несколько свеклин, друзья решили их припрятать на «черный день», закопав в ямку, чтобы никто не нашел. Для верности Славик с серьезным видом перекрестил «клад». По прошествии нескольких лет друг признался, что хотел украсть все свеклины, но испугался креста, которым Славик их перекрестил.

Эту детскую веру Славик ни на миг не потерял, возрастая в атеистическом обществе. Будущий батюшка Вячеслав избрал для себя мирную профессию строителя, первоначально окончив строительный техникум с красным дипломом, а затем, в 1956 году, строительный институт в Куйбышеве (ныне Самара), также с красным дипломом, наличие которого давало право выбирать любой город для жительства и предприятие.

Вячеслав был направлен работать инженером на Ижорский завод в ремонтно-строительный цех, на котором в то время трудилось 60 тыс. человек. Местом дальнейшего проживания стал город Ленинград, Колпино. Так как он занимал высокий пост, его неоднократно призывали вступить в партию. Каждый раз удавалось уклоняться от прямого ответа, почему он до сих пор не коммунист. Но однажды его вызвали на собрание и потребовали не увиливать, а назвать причину нежелания быть коммунистом. И батюшка Вячеслав в простодушии ответил: «А мне мама не разрешает!» Все собрание грохнуло хохотом: «Мама?! Так тебе сколько лет-то?» Ему было 40 лет. Сказать администрации о своей вере означало распрощаться с работой. Поэтому, чтобы не наводить на семью подозрения, они чаще всего уезжали в Прибалтику: в Рижскую пустыньку, в Пюхтицкий монастырь, где их не знали и можно было ходить на службы, не опасаясь, что на них донесут. Любили они бывать и в Почаевской Лавре, там они исповедовались у старца Амфилохия (в то время Иосифа Головатюка), ныне прославленного в лике святых. Первоначально они всей семьей ездили на исповедь и за благословением к архим. Иоанну (Крестьянкину) в Псково-Печерский монастырь. Позже стали ездить в Троице-Сергиеву Лавру, где у батюшки Вячеслава был духовный отец — архимандрит Наум. Однако удобнее всего было добираться

Протоиерей Вячеслав Куркин

до Эстонии. В Пюхтицком монастыре в 60-е годы жила блаженная старица Екатерина, к которой приходила и семья Куркиных. Однажды старица спросила у Вячеслава: «А кто твоя мать?» Все, кто находился в ее келье, указали на его родительницу. Но старица возразила: «Не-ет! Его мама — София Премудрость!»

Заметил отца Вячеслава и в то время служащий в монастыре отец Гермоген: «Ну что ты ездешь туда-сюда? Оставайся у нас, священником будешь!» «Я же инженер!» — возразил отец Вячеслав. — «Ну и что? Сейчас закрой глаза, брось палку, и попадешь в инженера. А ребенка покрестить, старушку отпеть — некому!» Эти слова отца Гермогена стали как бы «закваской» и всходили в душе отца Вячеслава целый год.

Батюшка Вячеслав говорил: «Я очень любил проповеди и с 1976 года заучивал наизусть проповеди отца Иоанна Сан-Францисского, владыки Антония Сурожского и отца Владимира Родзянко, впоследствии епископа Василия. Феноминальная память позволяла заучивать большие тексты проповедей, на которых сформировалось мое мировоззрение».

На праздник Успения в Свято-Успенском Пюхтицком монастыре 28 августа 1977 года состоялось рукоположение отца Вячеслава в диакона митрополитом Эстонским и Таллиннским Алексием (Ридигером), в сослуже-

нии с архиепископом Горьковским и Арзамасским Николаем и епископом Уфимским и Стерлитамакским Валентином. 12/25 февраля 1978 года отца Вячеслава рукоположил во священника в Пюхтицком женском монастыре митрополит Алексей (Ридигер), и 30 июня того же года направлен на приходы г. Кохтла-Ярве и г. Кивиыли вторым священником. 30 августа 1988 года отца Вячеслава возвели в сан протоиерея.

Еще живы люди, которые видели, в каком плачевном состоянии пребывали Спасо-Преображенский храм и окружающая его территория. Подвал был затоплен водой в весенне-осеннее время, ограды не было, о трапезной и гостинице не мечтали даже. Службу отец Вячеслав порой вел в пустом храме, или 1-2 человека было молящихся. Но батюшка взял за правило совершать службы каждый

день... и народ потянулся в храм. В основном это были женщины, на плечи которых выпали самые тяжелые труды: осушение подвала, цементирование стен и пола, чтобы грунтовые воды не просачивались. Возводили ограду своими силами, построили временку, а потом трапезную, диаконскую, гараж, слесарку, гостиницу, просфорную...

В 1989-м году начались реставрационные работы по восстановлению Никольского храма в Ямах, и отец Вячеслав со своей сплоченной бригадой ездили туда помогать строить.

В 1990 году заложили новую церковь в г. Силламяэ в честь Казанской иконы Божией Матери, и снова были востребованы знания по строительству батюшки Вячеслава.

В Пюхтицы на постриг отца Гермогена приезжал архимандрит Иоанн (Крестьянкин) с послушником. Батюшка Вячеслав служил литургию после рукоположения. Отец Иоанн заходит в алтарь и неожиданно просит у отца Вячеслава: «Батюшка, благослови в дорогу!» Батюшка Вячеслав оторопел. А отец Иоанн успокоил: «Ничего, ничего! Все будем поклоняться Кресту!» Впоследствии батюшка Вячеслав, бывая в Псково-Печерском монастыре, всегда был принят старцем Иоанном Крестьянкиным. Он говорил: «Из Эстонии никуда не уезжай — спасешься!» «Высокой духовной жизни был отец Иоанн! Почему он так сказал? — вспоминает батюшка Вячеслав, — потому что в то время я занимался

активно ремонтом храма, и одна прихожанка, увидев мои возможности, стала агитировать меня переехать в г. Любань, чтобы восстановить там великолепный храм. Я уже собирался туда поехать, но сказал ей, что нужно благословение митрополита Алексия (Ридигера). Она подловила его

в Питере после праздничной службы и изложила суть дела. Владыка Алексей запротестовал: «О, нет, нет!» И погасил все наши порывы.

С 1993 по 2003 год отец Вячеслав проводил занятия воскресной школы, в основном ради новой волны людей, желающих изучать православную веру. Было очень интересно. На первом же занятии он объяснил значение церковнославянского языка для православного христианина:

— Ведь учим же мы немецкий, английский? А почему бы не выучить свой, славянский язык?

После занятий я подошла к батюшке и сказала: «Да, учить славянский язык надо!» Он благословил меня, довольно скоро я научи-

лась читать по-славянски, и хочу сказать, что протестуют против этого молитвенного языка только те, кто не усвоил для своей души пользу православной славянской молитвы. Каждое воскресенье занятие давало не только новые понятия о православной вере, но и придавало новый импульс к жизни христианской. На занятиях отец Вячеслав подчеркивал нам значение церковнославянского языка, употребляемого в богослужении, говорил о его красоте и особой сакральности. Неустанно рекомендовал читать святоотеческую литературу*.

А теперь обратимся к воспоминаниям разных людей о дорогом батюшке — протоиерее Вячеславе Куркине.

* Авторский материал размещен на сайте Преображенского храма г. Кохтла-Ярве:
<http://k-jhram.ee/svyatoj-xrama/pravednik-dostigshij-sovershenstva>

Протоиерей Владислав Алёшин:

Начну немного издалека: Вятка — важное для меня место, где проживают родные и друзья, которых изредка, но навещаю. Там перед армией в 1989 г. принял Святое Крещение и, можно сказать, начал свою духовную жизнь. Там же, отслужив два года в армии, окончил филологический факультет в Госуниверситете. Уже позже, познакомившись с отцом Вячеславом, сблизился в Кирове с его духовными чадами: певчими Свято-Серафимовской церкви Лидией Афанасьевной и Александрой, ныне почившей. Эти благочестивые люди сыграли не последнюю роль в моем воцерковлении. По окончании учебы в вузе в 1997-м пару лет преподавал русский язык и литературу в Кохтла-Ярвеском Политехникуме, являясь прихожанином Спасо-Преображенского храма. В то время вокруг батюшки образовалась группа молодежи, которая помогала ему не только на службах, в алтаре, на клиросе, но и в хозяйственных делах и стройке, которая, к слову, никогда не прекращалась. Жизнь кипела, без работы никто не оставался, каждому деятельный настоятель находил дело по способностям, даже презренным обществом «асоциалам»: алко- и наркозависимым, бывшим экам. Народный протоиерей кормил малолетних токсикоманов и «бомжей». Нам доводилось участвовать и в установке куполов на храм, и в охране церковного огорода. Нужно знать наш регион, чтобы понять специфику —

в 90-е голодные подростки однажды выломали фанерную стену кухни и унесли кастрюли с покрашенными пасхальными яйцами... Недаром блаженной памяти Патриарх Алексий II, когда его спрашивали о самых трудных годах служения, называл ими годы настоятельства, проведенные на северо-востоке тогдашней ЭССР. Бытовое пьянство и преступность с малых лет в невзрачных шахтерских городках, окруженных болотами — вот та тернистая нива, где приходилось трудиться сеятелям.

Будучи инженером-строителем, отец Вячеслав понимал чертежи с полувзгляда, а мог прочесть наизусть и стихи Пастернака, прослезиться на проповеди. Мы копали погреб, не раз перекрашивали алтарь, добиваясь нужного блеска. Все работы выполнялись с душевным подъемом, потому что рядом с нами был человек, всей душой преданный Церкви и посвящавший ей все свое время, без преувеличения — всю жизнь. Пример такой искренней самоотдачи, конечно, влиял на окружающих. Не в похвальбу будет сказано — мы бегом бежали на службы за несколько километров. Становилось понятным, что за внешней простотой скрывалась глубина. Батюшка был неприхотлив в еде, одежде. Но был любознателен, интересовался новостями науки и техники. Когда Издательским отделом Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата публиковались новые книги или альбомы с видами мест-

ных храмов, то, уже будучи тяжело больным, радовался новинкам... Это был думающий, рассудительный человек. Он не спорил со строптивыми прихожанами, избегал интриг, творил много милостыни: монастырям, бедным приходам (облачения, книги), многодетным священникам, семинаристам. Вникал в трудности каждого. Так воспитывал и пасомых, потому что процесс воспитания происходил на личном примере, можно сказать, исподволь. Также проводил беседы в учебных заведениях, сам вел воскресную школу при храме. Создал детский хор и библиотеку. Брал нас делегатами на Соборы, возглавлял паломнические поездки.

Меня отец Вячеслав, наряду с Мартином Смирновым, Сергеем Афониним, Игорем Осколковым, Андреем Алексеевым приглашал в алтарь пономарить — помогать читать многочисленные поминания, подавать кадило, выходить со свечой. Тогда на приходе несколько человек уже учились в Свято-Тихоновском богословском институте, мне же, вслед за Сергеем Косенко, было благословение поступать в Московскую Духовную семинарию. Так в 1999 г. я, с Божией помощью, поступил туда, а по окончании в 2003-м полтора года служил чтецом в храме Нарвской иконы Божией Матери города Нарвы. Дорогой батюшка совершил наше венчание с певчей Ксенией Копсо из Таллинна в родном Паванду, ставшее для него, увы, последним совершен-

ным браковенчанием. В конце 2004 г. меня рукоположили в сан диакона, в коем я прослужил около года в знаменитой Богоявленской церкви города Йыхви. 13 ноября 2005 г., на память священномученика Иоанна Кочурова, Высокопреосвященнейший митрополит Таллиннский и всея Эстонии Корнилий совершил иерейскую хиротонию и направил меня на юг Эстонии, в неведомый город Валга.

Часть сорокоустов мне посчастливилось послужить под руководством духовного отца, что, несомненно, ценно. Он много молился в храме, на кладбищах, порой за службу прочитывали по несколько акафистов празднуемым чтимым иконам Богородицы или святым угодникам, молебны пелись без сокращений. Престольные праздники были действительно особыми днями для всех. Пребывая в молитве, батюшка много не говорил: один раз скажет — даст совет, дальше как хочешь. Не настаивал на своем. Это был по духу настоящий воин, аскет. Заслуженный протоиерей был послушен своим наставникам, чтит Патриарха и архиерея, игуменью Варвару Пюхтицкую. Стяжал послушание. Если его духовник из Троице-Сергиевой Лавры старец архимандрит Наум сказал: «Поступай в семинарию», — батюшка в тот же год поступил заочно в Санкт-Петербургскую Духовную семинарию безо всяких возражений, несмотря на свой шестидесятилетний возраст, и успешно окончил ее. Духовный собрат

из Кингисеппа архимандрит Гурий, как-то навещая больного старца, сказал: «Отец, ты бы ремонт сделал!» Батюшка тут же за послушание начал ремонт.

Отец Вячеслав был одним из духовных столпов, оплотом духовности Ида-Вирумаа для всех приходящих к нему в те непростые годы: простецов, неофитов, юнцов и интеллигентов. Сильная вера и молитва влекли людей, о нем знали и в любимом им городе на Неве, и в Финляндии, Германии, США. Мы, недостойные чада, и теперь помним нашего духовного отца, поминаем наставника правой веры и стараемся на него равняться.

Ирина:

В 2003 г. я ездила в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру на учебу. Перед отъездом, по обыкновению, позвонила батюшке Вячеславу и попросила его помолиться о моем путешествии. В ходе разговора я заинтересовалась: «Батюшка, может, что-то надо привезти?» Он ответил, что собрали на приходе деньги на ризу. Мое сердце сразу откликнулось предложением: «Давайте я куплю!» «А ты понимаешь в ризах?» — задал вопрос батюшка. Конечно, я ничего не понимала в ризах, но очень хотелось что-то приятное сделать для батюшки. И он благословил меня съездить в Софрино и купить ризу, то есть комплект священнического облачения. Для меня это было честью. К сожалению, в прода-

же оказалась лишь одна белая риза с золотыми крестами на ткани. Ее я и купила, привезла сразу домой к батюшке Вячеславу. Рукава оказались немного узкими, их пришлось расшивать. Он служил в ней на Рождество, но я отсутствовала и не видела его в новой ризе. Наступил день Преображения Господня. На этот раз у меня была возможность приехать в Кохтла-Ярве на престольный праздник. Шла архиерейская служба, возглавляемая владыкой Корнилием. В этот день всегда бывает тепло и солнышко «играет» на небесах, как будто тоже участвуя в празднестве и посылая христианам свое приветствие в виде огненных всполохов. Начался крестный ход. Владыка Корнилий освятил горы фруктов, принесенных прихожанами в корзиночках, сумочках и всевозможных тесках. В основном это были яблоки. Все красиво и хоро-

шо, но одно томит мое сердце: «А где “моя” риза? Почему батюшка не в ней?» И тут меня окликает женщина и говорит, что меня зовет батюшка Вячеслав. Я поворачиваюсь к нему, а он указывает знаком на отца Александра Крушевского: мол, видишь — вот она, «твоя» риза! Это было уму непостижимо, с какой легкостью батюшка освободил меня от тягостного состояния. В такие моменты сердце ёкает от радости, потому что ты понимаешь, что Господь сподобил тебя увидеть краешком глаза духовную, потаенную, узкую, святую дорожку, идущие по которой способны понимать друг друга без слов!

Очень я любила встречать батюшку в городе. Батюшка благословит, и весь день радостный. Благословляя, говорил: «Ирочка, храни веру православную!» От этих слов у меня всегда на глаза накатывались слезы. Такие встречи запоминаются на всю жизнь. Позже поняла, что когда я встречала батюшку, он по-разному благословлял. Если в моей голове были плохие мысли, то батюшка по голове стучал; когда же я пребывала в радостном состоянии души — давал руку.

Инокания (при храме) Ксения (Карпина):

Произошло это на вечерней службе. Я нечаянно заметила, что на канон принесли только полбуханки хлеба. Подумалось: «Вот сейчас батюшка отдаст хлеб мальчишкам, а нам и поужинать будет не с чем». Вскоре

выходит батюшка из алтаря, подзывает меня и говорит: «Подели пополам хлеб. Половину мальчишкам, а половину вам на ужин». Я обомлела, догадавшись, что батюшка прочел мои мысли.

Очень жаль, что не всегда сразу воспринимала слова батюшки Вячеслава как безоговорочное руководство к действию. Вроде и брала благословение, понимая, что оно очень важно для христианской жизни, но порой поступала по-своему. Господь же не посрамил Своего служителя. Дело было в 1998 г. Намечалась целая неделя отгулов, которые я собиралась использовать для поездки к дочери в Питер. К моему великому удивлению, благословляя в путь, батюшка Вячеслав советовал возвращаться через три дня. Дух мой возмутился. Я стала убеждать батюшку, что у меня семь дней свободных.

По какой причине я не должна их использовать сполна? Батюшка повторил: «Приезжай через три дня». Я не послушалась и прожила у дочери всю неделю. Вернувшись домой, почувствовала что-то неладное: мужа не оказалось дома. Не появился он и на второй день. Не было его и на работе. Поиски закончились тем, что неопознанный мужчина, находившийся в морге со среды, оказался моим мужем Алексеем. Шок. Слезы. Воспоминание батюшкиных слов: «Возвращайся через три дня!» Если бы я послушалась, то все могло быть иначе!

Инокания Магдалина,

в миру Екатерина Ивановна Ермолаева:

В Преображенскую церковь на Паванду я стала ходить с 1947 г., тогда настоятелем служил отец Константин Кюммель. Время было трудное, послевоенное. В 1978 г. к нам на приход направили служить отца Вячеслава Куркина. Я сразу же сдружилась с его родной сестрой Зоей Александровной. Мы вместе ходили в лес по грибы-ягоды, ездили к ним на квартиру в Ленинград (Колпино), несколько раз ночевала с Зоей в Йыхви во время отсутствия батюшки.

Как-то днем у себя дома я почувствовала сонливость и прилегла отдохнуть. Сразу же уснула, но сквозь сон слышала, что зазвонил телефон. Мне не хотелось вставать, я даже возмущалась: кто это не дает мне спать? Даже

попыталась закрыть уши подушкой, только бы не слышать этих бесконечных звонков. Но и это не помогало. Пришлось встать и подойти к телефону.

А в это время на Паванду, как обычно в 16.00, началась вечерняя служба. Неожиданно из алтаря выходит отец Вячеслав, подзывает к себе Зою Александровну и говорит ей: «Звони Кате!» Зоя Александровна позвонила несколько раз, но к телефону никто не подходил. Батюшка настаивал: «Звони, звони еще! Она дома!» Зоя Александровна терпеливо продолжала набирать номер телефона своей подруги, ожидая ответа. Наконец Екатерина Ивановна взяла трубку. Тут же из алтаря вышел батюшка Вячеслав и направился к телефону.

Итак, я сняла телефонную трубку и услышала знакомый голос батюшки: «Ты что, спишь? Иди на кухню и посмотри, что у тебя там! Открывай быстрее окна!» Войдя на кухню, я почувствовала резкий запах газа. Немедленно открыла окна и двери, чтобы проветрить квартиру. Постепенно я восстановила в памяти свои действия перед тем, как прилечь на диван. На газовой трубе над плитой висело полотенце. После мытья посуды я взяла это полотенце, чтобы вытереть руки, и нечаянно повернула газовый краник в положение «открыто». Пока хлопотала на кухне, надышалась газом, и меня склонило ко сну. Если бы не батюшка Вячеслав, мой сон мог плавно перейти в вечный.

Несколько лет я ухаживала за своей престарелой мамой Марией. Батюшка Вячеслав два раза в неделю приходил к нам причастить маму по моему приглашению. Однажды в субботу около 10 часов утра неожиданно приходит отец Вячеслав без приглашения. Я ему говорю: «Собиралась вас в понедельник пригласить». На это батюшка ответил: «Да я по пути зашел. Недалеко от вас еще один вызов к больному был». Мама причастилась, а на следующий день, в воскресенье, в 10 утра в возрасте 85 лет мирно отошла ко Господу. Это было 3 июля 1983 г. Я была очень удивлена происшедшим и спросила у батюшки: «Как вы догадались прийти к нам в субботу?» — «А меня Божья Матерь прислала», — ответил отец Вячеслав.

Через полтора года после нашей беседы инокиня Магдалина мирно отошла ко Господу (06.12.1919–03.09.2013).

Алла (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ):

Мой счастливый брак омрачало одно обстоятельство: у нас 10 лет не было детей. Встав на путь православный веры, я познакомилась с известным питерским старцем отцом Василием (Лесняком). Он уверил, что Господь пошлет детей, но прежде необходимо обвенчаться. Мы с мужем Валерием пришли к решению венчаться в Пюхтиц-

ком монастыре, который посещали неоднократно. Свое намерение мы высказали отцу Ермогену, служившему в то время в монастыре. Но он объяснил нам, что в монастырях не венчают, это возможно сделать разве что в Никольской кладбищенской церкви. И, немного подумав, посоветовал съездить в Кохтла-Ярве на Паванду к только что рукоположенному священнику отцу Вячеславу. Мы приняли второй совет и поехали на Паванду, в Спасо-Преображенский храм. Отец Вячеслав был занят строительством, вышел к нам в рабочей одежде, с инструментами в руках. Узнав о цели нашего визита, очень обрадовался, и мы быстро договорились о времени венчания. Это было первое венчание в служебной практике батюшки Вячеслава. Прихожане храма сделали для нас дорожку из живых ромашек. Все было удивительно красиво, благолепно и возвышенно. После окончания Таинства Венчания батюшка Вячеслав напутствовал: «Ну, дочку привозите крестить тоже ко мне!» Мы восприняли это как шутку. И хотя мечтали о сыне и даже имя ему приготовили — Евгений, но через год у нас родилась дочь. Только тогда мы вспомнили о «шутке» отца Вячеслава и решили приготовленное заранее имя оставить дочери.

Прошло несколько лет после венчания, на обретение мощей прп. Серафима Саровского в 1991 г. я приехала в Александро-Невскую Лавру. Рядом со мной стоял

священник, внешность которого мне была знакома, но где я его видела — не могла вспомнить. Лишь когда кто-то к нему обратился по имени, вспомнилась церковь на Паванду в Эстонии и наше венчание. Я была очень удивлена его внешнему изменению: внутренний духовный мир, основанный на ежедневном служении литургии, преобразил его до неузнаваемости. Подошла к нему под благословение и напомнила ему о себе, думая, что он тоже забыл. Но последовал вопрос: «А как Валера?» Я рассказала о его трагической гибели. Отец Вячеслав понял мое внутренне тягостное состояние и не отпустил сразу, а повел на священническую трапезу. С тех пор завязались у нас дружественные отношения, не прекращавшиеся вплоть до его кончины.

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ АВТОРА:

Когда приходишь в храм и начинаешь присматриваться и прислушиваться к происходящему там, то понимаешь, что быть христианином — это означает желание быть причастным к духовному миру, от которого человек отгородился, ставя на первое место заботы мира сего. Для того чтобы понять духовную жизнь, необходимо встать на дорогу веры и сделать первый шаг. А дальше окружающие люди подскажут, что положено делать. Вскоре я выяснила,

что православному христианину необходимо освятить свою квартиру. Батюшка Вячеслав пообещал сообщить, когда он будет в нашем микрорайоне совершать требы. И в один из дней он пригласил меня поучаствовать в освящении квартиры одинокой женщины в соседнем доме, мотивируя это тем, что нехорошо оставаться один на один мужчине с женщиной. Я очень удивилась его словам. После мы пошли освящать мою квартиру. К слову, дети были дома. Отец Вячеслав приготовил все для освящения квартиры: зажег свечу, открыл требник и приступил к делу, к молитве. Я же «витала в облаках» и этим только мешала батюшке, не понимая. На стене висела акварельная картинка, нарисованная мной, и мне очень хотелось, чтобы батюшка узнал об этом. Вот, думаю, спросил бы он: «Кто это нарисовал?» — а я бы ответила: «Это я!» Но батюшка сосредоточился на молитве и смотрел вперед, на окно. Я же думала только о картинке. И вдруг батюшка прервал молитву, не отводя взгляда от окна, правой рукой указал на картинку и строго спросил: «Ты нарисовала?» Я чуть было не подпрыгнула от радости: «Да!» И успокоилась, стала следить за действиями батюшки. Лишь потом стала раздумывать: а как он догадался? Он ведь на картинку и не посмотрел!

* * *

В апреле 1995 г. батюшка поинтересовался, почему я не хожу на такие хорошие пасхальные службы, и я поняла, что после работы должна явиться в церковь. Службы были по полтора часа утром и вечером. Батюшка Вячеслав благословил меня сходить к болящей Людмиле отнести пасхальное яичко. Потом староста Анна Васильевна присовокупила кулич, а батюшка добавил просфору богородичную, лимон... целая кошелка гостинцев набралась. К сожалению, я не уверена была, что вспомню точный адрес Людмилы. Подъезжаем с батюшкой на автобусе к Йыхви, где он проживал на одной улице с Людмилой, я спрашиваю:

- Мне сейчас идти или в другой раз?
- Сейчас.
- Можно с вами по пути?
- Можно.

И я, счастливая, пошла. Шли дворами. Играющие во дворе детишки, увидев батюшку, бросились к нему со всех ног. Отец Вячеслав покраснел, посмотрел на меня и сказал, как бы оправдываясь:

— Я им всегда что-нибудь даю из сладостей... а сейчас нет ничего.

Шли, а я все думала, как я найду квартиру Людмилы, и предположила, что неплохо было позвонить ей от батюшки. Тут же услышала:

— Пойдем от меня позвоним. Зачем мучиться?

Вздрогнув от неожиданности ответа на мои мысли, сразу согласилась. Людмила собиралась принять ванну и сказала, что я правильно сделала, что предупредила, иначе б она не услышала звонка в дверь.

В начале нашего знакомства я считала, что это совпадения, когда на мои мысли слышала точный ответ. Но однажды я полностью поняла, что это не совпадения: батюшке открыты помышления других людей. Это невероятно, но был между нами диалог, когда я мысленно не соглашалась с батюшкой и приводила свои доводы, а он на мои невидимые и произнесенные доводы отвечал вслух. Тут уж ни о каких совпадениях не могло быть и речи!

* * *

В один из дней мне довелось провожать батюшку Вячеслава на железнодорожный вокзал на московский поезд. Шли от его дома размеренным шагом. Батюшка молчал. Взглянув на часы и сопоставив время с временем прибытия поезда, я забеспокоилась, что батюшка может опоздать, — надо поспешить! Он никак не прореагировал на мое замечание и не ускорил шага. Через какое-то время я повторила свою просьбу, чуть ли не забежая вперед него, пытаясь найти в его лице отклик моему беспокойству. Но батюш-

ка Вячеслав шел неспешной походкой, глядя вперед, и нисколько не обращал на меня внимания. Часы неумолимо показывали время, когда поезд должен был через пять минут отправляться на Москву, а мы еще не подошли к вокзалу. Я опять настойчиво-жалобно произнесла: «Батюшка, вы ведь опоздаете!» Он молчал и продолжал шагать выбранным изначально темпом. Наконец мы вышли на перрон, полный будущих пассажиров. Поезда не было, хотя по времени он должен был быть на месте. Батюшка стоял с невозмутимым видом, продолжая смотреть вдаль. Только через 15 минут вдалеке из-за поворота показался ожидаемый всеми состав. Я была в растерянности, просто не могла поверить, как можно заранее знать, что поезд опоздает и торопиться не надо. А батюшка Вячеслав всем поведением показывал, что он соизмеряет свою жизнь с другим временем, с другими часами, не с земными законами бытия, что придает его жизни уверенность в однажды выбранном им земном пути.

* * *

Порой оттого, что в жизни все было спокойно и ладно, хотелось петь и танцевать. Но это было не по-христиански. Потому что однажды в разгар моего «веселья» зазвонил телефон, и я замерла, как парализованная, услышав батюшкин голос: «Ну... может... хватит уже танцевать?»

* * *

Очень похожий случай мне рассказала прихожанка нашего храма В. Как-то во время ее пребывания в гостях у родственницы мирная беседа за чаем перешла в спор, а потом в ссору. Страсти накалялись, родственница все большее и большее ранила словами душу В., которая из последних сил сопротивлялась, чтобы не сказать что-нибудь дерзкое в ответ. Но, услышав в свой адрес очередную порцию обидных слов, В. подумала в сердцах: «Ну, сейчас вот возьму мусорное ведро и надену тебе на голову!» — уже протягивая руку к ведру. И тут зазвонил телефон без определителя номера звонившего. В. нажала на кнопку и услышала голос батюшки Вячеслава: «А ты где сейчас?» — «У родственницы!» — «И что ты делаешь?» — «Собираюсь уходить...» — «Ну, хорошо. Тогда я буду спокоен», — закончил разговор батюшка. А В. ужаснулась своей мысли: «Это что такое? Неужели батюшка Вячеслав видит меня в любую минуту?» Ссора как началась неожиданно, так и закончилась.

Батюшка, постоянно пребывая в молитве, чувствовал состояние своих подопечных и немедленно приходил на помощь, развеивая скопившиеся над легкомысленными головами черные тучи.

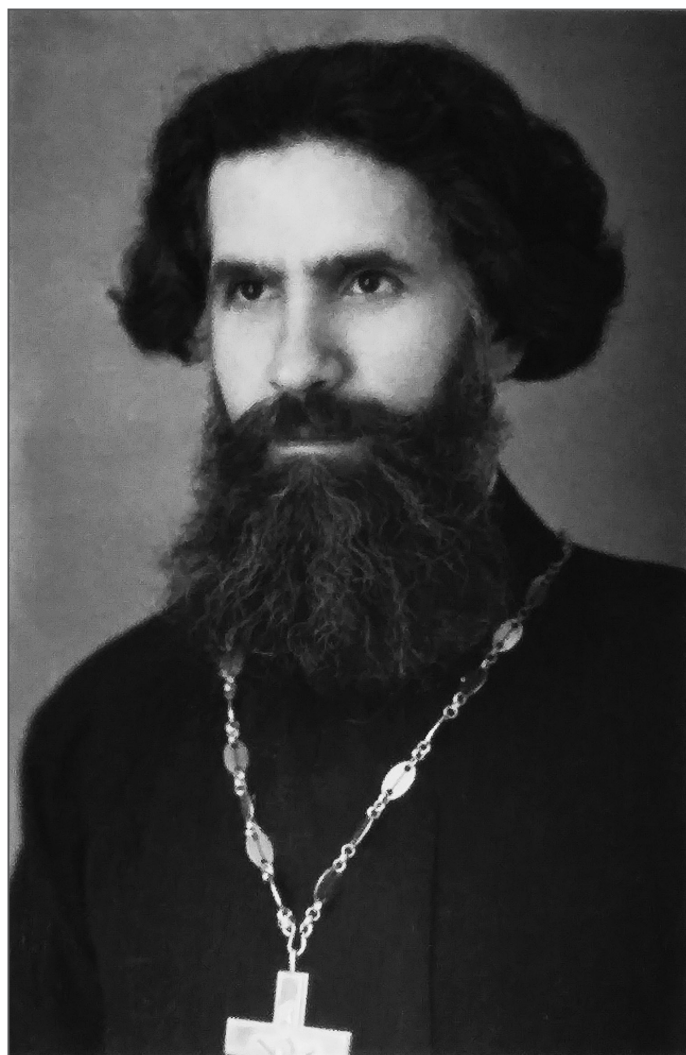
* * *

Батюшка Вячеслав обладал тонким юмором, которым разряжал обстановку порой самую неюмористическую. Эту способность поддерживать и вдохновлять собеседника он не потерял, даже будучи на одре болезни в последние шесть лет жизни. Как-то перед престольным праздником Преображения Господня я поинтересовалась у батюшки, приедет ли он на службу. Батюшка оживился, в глазах промелькнули задорные искорки, и он с улыбкой ответил: «Это как Паркинсон решит», — давая понять, что все будет зависеть от состояния здоровья: он страдал болезнью Паркинсона.

Протоиерей
ВАСИЛИЙ ЛЫСАК

Составителю этой книги в ранней молодости Господь подарил встречу с отцом Василием Лысаком, потом, после отделения Эстонии, с батюшкой долго не виделись. И настоящая духовная встреча произошла в Таллинне спустя почти 20 лет после кончины дорогого отца Василия. Духовные чада батюшки рассказали, как он помогал им, каким он был прозорливцем и целителем, одним словом — старцем. Мы записали эти рассказы и публикуем в книге.

Василий Харитонович Лысак родился 1 сентября 1927 года на Украине, в Ворошиловградской области, в крестьянской семье.

Его отец всегда ревностно ограждал детей от любых попыток извне подорвать православный уклад жизни. Однажды в сельском клубе показывали фильм, в котором с издевкой был выведен священник. Отец сразу же увел сына из клуба, в который они уже больше не ходили.

Во время страшного голода 1933 года умерли два брата Василия, семья бедствовала.

Незадолго до начала войны Василий переехал к старшему брату на станцию Алчевск на Донбассе. Этот переезд был промыслительным: именно там Василий познакомился

с благочестивым старцем Дмитрием Крымцевым и его матушкой.

Они вместе читали Священное Писание, и Василий большую часть времени проводил с этими близкими ему по духу людьми. В этот период ему снились особые сны. Когда Василий поведал о них старцу, тот заплакал и сказал: «Ты будешь священником, а сейчас как можно скорее уезжай отсюда — будет война».

Когда началась война, Василий был призван во флот, был ранен, лечился, но, отказавшись перейти в тыл, снова вернулся в действующую армию. Позднее он был переведен в Кронштадт, имел орден и шесть медалей.

Окончание войны Василий встретил в Таллинне, был оставлен на сверхсрочную службу. Его часть располагалась в Копли, где он при любой возможности посещал Никольский храм, в котором познакомился со своей будущей женой — Лидией Михайловной Лукашиной. Венчались они на подворье Пюхтицкого монастыря в 1948 году. Уволившись из армии, Василий работал на фабрике резиновых изделий «Пыхьяма». Двум своим чадам, отдельно отец Василий рассказывал как познакомился со своей будущей матушкой Лидией:

«Как то раз в увольнении я шел по улице, и вдруг какая то пожилая эстонка с удивлением и со слезами на глазах подошла ко мне со словами: “Гриня!, мой Гриня!” Оказалось, что я был очень похож на ее убитого на войне сына.

Протоиерей Василий Лысак

Выпускники СПб Духовной Академии

Она пригласила меня в гости и я решил пойти. Мне предложили чай. Немного посидев, я временно отлучился, обещав вскоре вернуться. А когда я вернулся, там уже сидела молодая и красивая девушка... И ее звали Лидия. Позднее Лидия рассказывала свой сон до их знакомства, что ей на ладошку сел воробей. Она пыталась согнать его с руки, но он не улетал. И когда она узнала длинное имя из семи букв — Василий, то вспомнила свой сон про воробья, сопоставив: Василий, воробей, военный».

Супруги стали окормляться духовно у старца Симеона в Печерской обители. Однажды старец сказал о них, что это будущие батюшка и матушка. В 1954 году Василий поступил в Ленинградскую семинарию. Здоровье его было подорвано войной, и отец Симеон благословил рукополагаться к приходу, кото-

Отец Василий и отец Валерий Поведский

рый назначит ему правящий архиерей, и переходить на заочный сектор обучения.

16 декабря 1956 года епископом Таллиннским и Эстонским Иоанном Василий Лысак был рукоположен во диаконы к Таллиннскому Александро-Невскому кафедральному собору. Ровно через год и три месяца, 16 марта 1958 года, епископ Иоанн рукоположил отца Василия во иерея, оставив в причте собора, а в 1959 году он был назначен настоятелем Коплинского Никольского храма, где прослужил до конца дней своих.

Храм был бедным, требовал ремонта, на который средств не имелось. Но Господь наделил отца Василия особым даром: за какую бы работу он ни брался, она у него получалась не просто хорошо, а превосходно. У него были поистине золотые руки.

Отец Василий и отец Петр Серегин

Отец Василий умел починить любую вещь, он прекрасно шил, вышивал, делал митры. Его руками приведена в порядок вся ризница храма: он реставрировал пришедшие в ветхость облачения, шил новые, собственными руками красил крышу, стены храма и снаружи, и внутри, ремонтировал крышу, по собственным чертежам сделал новые купола, перекладывал печи — да всего и не перечислить. У отца Василия был художественный вкус, и он помогал отцу Алипию расписывать Сретенский храм в Печорах.

В трудные 1990-е годы по благословению старца архимандрита Кирилла (Павлова) батюшка находил благотворителей, которые жертвовали муку, растительное масло, сахар, и этим поддерживались малообеспеченные прихожане храма. Тогда же он

предпринял труд по сбору пожертвований на восстанавливающийся Николо-Вяжицкий монастырь в Новгородской епархии, лично сам батюшка на грузовой машине сопровождал все, что было тогда собрано: кровати, матрасы, шторы, тумбочки из гостиницы «Ранна», которая шла на капитальный ремонт. Сохранилось благодарственное письмо насельниц обители. Отец Василий часто приезжал к отцу Петру, как к своему духовнику. А когда отец Петр вышел за штат, то он каждую Пасху ездил по благословению митрополита Алексия вместе со своими духовными чадами в Таллин к отцу Василию в Никольскую Церковь в Копли.

Но это только внешняя сторона жизни настоятеля, а «сокровенный сердца человек» был глубоко внутри. Внешне отец Василий был прост, любил пошутить, но порой шутка скрывала очень серьезные наблюдения и указания.

Он был молитвенником и предстателем за свою паству. Старец Симеон говорил о нем: «Это проскомидийник». Проскомидию отец Василий совершал долго. Часто в проповедях объяснял, какое великое значение имеет то, что вынутая за живого или умершего человека частица омывается Кровью, приводя слова молитвы: «Омый, Господи, грехи всех поминавшихся zde...»

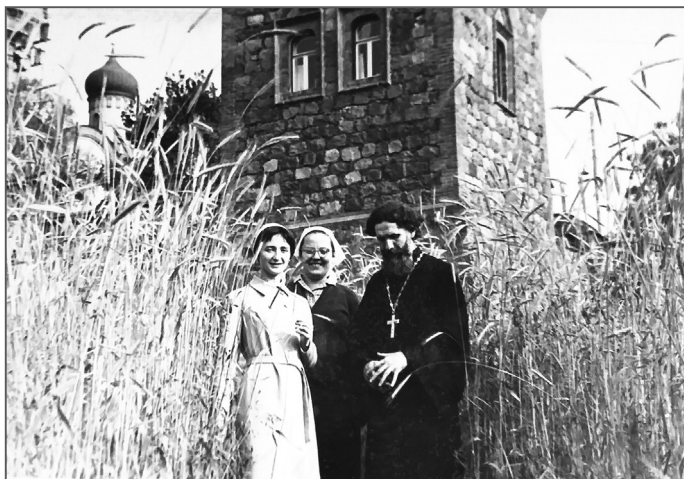
Отец Василий по-отечески заботился о своей пастве. Когда в храме нужно было собрать народ для уборки, разгрузки топлива

и т. п., он обязательно благословлял общую трапезу для тружеников. Если с кем-то случалась беда, он готов был идти на помощь в любое время дня и ночи. Его благословением дорожили многие, не предпринимая без совета отца Василия никаких серьезных шагов. Но своей воли батюшка не навязывал никогда, говоря: «Я думаю, надо поступить так, а впрочем, как вы хотите».

Все прихожане были ему дороги. Вспоминается такой случай: в Великую Пятницу в 1990-е годы после выноса Плащаницы у одной старушки, уборщицы храма, пока все молились, украли сумочку. Вора догнать не смогли, а отец Василий стоял и плакал, приговаривая: «Вы все мне дороги, как пальчики на руках. И случись что с одним, болит вся рука».

Выход из любых ситуаций он видел в терпении, чему и учил своих пасомых. Отец Василий всегда с благодарностью вспоминал валаамских старцев, живших в Печерском монастыре, особенно чтит отца Симеона. Он окормлялся у отца Петра (Серегина), а в Таллинне у отца Василия Поведского.

Отец Василий благословлял перед причащением на Божественной литургии петь только одно песнопение, а не «запричастный концерт», а далее читать молитвы ко Святому Причащению, чтобы в причастниках возбудить должное благоговение перед принятием великой святыни — Тела и Крови Господа.

Певчих не иначе называл как, «птички певчие», и, зная их трудную жизнь, старался им помочь, чем мог. Вообще батюшка отличался деятельной любовью к своей пастве, по слову апостола Павла: «Всем был вся, да некия приобрящу». Отец Василий, если кто-нибудь из прихожан заболел и попадал в больницу, мог сам испечь пирог и прийти в больницу с утешением в скорби. Известен случай, когда он, уже сам очень больной, пришел к одной старушке, чтобы исправить кран, который протекал. И таких случаев его конкретной помощи своим чадам было очень много.

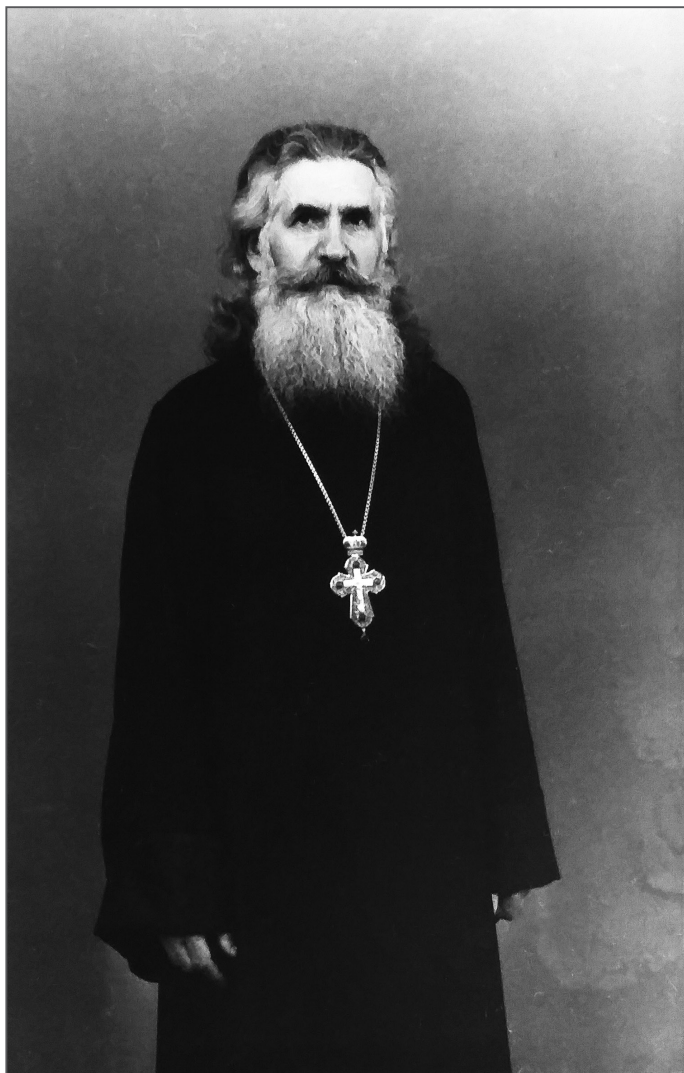
Однажды батюшка обратил внимание на новую прихожанку, которая всю литургию простояла на коленях около иконы Пресвятой Троицы. Когда кончилась литургия, батюшка благословил ее богородичной просфорой. Ста-

рушка заплакала и рассказала свою историю. Родилась она и всю жизнь прожила в Крыму, а дочь вышла замуж и уехала в Таллинн. Когда мать состарилась, дочь и зять уговорили ее переехать в Таллинн. Незадолго до переезда она увидела во сне незнакомый храм и незнакомо-го священника, который дал ей просфору. Когда она переехала в Таллинн, ее водили по всем храмам, но во сне она видела другой и хотела его найти. На ее вопрос, «нет ли еще одного храма в городе», ей ответили: «Есть, в Копли». И когда она приехала, то узнала и храм, и священника, который дал ей просфору. Эта старица долгое время потом помогала супруге отца Василия матушке Лидии в подготовке праздничных трапез и многому ее научила.

В последний год одолеваемый тяжелыми недугами отец Василий не мог часто литургисать, но проводил исповедь, служил панихиды, зная, что усердная молитва за усопших облегчает их загробную участь.

В последний раз отец Василий был на службе в день праздника Всех святых, в земле Российской просиявших, стихира которым «Земле Русская, храни веру православную, в нейже утверждение...» была его любимым песнопением, которое он без слез слушать не мог. Отец Василий часто плакал, совершая литургию или читая воскресное Евангелие, которое напоминало ему о паломничестве на Святую Землю.

Протоиерей Василий Лысак

Отец Василий с матушкой Лидией

Около двух месяцев батюшка с христианским мужеством и кротостью переносил тяжелый недуг, готовясь перейти в обители Небесные. В последнюю неделю он ежедневно причащался Святых Христовых Таин, пребывая в полном сознании и непрестанной молитве.

На второй день Успения Божией Матери, в праздник Нерукотворного Спаса в 2000 году отец Василий скончался. День отпевания батюшки совпал с днем его рождения. 1 сентября архиепископом Таллиннским и Эстонским Корнилием в сослужении таллиннского духовенства была совершена заупокойная литургия и умирительное отпевание. Храм был полон молящимися, пришедшими проводить в последний путь дорогого пастыря. Архиепископ Корнилий, долгие годы близко знавший отца Василия, сказал на погребении теплое слово.

На старинном таллиннском Александро-Невском кладбище, рядом со своей верной и скромной спутницей Лидией Михайловной, упокоился пастырь добрый.

Приведем воспоминания некоторых его духовных чад.

Рассказ старейшей прихожанки храма — ровесницы отца Василия *р. Божией Валентины*: «Интересно, как отец Василий ухаживал за матушкой. Они жили после войны в одном бараке, и отец Василий заметил, что молодая девушка ходит в ботинках, которые “просят каши”. Ее предупреждали: “Тут русский солдат ходит, ты его побаивайся”. А отец Василий потихоньку взял ее ботиночки, которые вечером выставляли в коридор, чтобы починить их. Ведь он был хороший сапожник. Утром Лида встает, а ботинок нет. “Русский мои ботинки украл. В чем мне идти на работу?” Она пошла жаловаться соседкам, а когда вернулась, видит — ботинки стоят на месте и стали как новенькие. Так они познакомились.

Батюшка с Краснодара, и они с матушкой все время туда ездили навестить родню. Там много староверов жило, и вот батюшка рассказывал, как они шли по жаре и попросили попить, а им сказали: “Нет!” Тогда батюшка говорит: “Ну, ради Христа, дайте попить, жена дальше идти не может”. Нашли в кустах грязный ковш для поливки, ополоснули, дали воды, а потом

обратно в кусты бросили. Вот такая там вера. Батюшка это рассказывал нам в назидание.

Хотя батюшка был с юга, он тут у нас быстро обвыкся: устроился работать на резиновый завод, а он такой был хваткий, что норму в три раза превышал, и его даже пригласили в Питер на “Красный треугольник”, чтобы он опытом поделился. В Питере батюшку сводили в Эрмитаж, к нему подошел один человек и спрашивает: “Я обратил внимание на то, что вы очень внимательно рассматриваете картины, как искусствовед. Кто вы?” Батюшка (тогда он еще не был батюшкой) ответил: “Я не искусствовед, просто очень люблю искусство”. Тогда этот человек говорит: “А в церковь вы ходите?” — “С родителями когда-то ходил”. — “Ну, если вы хотите, то я вас приглашаю, приходите в Никольский собор”. — “Не знаю, может быть”. — “Ну, смотрите, я вам дам телефончик, когда нужно будет, позвоните”.

Батюшка в тот раз в церковь не пошел, вернулся в Таллинн, приступил к работе. Но во время следующей поездки все-таки позвонил по телефону, который дал ему незнакомец в Эрмитаже. Он оказался священником и при встрече сказал, что Василию нужно учиться на священника. Так батюшка поступил в питерскую Духовную семинарию. А потом его направили восстанавливать нашу церковь. Я пришла сюда в 1976 году, я была певчей тогда. Холод был страшный, руки и ноги

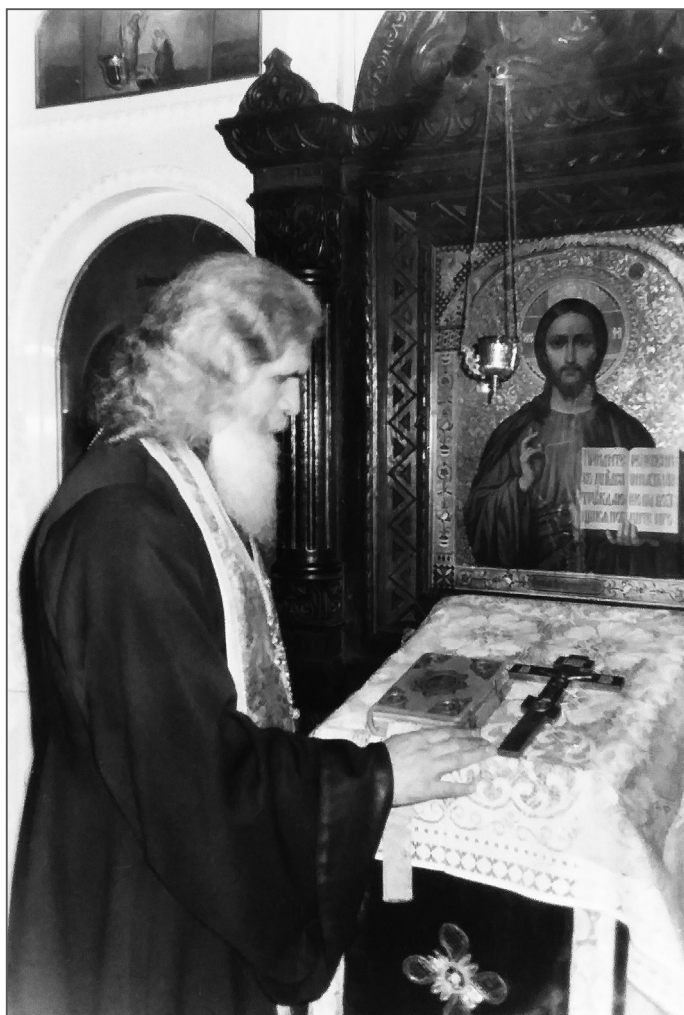
замерзали, но батюшка и в таких условиях постоянно служил. Сам сложил печи, потом стал купол делать, восстанавливать иконостас. Он был на все руки мастер, никакого труда не боялся и народ очень любил».

Вот рассказ *Надежды*, так же прихожанки храма свт. Николая: «Я пришла к батюшке на исповедь с сильной зубной болью. Для меня тогда было трудное время — ребенок маленький, работы нет. И я спрашиваю: “Батюшка, что мне делать?” А он говорит: “После службы оставайся на молебен. Будем молиться”. Он отслужил молебен по Требнику и говорит: “А теперь иди домой и ложись спать”. Я пришла домой, легла, как батюшка сказал и уснула. А во сне чувствую, что у меня идет ремонт зуба, и даже слова врача слышу: “Откройте рот, будем сверлить,

а теперь будет пломбу ставить”. Проснулась — зуб не болит. Денег-то на лечение у меня не было, а батюшка так помог!»

Рассказывает раба Божия Валентина: «Сначала я мало знала отца Василия. Случилось так, что я приболела, и мне посоветовали обратиться к отцу Василию, в Таллинне знали, что его молитва помогает. Мы с ним поговорили, он меня пособоровал, и у меня действительно болезнь отступила.

Но батюшка был строгий. Был такой случай: несколько раз я заметила, что, когда я иду ко кресту, мне все время путь пересекает одна и та же женщина. И вот я уже не выдержала и у батюшки спросила: “Почему она так делает”. И он вдруг так резко говорит ей: “Уходи. Ты сегодня последний раз была здесь на службе”. И потом как-то я ехала в троллейбусе, увидела эту женщину, она на меня смотрела пристально, с другой женщиной о чем-то говорила и руками делала “пассы”. И у меня вдруг стала расти бородавка, даже не бородавка, а большой черный нарост появился. Пришла к батюшке и спрашиваю: “Не знаю, что это такое. И что делать?” Он на каждом елеопомазании большое место помазывал, но я все-таки настояла на том, чтобы он благословил меня идти на операцию, но при этом читать особые молитвы. И вот мне уже назначили день операции, а накануне этого дня у меня сам собой этот нарост отвалился. Отец Василий в храме встретил меня со словами: “Ну-ка, иди сюда.

Ну, где твоя бородавка, нет ее?” Когда я пришла к врачу, он говорит: “Это чудо. Я 30 лет работаю, а такое в первый раз вижу”.

Когда мы батюшке помогали по храму, он потом устраивал большое угощение, все домашнее у него было: творог, сметана, пироги. И вот однажды он согласился приехать к нам на дачу, и я очень волновалась: что же мне приготовить, такой человек придет в гости! А он попросил картошки сварить, и когда я стала воду сливать, то ошпарила руку. Мне стыдно, рука красная, но виду не показываю. Батюшка этого не видел, он был на значительном расстоянии, собирал ягоды в саду, и вдруг говорит: “Ну-как иди скорей сюда. Покажи руку! Давай скорей в холодную воду!” И заставил так долго держать, и ни одного пузырька не было, все прошло. Он часто так видел на расстоянии. Однажды у меня был

нарыв на пальце. Когда я пришла в храм, батюшка был наверху на куполе, и вот он сверху мне кричит: “Подожди, я сейчас спущусь и тебе помогу”. Спустился: “Ну, давай руку”, — помолился, помазал маслицем от лампадки и все прошло.

Батюшка вообще был строгим, строго смотрел, как человек выглядит, не допускал побрякушек на женщинах в храме, изобилия косметики, одежды неподобающей».

Рассказывает *Надежда Васильевна*: «У нас были прихожанки — родные сестры, и у них была онкология. Батюшка сказал им: “Не оперируйтесь, будем молиться”. Одна из них была медсестрой и все-таки сделала операцию, а другая послушалась батюшку. И она осталась жива, а та, которая сделала операцию, вскоре умерла.

Был еще подобный случай. Одна женщина из Марду заболела непонятной болезнью. Ее так скрутило, что ходить она не могла, и родственникам посоветовали обратиться к отцу Василию. Когда ее привезли в храм, он отслужил молебен, дал святой воды, и она понемногу стала двигаться, а потом благословил съездить в Пюхтицы, приложиться к святыням, отслужить там молебен и каждый день пить освященную воду. Она так и поступила, потом, когда поправилась, очень была благодарна батюшке, постоянно к нам приезжала.

Вспоминаются 1990-е, как особенно трудные годы, когда вылезла всякая нечисть.

Было такое, что за алтарь нашего храма и на крышу бросали кости. Я поехала к старцу Кириллу (Павлову) в Троице-Сергиеву Лавру с вопросом: “что делать?” Он сказала: “Надя, это сатанисты ваш храм атакуют. За то, что батюшка ваш очень помогает людям”. Он ведь после литургии особенный молебен служил с просьбой о помощи всем болящим и обремененным скорбями. И так молился, что люди чувствовали облегчение».

Вспоминает *раб Божий Алексей*: «Будучи не воцерковленным и не желающим ходить в церковь, я как-то раз ехал на машине и неожиданно для себя стал глубоко размышлять о своей жизни. Итогом моего размышления оказалось то, что моя вечность будет в аду. Тогда сказав: “Да зачем мне это надо?” — я с уверенностью повел свою машину к храму, где служил отец Василий. Я знал этот храм, так как моя мама просила помочь батюшке по хозяйству и, видимо, надеялась на то, что сердце мое расположится к Церкви. Но оказав помощь, я просто ушел, хотя, видно, не напрасно там побывал. Приехав в следующий раз, я дернул за ручку двери храма, но на мое удивление они были закрыты. Как оказалось, отец Василий в это время был в отпуске на Святой Земле. Когда отец Василий вернулся, началось мое воцерковление. Впоследствии я, сопоставив, понял, что наверняка тогда за рулем машины такая неожиданная перемена произошла во мне по молитвам отца Васи-

лия. Довольно быстро я стал одним из его помощников. И вот как-то раз во дворе храма, занимаясь вместе со отцом Василием по хозяйству, он вдруг, осмотревшись влево-вправо, мне прозорливо сказал: “Алексей! Когда ты сожжешь Престол в этом храме...”, — я сразу же стал возражать и утверждать, что я такое никогда не сделаю. Он меня остановил словами: “Слушай, слушай меня: пепел вот сюда закопаешь”, — и указал одно место у куста. Так и сбылось уже после смерти отца Василия через несколько лет, когда тогдашний настоятель храма решил обновить Престол вследствие его деформации. По благословению настоятеля алтарник распилил Престол, а я его сжег вместе с опилками от распила в церковной печи, так как я был истопником — таким образом исполнив указание отца Василия о Престоле.

В последние годы отец Василий совершал после вечерних богослужений чтение молитвы на всякую немощь, и все жаждущие исцеления выстраивались в очередь перед клиросом, где в свое время совершалась исповедь. Я часто это наблюдал, когда ожидал батюшку, чтобы отвезти его домой. Вот и у меня случилась травма спины. Поначалу я думал, что само все утихнет, но боль сконцентрировалась возле двух позвонков и не уходила. Тогда и я решил встать в эту очередь вместе с бабушками. Когда моя очередь подошла, то батюшка с удивлением развел руки и говорит: “Те-

бе-то что надо? У тебя что же может быть?” Я, оправдываясь начал говорить о спине, тогда батюшка, не дав мне договорить, накрыл мою голову епитрахилью и еще подозвал одного человека. И когда мы вдвоем стояли под епитрахилью, а батюшка начал читать молитву, я стал ощущать будто мягкий бисер скатывается с головы по спине, и даже заулыбался и подумал: “Неужели это так явственно происходит?” С клироса я спустился уже без боли в спине.

Еще был случай, когда мы приехали на хутор отца Петра, в то время там жила старая инокиня Лидия. Надо было покрасить стены батюшкиного домика. Мы приехали втроем с неким Сергием. Настроение было удручающим вследствие ужасной погоды, вокруг небо было затянуто облаками и красить в такой ситуации было нельзя. Отец Василий тоже был без настроения, но помолившись в келии отца Петра, он вышел к нам на кухню, и уверенно сказал: “Завтра будем красить, я попросил!” Никакие наши возражения не были приняты к сведению. Проснувшись мы с Сергием от того, что валик уже ходит по стене с уличной стороны нашей комнаты. Быстро поднявшись, мы присоединились к батюшке и начали красить под его руководством. Но зловещая туча висела над лесом в стороне от монастыря и понемногу к нам приближалась, что означало — быть ливню через какие-то сорок минут. Но туча, как бы призамедлив, направилась в сторону монастыря... И что там

Отец Василий и старец Кирилл (Павлов)

началось?!... Нас же этот ливень не коснулся, хоть до монастыря всего 2 километра.

Подобный же случай был при необходимости восстановления забора на этом хуторе. В Таллине постоянно шел дождь как и в Куремяэ. Отец Василий подождав несколько дней, все же отправил меня с неким Иваном, сказав нам: “Как приедете, хотя пару дней подождите, может дождь перестанет, а если нет, то возвращайтесь!” Пока мы ехали, непрерывно шел дождь. Когда мы проехали городок Йыхви, погода стала быстро меняться, и мы на хутор приехали, как в Ташкент! Так, работая несколько дней, не покладая рук, мы выполнили послушание. Хочу добавить, что отец Василий особо почитал Илью пророка и, видимо, ему тогда и помолился».

Вспоминает *раба Божия Вера*: «Я с батюшкой встретилась, когда была еще 17-летней девочкой, только в Таллинн приехала. А потом уже в 1967 году мы стали соседями — жили в одном товарищеском кооперативе в разных подъездах. Лечил он мои ноги. Позвал к себе, поставил меня на колени в своей комнате перед иконами и сам рядом встал, прочел молитву о болящем, а потом сказал: “Теперь иди домой и ложись спать”. Я так и сделала, и даже не заметила, как с ногами все стало нормально.

Но я хочу еще сказать, что об отце Василии знали верующие не только в Таллинне. В 1990-е годы я была в паломничестве в Москве, была на Валаамском подворье. На вопрос откуда мы, ответили: “Из Таллинна, из храма св. Николая в Коплях, у отца Василия”. Нам сказали: “Это тот, который шьет сапоги?” — “Да, это он”. И действительно, уже будучи священником, отец Василий продолжал шить обувь, у него было много колодок. Потом они перекочевали в церковный сарай. Такой же разговор был и в Ленинграде, в церкви на Серафимовском кладбище.

Еще хочется сказать, что отец Василий шил не только сапоги, но и церковное облачение на своей старенькой швейной машинке “Зингер”. Он шил и митры для других церковнослужителей.

Он сам ремонтировал и убирал в храме и территорию вокруг него. Сам залазил на

крышу и менял купола, ремонтировал крышу. Заготавливал дрова на зиму. Отлично готовил еду.

Был очень строгим, тем не менее бабушки-прихожанки добивались его лечения.

Первый взнос на квартиру они с матушкой Лидией собрали тем, что взяли в аренду теплицу и выращивали помидоры. Матушка у отца Василия была особенная.

Перед сносом Пюхтицкого Подворья отцу Василию и матушке Лидии одновременно приснился один и тот же сон: иконы храма как бы ожили, и святые угодники сошли с образов и починно построились парами лицом к выходу. И как все построились, одновременно двинулись на выход из храма. Проснувшись, они с тревогой рассказали каждый свой сон. Сильно удивившись совпадению снов, отец Василий понял, что что-то случится с храмом. Через считанные 1-2 дня ночью храм был снесен бульдозером, а монахинь вывезли на автобусе в Пюхтицкий монастырь».

Вспоминает *раба Божия Надежда*: «Много мне батюшка Василий помогал. У меня были сильные проблемы по гинекологии, предстояла серьезная операция. В это время я не работала, денег на операцию у меня не было, и пришлось обратиться за помощью к батюшке. Он мне предложил подготовить “генеральную исповедь”, причащаться, после службы походить на молебен о болящих. Боли у меня не проходили, и он как-то сказал: “Ты что-то

скрываешь на исповеди”. А мне действительно стыдно было покаяться в своих грехах. Но я собралась с духом и все исповедовала, после чего батюшка сказал, что теперь все будет в порядке. Даже сказал: “Иди на медицинскую комиссию, у тебя ничего там не найдут и будешь бежать по полю и кричать: батюшка Василий!” К вечеру боли у меня прошли, я пошла на следующий день на комиссию, на которой присутствовало три врача. Когда осмотр закончился, они не могли понять, что могло произойти за такой короткий срок, — все прошло. Они спросили меня: “Как вы лечились?” И я ответила, как батюшка меня учил: “Скажи, что в коплинском храме есть священник, который за тебя молился, но они не поймут”. Так все и было. И я, действительно, когда вышла из больницы, бежала по полю и кричала: “Батюшка Василий, спасибо”. Пришла домой, позвонила ему, а он ответил: “Я же тебе говорил, что все будет хорошо”.

Расскажу о другом случае. Поехали с ребенком в гости в Калининград, весь путь почти проехали, подъезжаем к российской границе, проверяют документы и оказывается, что у нас в паспортах нет печати на разрешение въезда в Россию. Пограничники не пропускают, предлагала им деньги, но безрезультатно. Водитель автобуса просит нас забрать вещи, чтобы рейс не задерживать. Ночь, ребенок плачет, у меня появился страх: что будет с нами, если сейчас

нас высадят из автобуса? В отчаянии я облокотилась на стену и чуть ли не в голос стала молиться: “Батюшка Василий, помоги”. И вдруг чувствую его рядом, даже как-будто дыхание слышу. Через некоторое время выходит начальник погранчасти, ему объясняют причину нашей задержки. Тогда он мне говорит: “Заплатите 40 долларов, и мы вас пропустим”. Конечно, я согласилась. Нас благополучно пропустили и на обратном пути тот же начальник нас выпустил из России. Когда вернулись домой, я поблагодарила батюшку за молитвы, он только улыбался и спросил: “Ну, как отдыхали?”

Еще один случай. Меня батюшка благословил идти работать в операционный блок. При первой операции, на которой я помогала, была старушка очень полная, был брюшной разрез и операция прошла успешно, но я переживала, как послеоперационный период пройдет. Пришла к батюшке и рассказываю об этой старушке, а он мне говорит: “Да все хорошо будет с твоей старушкой”. Так и было бабушка благополучно после операции вернулась домой. Батюшка вообще, не видя человека, мог точно ответить на его проблему.

Работая в операционном блоке, я уговаривала хирурга удалить мне жировик на челюсти. Операцию сделали, но потом сообщили, что опухоль оказалась недоброкачественной. Врач сказал, что назначат мне хорошего специалиста и химиотерапию в

уменьшенной дозе. Я сказала, что посоветуюсь. Тут же побежала к батюшке, все ему рассказала, но он мне запретил проходить химиотерапию, а почаще причащаться и приходить на молебны о болящих. Доктору сообщила об отказе, и он был очень удивлен. Я сделала, как велел батюшка и вот уже 21 год хожу к онкологу на осмотр и по молитвам отца Василия живу. Даже доктор как-то сказал: “Вы долго живете после операции”.

Другой случай. Как-то позвонил батюшка и попросил помочь в храме, я с удовольствием согласилась. Всех, кто пришел, батюшка благословил перед работой. Моя миссия заключалась в том, чтобы относить в дровяник дрова, которые пилил батюшка. Потом батюшка попросил меня надеть перчатки и еще раз благословил. И вдруг я вижу, что бревно, которое пилит батюшка, сейчас упадет ему на

ноги, и руками лезу под электропилу, чтобы поймать бревно. И, конечно, пила прошла по моей руке. Я от страха схватила руку, которая попала под пилу, другой рукой и замерла. Батюшка стоит расстроенный и говорит: “Ну, покажи руку”. Я с трудом разъединила руки и вижу: только перчатка порвана, а рука невредима. Вот у всех радость была — что значит батюшкино благословение!

Как-то стою после службы, подходят к батюшке прихожане, из пригорода приехали, угощают его гостинцами, он одной рукой берет, а другой рукой отдает другим прихожанам. Вот такой был батюшка — поступал, как св. пр. Иоанн Кронштадтский, знал, кто больше всего нуждается.

Когда мы сидели за поминальным столом после похорон, то многие рассказывали о материальной поддержке, которую оказывал им батюшка. Скольким же людям он помогал в трудных ситуациях! А сколько мне помогал! Придешь на исповедь и просишь: “Батюшка, помолитесь, помогите работу найти”. Скажет: “Подожди” и уйдет в алтарь и незаметно в карман твой руку опустит. Придешь домой, смотришь — а там деньги лежат, целый месяц можно на них прожить. И так часто было стыдно, но отказаться было невозможно.

А еще расскажу о помощи мне батюшки уже после смерти. Я очень сильно заболела. Еле передвигалась даже, думала, что умираю, и записалась к врачам на обследование. Еле

доехала и дошла до батюшкиной могилки. Было холодно, но я все-таки прочла литию, наплакалась, помолилась, но боль не покидала, и я решила возвращаться домой. Так же еле-еле передвигаясь, дошла до выхода с кладбища, и вдруг подступила тошнота и неожиданно вышла какая-то пена. Через некоторое время боль исчезла, и я радостно и бодро пошла домой. Прошла все-таки медицинское обследование, все анализы были хорошими.

Царствие Небесное дорогому нашему батюшке Василию».

Завершим воспоминания о слугителе Божиим протоиерее Василии благодарностью его сомолитвенника — протоиерея Леонтия Морозкина, клирика собора св. блг. кн. Александра Невского в Таллинне:

Ради Иисуса, а не ради «хлеба куса»

*Светлой памяти таллиннского протоиерея
Василия Лысака, настоятеля Никольского
храма в Копли*

Отец Василий Лысак крестил меня, когда у меня произошла необъяснимая перемена: от жизни обыкновенного «неверующего» молодого советского инженера я пришел ко Христу. Не могу припомнить, каковы были мотивы моего обращения к вере: не было ни личных трагедий, ни каких-то чудес... Не могу припомнить и того, почему решил стать при-

хожанином именно этого замечательного небольшого храма в таллиннском Копли, в самом конце трамвайной линии. Единственное, что нащупывает память — притягивал к себе очевидный духовный уют этого священного места.

Отец Василий, как теперь я понимаю, в сравнении со мной был человеком иной натуры и совсем иного старшего «отцовского поколения»; он был именно тем священником, который мне был необходим. Недавно я нашел в интернет-архиве российского Министерства обороны наградной документ на отца Василия как участника боевых действий на Синявинских болотах при обороне Ленинграда... — вечная память и вечная слава блаженному поколению этих героев ! Страшное это было место и страшные бои там шли, очень немного бойцов уцелело.

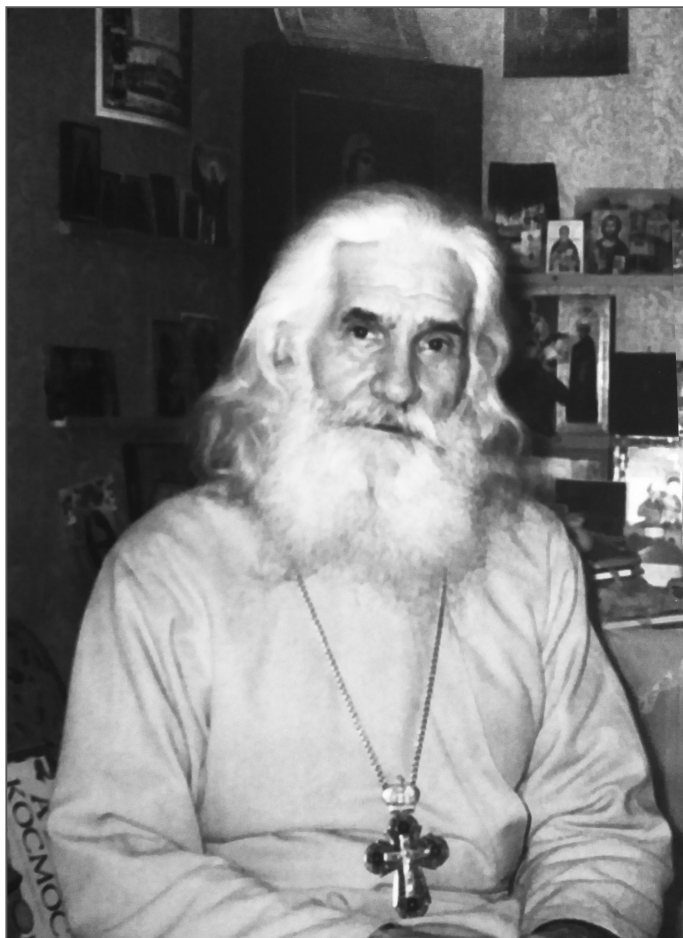
Когда после сдачи вступительных экзаменов в Московскую семинарию я уезжал из Таллинна, отец Василий посоветовал мне в Москве одного священника (если будет необходимо исповедоваться). Он сказал странные для меня тогда слова: «Это верующий батюшка». И тогда, и теперь я думал и думаю, что «неверующий батюшка» — нечастое коварство темных сил. Эти слова отца Василия я теперь понимаю как услышанное мною от него самого в простых словах выражение его собственного высокого благородства, требующего того, что священник был верующим,

подлинно верующим человеком, сокровище которого именно в его вере.

Особым даром отца Василия был дар редкого искусного ремесленника. В этом он был не только специалистом, но, несомненно, и художником; эти дарования целиком посвятил заботам о Никольском храме, где был настоятелем. Своими руками шил прекрасные священнические облачения, перекладывал печи, строил хранилище для дров и брикетов, красил стены и крышу храма... Последним его трудом были маленькие стильные церковные купола, тщательно собранные в наборные конструкции и обшитые тонким листовым металлом. Для себя и некоторых знакомых он шил прекрасную крепкую обувь...

Это был необыкновенно вдумчивый ответственный труженик. Помню, например, что его никак не радовало качество доступных в советское время красок и он готовил свои составы из цветных порошков и тщательно проваренной олифы... Припоминается многое, хотя мне самому не так много пришлось непосредственно помогать ему.

Запомнился случай, произошедший как-то летом, когда мы чистили и перекрашивали крышу храма. Работали весь день, пока было светло. В обеденное время с соседнего судоремонтного завода рабочие ходили в продовольственный магазин. Мы с отцом Василием были на крыше, когда один из проходивших мимо храма рабочих с очевидным «антирелигиоз-

ным» пафосом воскликнул: «Слезай, старик; пусть поп сам работает». Какой-то другой рабочий из этой компании негромко сказал, словно бы в ответ: «Это и есть сам поп». Такие «незаметные» эпизоды, несомненно, дорогого стоят.

Благочестивые церковные люди всегда имеют свои понятия по многим вопросам ре-

лигиозного, общественного, философского значения (если даже совсем не имеют какой-либо научной подготовки)... Такой богатой размышлениями личностью был приснопамятный протоиерей Василий. Однажды, после окончания очередных работ, мне достались от приходского правления некоторые деньги, я хотел их обязательно вернуть. В ответ на это, отвечая на мои мысли о том, что в этих деньгах у меня нет особенной нужды, батюшка с совершенным спокойствием и деловитостью предложил на эти «лишние» деньги сделать мне в моем доме для семьи запас долго хранящихся продуктов, лекарств, топлива и т.д., которые «скоро» могут очень пригодиться. Это был, кажется, восемьдесят первый год; политические «перестройки» с их опасностями были еще никому не ведомы. Отец Василий, однако, настаивал в тогдашнем разговоре, что неожиданные общественные потрясения не за горами. Так и произошло, и я был благодарен ему за предупреждение.

Он знал и переживал в своем сердце (чаще безмолвно, как запомнилось мне) и многие настоящие трудности, а иногда и настоящие несчастья собственно церковной жизни. Среди таких переживаний за работой, за каким-либо ремесленным рукоделием он вдруг проносил с печалью: «Не за Иисуса, а за хлеба куса»; или тихо вдруг говорил: «В общем, в общем...» И все было понятно. Он был истинный пастырь Христов.

Содержание

Предисловие.....	3
Протоиерей Петр Серегин	5
Поучения, беседы, проводи.....	56
Батюшка Ермоген	67
Духовные корни	69
Духовное возрастание	76
Духовное возмужание	89
Духовные плоды	97
Из воспоминаний духовных чад.....	108
Бог хранит нас для того, чтобы мы хранили истину Православия!.....	127
Иеродиакон Никон (Муртазов)	169
Священник Василий Борин	167
Протоиерей Вячеслав Куркин	235
Протоиерей Василий Лысак.....	267

Эстонские пастыри и старцы

автор-составитель

Л. А. Ильюнина

Редактор — Л. А. Ильюнина

Корректурa — Р. Б. Рудницкий

Верстка — Л. В. Васильева

Адрес редакции: 196084 Санкт-Петербург,
ул. Цветочная, д. 16.

e-mail: letopisets@mail.ru

По всем вопросам о приобретении
обращаться по тел.: (812) 387-04-11.

Подписано в печать 20.01.2020. Формат 84 × 108 1/32

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19

Заказ № 200

Отпечатано в ООО «Контраст»

129029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 38

тел. (812) 677-31-19, e-mail: ooocontrast@yandex.ru